

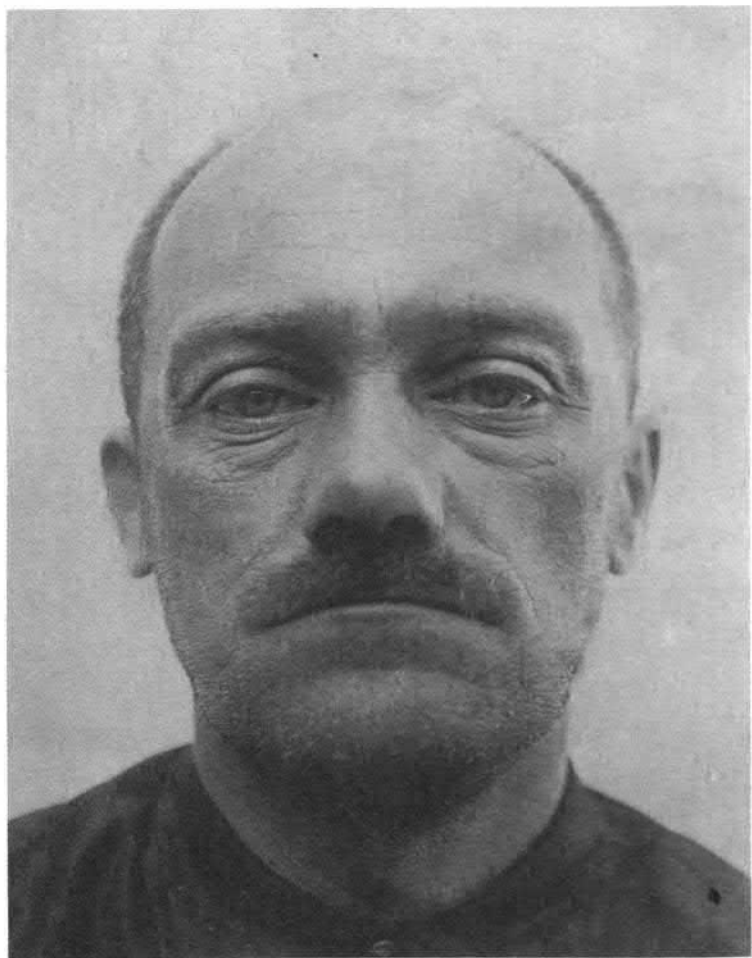
Евгений
Кропивницкий
Избранное
736
стихотворений
+ другие
материалы

Евгений Кропивницкий
Избранное
736 стихотворений
+ другие
материалы

Евгений Кропивницкий. Избранное

Евгений
Кропивницкий
ИЗБРАННОЕ
736 стихотворений
+ другие
материалы

«Культурный слой»
Москва, 2004

Кропивницкий Евгений
Избранное: 736 стихотворений
+ другие материалы. – М.: 2004. –
672 с. илл.

Евгений Леонидович Кропивницкий
(1893–1979) – поэт, принадлежащий
по возрасту «серебряному веку»
русской поэзии, «дописавший до себя»
в глухие 30-е годы и оказавший большое
влияние на неофициальную поэзию
50–70 годов. Поэт, воспитывавшийся
на Фете и Бальмонте и воспитавший
Холина и Сапгира. Выдающийся русский
поэт, практически не публиковавшийся
на родине при жизни.

Книги стихов, над составлением
которых Е.Л. Кропивницкий работал
на протяжении всей жизни, легли в
основу настоящего «Избранного».
Большинство стихотворений публикует-
ся впервые.

В книгу включена также избранная
проза Кропивницкого и подборка
текстов о нем.

ISBN 5-98583-002-0

- © Е.Л. Кропивницкий, наследники, 2004
- © Ю.Б. Орлицкий, предисловие, 2004
- © И.А. Ахметьев, составление,
комментарий, 2004
- © Е.А. Корнеев, дизайн, 2004
- © В.Е. Кропивницкая, 2004
- © Г.В. Сапгир, наследники, 2004
- © И.С. Холин, наследники, 2004
- © Вс.Н. Некрасов, 2004
- © издатель В.И. Орлов, 2004

Стратегия выживания литературы: Евгений Кропивницкий

В последние годы имя художника и поэта, основателя так называемой «лианозовской школы» художников и поэтов Евгения Леонидовича Кропивницкого наконец-то становится известно специалистам и читателям: в Париже и Москве были изданы два небольших сборника его стихов, одна за другой появляются публикации в периодике, вышел ряд мемуарных материалов и первые опыты осмысления творчества поэта и его места в истории русской культуры XX века. Поэтическое наследие Кропивницкого, до последнего времени оставшееся не собранным и не изданным более или менее представительно, позволяет совершенно по-новому взглянуть на общую картину развития русской поэзии.

Евгений Леонидович прожил долгую жизнь, поэтому стихи в его многочисленных рукописных тетрадках датированы в очень широком диапазоне: от 1909 до 1978 годов. При этом Кропивницкий принадлежит к тому «длинному» поколению русских литераторов, которое принципиально творило «в стол», отчетливо осознавая, что его эстетика решительно не совпадает с принципами соцреализма и его попутчиков (в последнее время об особенностях этой «подпольной» поэтики начинают писать, в первую очередь – один из ярчайших ее представителей поэт Всеволод Некрасов и критик Владислав Кулаков).

Сначала казалось, что поэтов, выбравших такую стратегию, в советской России было немного и что их вклад в историю отечественной поэзии в целом невелик. Однако по мере того, как мы открываем всё новые и новые имена и знакомимся с новыми художественно первоклассными текстами, становится ясно, что это вовсе не так. По крайней мере, потаенный третий поток русской поэзии оказывается не менее

значимым для понимания ее как целого, чем два более известных – литература Зарубежья и советская.

Вот что написал Е.Л. Кропивницкий 25–30 апреля 1967 года:

Искусство для искусства,
Как греза, как мечты,
Как вешние цветы.
Искусство для искусства,
Для выраженья чувства,
Для чистой красоты.
Искусство для искусства,
Как греза, как мечты. (1)

В этом стихотворении, созданном, казалось бы, с опозданием на сто с лишним лет, нашли свое отражение основные принципы эстетики Кропивницкого: нарочитый традиционализм, сопровождаемый постмодернистской плотностью интертекстуального и цитатного поля, стремление работать в первую очередь с прямым значением слова, осознанный примитивизм формы в сочетании с философичностью и даже нравоучительностью. Именно этот набор средств поэтической выразительности в совокупности с высоким мастерством позволил Е. Кропивницкому объективно сыграть роль хранителя и своеобразного транслятора национальной поэтической и художественной традиции, уверенно противопоставляющего ее квазиавангардистской «маяковщине» и квазинародному и квазиклассическому примитиву официальной советской поэзии.

Рассмотрим по необходимости кратко некоторые черты индивидуальной поэтики Кропивницкого, позволившие ему сыграть эту роль и воспитать целую плеяду поэтических дарований, занимающих сегодня ключевое положение среди представителей старшего поколения отечественной словесности.

Первая из них – консерватизм, проявляющийся прежде всего в ориентации на поэтику лирики XIX – начала XX века во всем ее разнообразии. При этом, как свидетельствует один из «выпускников» «лианозовской

(1)
Стихотворения
Е. Кропивницкого
цитируются по
рукописям, храня-
щимся в личном
архиве Г. Сапгира.

школы» Генрих Сапгир, Кропивницкий прекрасно знал «несоветских» классиков, отдавая предпочтение не «мобилизованным революцией» Пушкину, Лермонтову и Некрасову, а таким же, как он сам, «беспартийным» русским поэтам: Тютчеву, Фету, А.К. Толстому, Бальмонту, Клюеву, даже Северянину.

В этом смысле показательны набор имен и смена характеристик в триптихе «Поэты» (1938–1943–1941). В первом из вошедших в него стихотворений, датированном следующим после «сталинского» юбилея Пушкина 1938 годом, сквозит нескрываемая ирония не только к «юбилейщикам», но и ко «всеобъемлющему» и «многоликому» юбиляру. Ему противопоставлены другие, любимые Кропивницким поэты прошлого, по поводу которых он не ограничивается констатацией их «размеров», но признается им в своих чувствах:

1. Ода

Ода Пушкину. Поэт
 Всеобъемлющий. И нет,
 Нет поэта равного.
 Слава, слава славному
 Из поэтов главному,
 Слава многоликому
 Пушкину великому!

2.

Мил мне Игорь Северянин
 И люблю я Сологуба,
 Больше всех душе желанен –
 Фет, – люблю его сугубо.

Так прозрачна лира Фета,
 Так звеняща лира Фета, –
 Тоньше трепетного Фета
 Нет и не было поэта.

3. Фет .

Мне мил сугубо облик Фета
С его прозрачностью. О, Фет!
Вот настоящий дух поэта, –
Фет – исключительный поэт.

Отмеченный особой метой,
Отличной от обычных мет,
Весь праздник пламенного лета –
Он светит нам, как светит свет.

Мы рядом с Фетом веем прозой
И буднями усталых дней
Без звезд и даже без огней:

А вот у Фета – дышат розы,
Трепещут свежие березы
И грезы зыблются о ней.

Традиционность ориентации поэтики Кропивницкого сказалась здесь не только в тщательно подобранной «фетовской» лексике, но и в выборе формы стиха. Вообще, сонет – одна из любимых форм поэта: им написаны многие стихотворения, циклы и даже целые сборники стихов Евгения Леонидовича (например, «37 сонетов» 1938–1954 годов).

Другая традиционная форма, к которой нередко обращался поэт – введенные в русскую поэзию Иннокентием Анненским «трилистники»; использует он также «Секстины» и даже «Триолет» – правда, очень своеобразный по содержанию «наполнению»:

Все живут – зачем? – не знают. –
Так – рождаются и живут.
Строят, роют, кроют, прут.
Все живут – зачем? – не знают –
Пьют, едят и убивают,
А потом, гляди, помрут.
Все живут – зачем? – не знают –
Так – рождаются и живут.

Нередко прибегает Кропивницкий и к циклизации стихотворений, тем самым почти автоматически отсылая читателя к поэтике Блока и других мастеров Серебряного века. Явственно чувствуются в лирике Кропивницкого также мотивы Бальмонта, Брюсова, Сологуба, Клюева. При этом он не скрывает своих ориентиров, а напротив, демонстрирует их, вспоминая – цитатами и эпитафиями – многих своих предшественников. (Его стихи характеризует беспрецедентная для автора, живущего до «постмодернизма», широта круга обнаруживаемых предшественников, что должно лишний раз подчеркивать принадлежность самого поэта к традиции в ее прежнем, досоветском понимании.)

Многие сонеты Кропивницкого нарочито снижены тематически, они повествуют о жизни городских «низов», барачной советской окраины. Вторжение быта и иронии способствует своего рода стилевому снижению, «одомашниванию» традиционных высоких форм, их семантической деформации.

Вообще, намеренное смешение высокого и низкого, бытового и философского – еще одна из определяющих особенностей поэтики Кропивницкого. Так, иногда он мастерски мобилизует для решения своих художественных задач высокую лексику, подобно Тютчеву:

Холодный ветер в степях прошел.
Закат стал золотом гореть.
Вскипело море ринув в мол
Зеленоогненную медь.

В сгущенной хляби голубой
Свирепый ураган свистал.
Дружины волн вступали в бой,
Вставал за валом черный вал.

1943

В других случаях романтическая лексика появляется не сразу, она словно бы прорастает сквозь зарисовку состояния природы:

Синеет март, звенят капли,
Природе снится синий сон.
Идти куда-то так, без цели
И знать – весна со всех сторон.

И в сумерках и синях снега
Ловить неясное. И ждать:
Сойдет неведомая нега
И неземная благодать.

1943

В так называемых нравоучительных стихах Кропивницкого, написанных, конечно же, не без иронии, используется поэтика прямого слова, отсылающая нас к «дометамфорической», доромантической эпохе русской лирики:

Нравоучительный сонет

Ты не куришь – всем известно.
Знаю: падох ты до баб,
Потому что волей слаб.
Только слабым быть не лестно.

Ах, не слаб?! – Тогда чудесно!
Не тяни к бабенциям лап,
Как безвольный темный раб –
Ну их к черту, ну их к бесу!

Жизнь и так не велика,
Жить и так совсем не скучно:
Сочиняй сонеты звучно.

А природа! а река!
А весна, зима и лето –
Это что ж, не для поэта?

Предельно прост на первый взгляд и подход поэта-художника к проблеме живописности стиха: он постоянно использует в своих пейзажных стихотворениях цветовые эпитеты, словно работая локальным цветом:

Жемчужно море. Пароход
 Дымит сиянье сини.
 На ярком гравии народ,
 Киоск, арбузы, дыни.

Загар и платьев белизна,
 И красных фесок пламя.
 В толпе и солнце ждет она –
 Есть тайна между нами.

Звенит рокочущая медь
 На голубом просторе...
 Люблю в глаза ее глядеть
 Жемчужные, как море.

В стихотворении «К лубочной картинке» поэт нарочито отсылает нас к источнику живописной стилистики своих пейзажных стихов – народной картинке:

И ушел он одинокий.
 Слышал глас он одинокий.

Глас сей несся из пустыни,
 Шел на глас он, одинокий.

Огонь песка, а дали сини.
 Шел он долго, одинокий.

Он в пустыне поселился.
 У ручья он поселился.

И молился Богу он.
 Зверь с ним рядом поселился.

Зверь. Пустыня. Небосклон.
 Ручеек. Шалаш. И – он.

От лубочной поэтики – в широком понимании слова – тут не только локальность цвета и лаконичность рисунка, но и умышленная бедность словаря, почти

неизбежная тавтологичность, так часто используемая поэтом, особенно в рифме. Однако парадоксальным образом эта же самая тавтологичность отсылает нас одновременно и к другой традиции: вспомним, например, «Триолет», процитированный ранее. Ср. в другом стихотворении этого же периода:

В огороде палка
Длинная торчит,
А на палке галка
Черная торчит.
Как-то галку жалко,
Что она торчит.

Подчеркнутый примитивизм этих и других стихов сродни изоощренному квазипримитивизму поэтики обэриутов, с которыми Кропивницкого роднит также ирония к своим персонажам, изображаемым вместе с тем с непременным сочувствием.

В первую очередь это относится к так называемой барачной поэзии Кропивницкого – большой серии портретных и жанровых зарисовок, посвященных поселковому быту и его героям. Приведем один пример:

У забора проститутка,
Девка белобрыся.
В доме 9 – ели утку
И капусту кислую.

Засыпала на постели
Пара новобрачная.
В 112-й артели
Жизнь была невзрачная.

Шел трамвай. Киоск косился.
Болт торчал подвешенный.
Самолет, гудя, носился
В небе, словно бешеный.

Дистанция между автором и персонажем в таких стихах минимальная, поэтому нередко они превращаются в ролевые:

Подвела часы и брови
И отправилась гулять.
Обомлела от любви –
Влюблена ни дать ни взять.

У него такое место:
В пиво влил воды – барыш.
Я его теперь невеста,
А его Маруське – шиш.

В других случаях эта дистанция, однако, резко возрастает – например, в написанном от имени «алкогольных чертей» стихотворении «Зарок», повествующем о судьбе нарушившего обещание не пить человека. Стихотворению предпослан неожиданный (если не учитывать априорную «культурность» поэзии Кропивницкого) эпиграф из Леонардо да Винчи – «Вино мстит пьянице».

Следующая характерная черта художественного мира Евгения Кропивницкого может быть определена как своеобразный неоруссоизм. Его любовь к природе во всем многообразии ее проявлений (в том числе и сугубо «городских» – к живущим в городе птицам, вроде галки, или растущим «в неволе» деревьям) подразумевает изначальное превосходство естественного мира над искусственным.

Женщина с коровой

Вот и женщина с коровой
По тропинке пробирается:
Меж кустов рога качаются...
Хорошо: туман лиловый,
Солнце, сквозь туман, ласкается.

Соответственно, носителями идиллического, естественного начала у Кропивницкого выступают деревенские жители; в этом смысле особенно показательным

оказывается цикл стихотворений «Деревенская старина».

На уровне частного человеческого существования эта идилличность предстает перед нами как домашность положительного героя, его обращенность к семье, к близким (в этом смысле характерны посвящения многих стихов Кропивницкого «Оличке», то есть жене, художнице Ольге Потаповой, юному ученику Сапгиру и т. д.). Эти человеческие качества в условиях диктата «общественного» над личным предстают как особое достоинство лирического героя, противостоящее самоуничижению «советских» перед любимыми начальниками, а уж тем более вождями, политическими и литературными.

Именно частное достоинство обеспечивает человеку в условиях тоталитарного существования возможность творческого самостояния. Причем достоинство естественным образом оборачивается некоторой невольной элитарностью, противостоянием довольной своим животным состоянием массе. Оно же вкупе с руссоистским взглядом на бытие обеспечивает и самодостаточность этого мира.

Было бы неверно представлять поэта равнодушным к остальному, недомашнему миру эскейлистом – напротив, он всячески проповедует необходимость изображать «правду жизни», совершенно справедливо противопоставляя в этом смысле свое творчество советскому стихотворному официозу. Это отчетливо сформулировано в авторском предисловии Евгения Кропивницкого к его парижской книге «Печально улыбнуться...» – в заметке «К своим стихам», датированной 1975 годом. В ней поэт пишет:

«Эта правда жизни смущает, особенно тех, кто привык считать себя знатоком поэзии. Они смущены, и в головах их рождается протест. “Это не поэзия, говорят они, здесь нет ничего поэтического”. И одни из этих “ценителей поэзии” говорят: поэзия не должна быть грубой, в ней уместны розы, грезы и слезы, а не то, что вы пишете. А другие так говорят: поэзия должна быть патриотичной и поэтической – надо изображать белые березы, ширину страны, в которой живешь, любовь к родине и борьбу за лучшее будущее. И хором говорят так: что вы нам в нос суετε бандитизм, воровство,

жульничество, самоубийство, женский разврат, мужской мат; показываете санитарок со вшами, пьяниц с водкой и селедкой, и прочее и прочее. Нет, нет! Поэзия должна быть возвышенная, героическая, зовущая и пропагандирующая светлое будущее.

Но автор не хочет возражать на все это. Просто ему чужда поза, выдумка и фальшь. Плоть и кровь бытия интересует автора стихов. Вас он показывает вам, миряне, по мере сил и способностей»⁽²⁾.

(2)
Кропивницкий Е.
Печально
улыбнуться...:
(Стихи и проза).
Париж, 1977.
С. 7–8.

В 1950-е годы основные принципы поэтики Е. Кропивницкого начинают активно осваиваться его учениками – художниками и поэтами «лианозовской школы». Первый шаг – подражательный – делают авторы «барачных» стихов второго поколения – Игорь Холин и Генрих Сапгир. Однако книга Холина «Жители барака» значительно жестче поселковых зарисовок Кропивницкого, в ней не находится места жалости и сочувствию. В «барачной» лирике Сапгира на первый план выходит маскируемая Кропивницким авторская ирония по отношению к персонажам.

В дальнейшем поэты-лианозовцы, став горожанами и естественным образом уйдя от поселковой тематики, сохраняют в собственном творчестве важнейшие особенности художественного мира своего учителя, которого они очень ценили (см., например, надпись Сапгира на книге Кропивницкого: «Стихи Великого Учителя – скромный ученик. 24.4.90»). Прежде всего это подчеркнутая неофициальность, укорененность в культурном пространстве, ироничность, домашность.

Так, творчество Сапгира, несмотря на его безусловную авангардность, всегда отличал влюбленный интерес к обыденности (правда, нередко сочетающийся с фантастическим ее переосмыслением – скажем, в знаменитых «Московских мифах»). Многие его стихи посвящены друзьям-поэтам и/или описывают иххождения (так же, как стихи Холина о Сапгире). Кроме того, Сапгир (что особенно неожиданно для поэта-авангардиста) постоянно апеллирует к прямым значениям слов, пишет до удивления «просто».

В немалой степени из лианозовской барачной реальности, определившей тематику ранних стихов,

вырастает и причудливая социальная фантастика поэзии Игоря Холина.

Ян Сатуновский заимствует у старшего товарища пристрастие к домашнему философствованию, настороженное отношение к поэтическим красотам, в первую очередь – к метафорике.

Всеволод Некрасов доводит интимизацию поэтической речи, свойственную лирике Кропивницкого, до минимализма, фиксируя в своих стихотворных миниатюрах обыденную лексику и интонацию как формы той же самой «правды жизни».

Наконец, для Э. Лимонова, тоже некоторое время входившего в круг лианозовцев, перепечатывавшего и переплетавшего рукописные сборники стихов Кропивницкого, особенно актуальной оказывается интертекстуальность поэзии Евгения Леонидовича, его постоянная апелляция к опыту мировой культуры. То же, кстати, можно сказать и о стихах сына поэта, известного живописца Льва Евгеньевича Кропивницкого, в единственной прижизненной книге стихов которого «Капризы подсознания» обильно цитируются и обыгрываются фрагменты произведений авторов самой разной ориентации.

Таким образом, выработанные в борьбе за выживание принципы локальной «лианозовской» поэтики Евгения Кропивницкого оказали самое решительное воздействие на формирование ряда крупнейших творческих индивидуальностей второй половины XX века и тем самым – на поэтику русской литературы этого периода в целом.

Ю.Б. Орлицкий

Книга первая

КУСТЫ – И ЭТО

1936 – 1946

ОЖЕРЕЛЬЕ

1936 – 1963

КУСТЫ – И ЭТО

*

Писать с природы
Люблю свежо.
Гуляют куры –
Как хорошо!

Кусты – и это,
И им я рад.
Всё для поэта,
С поэтом в лад.

1939

НАЧАЛО ВЕСНЫ

*

Еще земля бела,
Зима глядит в оконце.
Но хочется тепла
И блещущего солнца.

Земля в объятьях сна,
Весной еще не пахнет.
Но близится весна –
И вот она, как ахнет –

И побежит вода –
Ручьи, ручьи... И реки
Сорвут кору из льда...
Ликуйте, человеки!

1943

Кусты – и это
1936 – 1946

*

Хоть весна скупа, и снег –
Все ж весна, весна, весна –
И ее воздушный бег
Видит зверь и человек,
Чует липа и сосна.

Чует всяк ее приход
Вылезая из норы.
Что касается до вод –
Вод поет подвижный ход
И с пригорка, и с горы.

Только черные грачи,
Прилетев издалека,
Зябнут в холоде ночи.
Но и им не до кручин
Если тронулась река.

1943

*

Был мороз свиреп и крут,
А потом вдруг тало стало.
Наконец растаял пруд,
Наконец весна настала.

Ярка травка. Зацвели
Ярко-желтые цветочки.
Наконец-то к нам пришли
Долгожданные денечки!

10 апреля 1943

*

Ветер дует, дует, дует,
Надоел.
Но не дует ветер всеу –
Снег осел.

Оголились бугорочки
И на них
Распускаются цветочки –
Много их.

И душистые сирени
Уж цветут.
И ажурные пали тени
Там и тут.

1943

Кусты – и это
1936 – 1946

НА ДАЧЕ

*

За террасой в полумраке
Мерно тявкали собаки.

Спали серые болота.
Сладко мучила зевота.

За болотом спали елки,
Но не спали перепелки.

Взяв пальто свое и трость
Наконец поднялся гость.

5 октября 1945

*

Было серо. Небо плакало.
На болоте жаба квакала.

Смокли сильно лопухи.
Куры тоже. Петухи

Тоже. Я намок изрядно,
Но тепло. И вот – приятно.

1945

*

Нега зелени. Вода.
Пятна солнца на аллее.
И скамья. Была тогда
Та скамья, и в те года
Всех других скамей милее.

1937

*

Над водою спят кувшинки
И листы зеленые.
С серых ив летят пушинки
Сонные-пресонные.

Над водою балалайка
Тренькает унылое.
Лиловее в лодке майка
И белеет милая.

12 марта 1940

Кусты – и это
1936 – 1946

*

Загрустил на даче Соловьев –
Нет ему давно ни в чем удачи,
Распугали люди соловьев –
Не поют они теперь на даче.

Небо хмуро. Холодно. К тому ж
От дождя смешно намокли дачки,
И какая бездна всяких луж,
Ну хотя б у этой водокачки!

Вот так май! И нету соловьев! –
Распугали сволочи! – Уньлю
По панели ходит Соловьев –
Ничего ему теперь не мило.

1946

НА ЮГЕ

*

Помню моря сини, дали.
Память парус бережет.
В солнце пели и сияли
И волна, и бережок.

В узких улицах каштаны.
У ограды пламя-мак.
И белел объехав страны
Белым кителем моряк.

А когда пылали луны
Электрических огней, –
Жизнь дышала счастьем юным:
Тайно думалось о ней.

1936

*

Жемчужно море. Пароход
Дымит сиянье сини.
На ярком гравии народ,
Киоск, арбузы, дыни.

Загар и платьев белизна,
И красных фесок пламя.
В толпе и солнце ждет она –
Есть тайна между нами.

Звонит рокочущая медь
На голубом просторе...
Люблю в глаза ее глядеть
Жемчужные, как море.

1936

*

Ива старая мхом поросла.
Даль собрала туманные зданья.
Привязал у дороги осла.
Ярок день от лучей трепетанья.

Торопиться не надо и лень.
Отдохнуть, задремать, пробудиться,
Оглядеть эту синюю тень,
Этот блеск. Для чего торопиться?

1936

*

Старый порт. В цвету земля.
Юга огненное море.
Голубые тополя,
Груши в розовом уборе.

Серебристая коса.
Блеск лилового восхода.
Золотые паруса
На эмали небосвода.

Черных мачт густая сеть,
Корабля большое тело...
Все глядеть бы да глядеть,
Да слоняться бы без дела.

1946

МАРТ

*

Март. Синева дорог.
Снега пошли на убыль.
Не промочить бы ног –
Залить калоши рубль.

Ах, это не беда!
Дышать весенней волей, –
Идти – туда, туда,
Где серебрится поле.

Вот старая сосна,
Вот дом, вот палисадник.
Весна! Весна-красна!..
Зима осталась сзади.

1937

*

Кошачий месяц. Синий-синий.
И с крыш течет, течет, течет.
То сизый мрак. То четкость линий.
То солнце – слабо, но печет.

А главное – весенний запах!
И вот, и вот – сбылась мечта!
Томишься, млеешь в цепких лапах
Большого, рыжего кота.

1940

Кусты – и это
1936 – 1946

В ЛЕСУ

*

Милый пенёк, ты сух и чист;
На тебе сидеть приятно.
Лес и весел и душист,
Веют пихты ароматно.

Белки виден рыжий хвост,
Белка прыгает так мило...
Растянусь во весь свой рост,
Наплевать, что жил я хило.

1943

*

Филарету Чернову

Рубку леса производят
Лесники.
По стволам пилами водят
Старики.

Колят, рубят топорами
Лесники.
И дрова кладут рядами
Старики.

И дрова обносят тыном
Лесники.
И почесывают спины
Старики.

1938

АПРЕЛЬ

*

Небесных просторов
Распахнуты двери.
Покинули норы
И логова звери.

Весна. Звери тощи,
Но нюхают волю –
И нюхают рощи,
И нюхают поле!

Вот волк, вот лисица,
Медведь и зайчиха...
Не сон ли им снится?..
Так сладко, так тихо...

1943

*

Будяки в канавах милы.
Под заборами тепло.
Кустик чахлый, цветик хилый
Распустились с юной силой,
Небо вешнее светло.

1939

Кусты – и это
1936 – 1946

*

На поле ржет кобыла.
Над полем облака.
За полем – блеск – река.
На поле ржет кобыла
И радостный Ярило
Придя издалека –
Услышал: ржет кобыла,
Увидел облака.

1945

*

Под жаром солнца ветер стих.
Поют в деревне петухи
И зеленеют лопухи.
Весна вошла в мой легкий стих
И вот цветут мои стихи
И птички радуются в них.

1939

*

Природа вешняя ясна.
Глядите, солнышко, весна.
Весна, весна, весна, – глядите.
Вы любите весну, скажите?..
Берите кепку и идите.

10 апреля 1940

ЦВЕТЫ

*

Ландыши свежи –
Собирай скорей!
Лентой их свяжи
Из косы своей.
На окно поставь
И природу славь.

1939

Цветик

Милый цветик, ты увял.
В поле ты когда-то
Был наряден, ярко-ал,
Веял ароматом.

Бархатистая пчела
На тебя садилась,
Пыльцу легкую брала,
Быстро уносилась.

Расцветала и цвела
Вешняя природа.
И вокруг тебя была
Чудная погода.

1938

ХОЛОДНАЯ ВЕСНА

*

Хоть весна – ветра задули –
И холодные – беда!
Дули, дули – и надули –
И задули холода.

Птиц не слышно переклички
Поутру.
Зябнут бедненькие птички
На ветру.

Мерзнут птички. Корму нету.
Жутки холода.
Не дожидаться многим лета –
Гибель и беда.

1938

*

Все дует ветер, дует ветер.
Сшибает с ног холодный ветер.

Как надоело – нет тепла,
А все визжит холодный ветер.

Зимой земля была бела
И дул тогда холодный ветер.

Пришла весна – земля гола,
Но режет злой холодный ветер.

Как холодно! Как много зла
Приносит нам холодный ветер.

13 апреля 1940

Кусты – и это
1936 – 1946

ДЕТСТВО

*

На палке пугало торчит
Пугая воробьев.
Малинник спит и сторож спит –
Геннадий Воробьев.

Рогожа старая – шалаш –
В нем сторож Воробьев.
Как хорошо: малинник наш –
И наш, и воробьев.

1940

*

Во сне желанья живы...
Лежу у старой ивы, –

Мальчишка, босоног,
Убог, но без тревог.

Играю бойко в бабки.
Несусь, как есть, без шапки:

– Кататься! Эй! К реке! –
Катаюсь в челноке.

1937

*

На штанах заплатка,
На лице веснушки,
А в руке рогатка
И зовут Петрушка.

Разобидел Машку.
В луже ладил лодку.
Подобрал стекляшку –
Ценная находка!

1939

*

Глядеть в зеленую бутылку
Довольно хорошо.
Найти заржавленную вилку
Довольно хорошо.

Есть простоквашу на террасе
Довольно хорошо.
Бежать играть в игрушки к Васе
Довольно хорошо.

Забраться к сторожу в малину
Довольно хорошо.
Домой бежать от хворостины
Не очень хорошо.

1937

*

Первый снег и бел и нежен,
Снегом пахнет на дворе.
Спит собака в конуре.
А денек и тих и снежен,
А снежок и чист и нежен,
И забавно детворе,
Что снежок и бел и нежен,
И что снежно на дворе.

1938

В МАЕ

*

В зеленой чаще – чаще
Звучанье соловья.
Весна. Доволен я,
Брожу по темной чаще,
А соловей все чаще
Поет на склоне дня.
Все чаще, слаще в чаще
Звучанье соловья.

1939

*

У окна отрадно
Пить чаек.
Май. Тепло. Приятно.
Вот денек!

Бабочки проснулись
И летят.
Гусем потянулись
Шесть утят.

1943

Кусты – и это
1936 – 1946

КАРТИНКИ

Песня дикаря

Еду, еду по пути.
У меня есть самострел.
Распустились ландыши.
Рыба вкусная карась.

Милка, ночью приходи.
Я вчера капусту ел.
Белы козы хороши.
Конь мой сердится, дыбась.

Ветер, во поле гуди!
Ой, как жарко, я запрел!
Зяц прыгает пушист.
Рыба вкусная карась.

Там курганы впереди.
Брат от хвори окосел.
Куст ракитовый тенист.
Конь мой сердится, дыбась.

1939

Времена года

Жарко. Парит. Тишина.
Птичья песня не слышна.

Дождик. Слякоть. Желтый лист.
Синева и ветра свист.

Белы белые снега.
В небе месяца рога.

Зеленеет. Пенье птиц.
Солнце – блеск небесных спиц.

1944

Прогулка

От росы трава помята.
Веет светлая прохлада.
Пахнет осень. Аромата
Прибавляет также мята.
Из-за лога, из-за ската
Виден дом и сад. Из сада
Не спеша выходит Лада
Алексевна. Ей услада
Погулять. Она так рада.

1943

К лубочной картинке

И ушел он одинокий.
Слышал глас он одинокий.

Глас сей неся из пустыни,
Шел на глас он, одинокий.

Огонь песка, а дали сини.
Шел он долго, одинокий.

Он в пустыне поселился.
У ручья он поселился.

И молился Богу он.
Зверь с ним рядом поселился.

Зверь. Пустыня. Небосклон.
Ручеек. Шалаш. И – он.

1943

КУРЫ

Оличке

*

Петушки поют всё лето
Копошась в тени ветвей.
Много в лето песен спето,
Много склевано червей.

Чтоб всходило солнце, чтобы
Сладко веяли ветра –
Воспеваются особо
Нежно-летние утра.

А когда сини и жгучи
Тучи-рати в бой идут –
Петушки и эти тучи
С удовольствием воспоют.

1939

*

Крыла – поэма цвета,
Увенчан гребешком,
Ступает в свете лета.
И радостью согрета
Картинка с петушком.

1940

Кусты – и это
1936 – 1946

ЗНОЙ

*

Зной. Заснула в зное зелень.
Злится в зелени комар.
Белым блеском блики мели
Отразили неба жар.

И забрав с собой корзину,
Длинный прут, лесу, крючок,
Сладил лодку у лозины
Старый, сонный старичок.

1937

*

Ни капли с неба не упало, –
Жара шестидесятый день.
На сизом небе солнце ало,
В палящем зное сникла тень.

Повисли паруса устало,
В воде купается плетень,
Сухое жгуче жалит жало
Седые избы деревень.

Но там где сосны – сладко пахнет
Янтарно-липкая смола.
Дорога пыльная бела.

И вдруг ружейный выстрел ахнет –
И где-то в озера глуши
Заплещут буйно камыши.

1938

*

Спали: кровля, избушечка
И понурый плетень.
Позатихла кукушечка –
Куковать стало лень.

Позаснула лягушечка
Кожи съёжив ремень.
И убога старушечка
В куст забралась под тень.

Лишь бляели овечки. И
Стрекотали кузнечики,
Да за красной сосной –

У большого треножника
Увидал я художника
Рисовавшего зной.

1943

Кусты – и это
1936 – 1946

ГАЛКИ

Оличке

*

В огороде палка
Длинная торчит,
А на палке галка
Черная торчит.
Как-то галку жалко,
Что она торчит.

1938

*

На козе сидели галки
Собирая козий пух.
Веял ветер – вешний дух.
На козе сидели галки,
У избы торчали палки
И, гуляя, пел петух.
На козе сидели галки
Собирая козий пух.

1938

ЗАЙЦЫ

*

Белеет белый зайчик,
Белея прыг да скок.
Под снегом спит сарайчик,
Под снегом дремлет стог.

Под снегом спит земляца,
Все спит да спит себе.
И красная девица
Уютно спит в избе.

А зайчик, зайчик белый,
Белея, скок да прыг.
На лапочки присел он
Заслышав волчий рык. –

И в поле – без оглядки,
Весь бел, как белый снег –
Мелькали только пятки,
Такой был быстрый бег.

1936

*

Ты стоишь один, сарайчик,
Одиноко и в глуши.
В огороде серый зайчик,
А морковки хороши.

«Эх, как глухо» – мыслит зайчик,
Да и правда – ни души.
Лишь стоит один сарайчик
Одиноко и в глуши.

1943

Кусты – и это
1936 – 1946

ЦВЕТНАЯ ОСЕНЬ

*

Рябинка алеется.
Поют петухи.
На солнышке греются
У лип пастухи.

Лист падает, падает,
Но радует гриб.
И красочность радует
И кленов, и лип.

1941

Осеннее панно

Красен клен. Желты березки.
Красен клен.
Зеленей ярки полоски.
Красен клен.

Красен клен. Лилова просень.
Красен клен.
Тишина. Прозрачность. Осень.
Красен клен.

Красен клен на хrome сада.
Красен клен.
В пестрой ткани листопада
Красен клен.

1945

ЖИВОЕ

Козлы

Блеют белые козлы
У речного водополя.
Жарко им. Томясь от зноя
Блеют белые козлы.
Жалят мухи. Мухи злы.
И томясь, уныло ноя,
Блеют белые козлы
У речного водополя.

1939

Рожденье щенка

Без страданья и без звука
Родила щеночка сука.

Была ясная весна.
Синева была ясна.

Сухо высохла канавка.
Зеленела ярко травка.

10 апреля 1944

*

Вода, вода, водица.
Кувшинки на воде.
На кочке аист-птица
Нахолясь серебрится
В весенней лепоте.

1945

КОМАРЫ

*

Только вечер – комары
Залетают в окна к нам.
В блеске вечера игры
Лиловатый отблеск. Там
Золотистый. Там и сям
Бирюзовые дары...
Любоваться б надо нам
Да кусают комары.

1938

*

Горела высь лазурью бледной
И рос осинник на болоте.
Цветы улыбкой разноцветной
Мерцали в солнца позолоте.

И комарье кружилось нежно,
Жужжа клубилось серой тучей,
Клубясь жужжало безмятежно,
Жужжа ждало поживы случай.

1945

ДОЖДЬ

*

Расквакались лягушки –
Готовит небо дождь.
Веселые кукушки
Накуковали дождь.

Идет-бредет старушка, –
Смочил старушку дождь.
А для детей – игрушка
Веселый, крупный дождь.

1938

*

Деревни и проселки,
Проселки и стога,
Стога и перепелки
И радуга-дуга.

Простор широк и дивен
Родных и вольных мест.
Лепечет летний ливень –
И хорошо окрест.

1945

ОСЕНЬ

*

Мне очень нравится, когда
Тепло и сыро. И когда
Лист прело пахнет. И когда
Даль в сизой дымке. И когда
Так грустно, тихо. И когда
Всё словно медлит. И когда
Везде туман, везде вода.

1940

*

Цветики увяли.
Листики опали.

Дни похолодели.
Окна запотели.

Отсырели спички.
Улетели птички.

1945

ДЕРЕВЕНСКАЯ СТАРИНА

*

Была деревня за лесом.
Жили крестьяне за лесом.
Стадо мычало за лесом.
Пели свирели за лесом.

Землю пахали за лесом.
Сеяли, жали за лесом.
Рожь увозили за лесом.
Рожь молотили за лесом.

Девушки пели за лесом.
Парни гуляли за лесом.
Пиво варили за лесом.
Весело было за лесом.

1945

Кусты – и это
1936 – 1946

*

Грабли, вилы и лопата,
Самогонный жбан.
Бородат мужик патлатый
Сидоров Иван.

Говорит мужик патлатый
Сидоров Иван:
– Прибери-ка, Дунь, лопату,
Грабли, вилы, жбан. –

Прибрала она лопату,
Грабли, вилы, жбан.
Спать залег мужик патлатый
Сидоров Иван.

1945

*

Дым. Не задымятся
Тараканы.
Где тепло уютятся
Тараканы.

Лапки, брюшка греют
Тараканы.
И пятном темнеют
Тараканы.

Не боятся дыма
Тараканы.
Да, в избе у Клина
Тараканы.

1943

*

Спит старик после работы
На зеленой травке.
Мужики галдят до пота
У казенной лавки.

Видно что не поделили
Или что другое.
После штоф винца распили
(И того не скрою).

Трётся боров, лоснясь жиром
О кадушки донце.
И над всем над этим миром
Май, весна и солнце.

1939

*

Смотрит старая старушка
Из косящата окна.
Вся ей улица видна:
Под окном резвится хрюшка,
Высит светлый крест церквушка,
Кособочится избушка,
Косорылится Марфушка. –
И глядит себе старушка,
Ни грустна, ни весела
Вдоль знакомого села.

1940

Кусты – и это
1936 – 1946

*

Цветы, окошечко
И ряд окошечек.
Мурлычат кошечки,
Люблю я кошечек.

Уютно, зелено.
На сонной улице
Там, где расщелина
Две пестрых курицы.

Пейзаж с избушкою,
Пейзаж с коровкою,
Старушка с клюшкою,
Погост с церковкою.

1941

*

Над церковкою синели,
Голубели небеса.
В перелесках птички пели,
Звонки птичьи голоса.

Извивались быстры речки,
Запевали петухи.
Нежно блеяли овечки,
В дуды дули пастухи.

Звонари трезвонят звонко.
Гулкой медью ахнул бас.
Медью звонкой, медью тонкой
Малых медь отозвалась.

1939

ЗИМА

*

Уже декабрь, а снега нет
И грязь все продолжается,
И ноги разъезжаются.
Настал декабрь, а снега нет –
И каждый раздражается
И бранью раздражается:
Ругается, что снега нет,
И снега дожидается.
– Когда же снег?! – А снега нет
И грязь все продолжается.

1939

*

Опять снежок посыпал
За матовым окном.
Сосед мальчишке всыпал,
Как водится, ремнем.

И вот орет мальчишка,
Орет, орет, орет...
А за окошком – ишь как
Метелица метет.

1946

*

Селезень красивый,
Да не плавать – лёд.
Вран – уверен лёт –
Черный и красивый.
Конь красивый – сивый.
Сер красивый кот.
Паренек красивый
Колко колет лёд.

1940

*

На елях отблеск снежный,
Прозрачна вышина,
Серебряна тишина.
На елях отблеск снежный.
Звезда, как после сна
Глядит светло и нежно.
На елях отблеск снежный,
Прозрачна вышина.

1937

МОРОЗ

*

Искажены гримасой лица
И тороплив неровный шаг.
Такой мороз, что даже птица
Стремится скрыться на чердак.

Идя, как будто цепенеешь
В каком-то безразличном сне.
Всё греешь пальцы – не согреешь,
Горящие как бы в огне.

1940

*

Какой мороз! Смерть! Только ляг
Минут на 20 в снег –
И смерть тебе. Погибнет всяк
Закончив грешный век.

А звери как? А птицы что?
А им-то каково?
А их укроет где и кто? –
Хоть волк – (возьмем его).

Сорока, галка, воробей,
Лисичка, зайчик... А? –
Мороз, свирепейший злодей
Настигнет зайчика.

1940

ЛАЗУРЬ

*

В невероятной сини,
Весь в радужных огнях,
Смеется светлый иней
На нежных деревьях.

И тиха, тиха, тиха
Лазури вышина –
И сладка тишина...
Морозит только лихо.

1940

*

Дни февраля морозно-сини,
Весь мир сияет в легкой сини.

И приближается весна
В венке из небывалой сини,

Зима уходит в сумрак сна,
Сияют дни сияньем сини.

Красна весна, весна красна,
Красна на фоне яркой сини.

Как упоительно-ясна
Высь неба – бездна вечной сини!

1940

ПОЭТЫ

Ода

Ода Пушкину. Поэт
Всеобъемлющий. И нет,
Нет поэта равного.
Слава, слава славному
Из поэтов главному.
Слава многоликому
Пушкину великому!

1940

*

Мил мне Игорь Северянин
И люблю я Сологуба,
Больше всех душе желанен –
Фет, – люблю его сугубо.

Так прозрачна лира Фета,
Так звеняща лира Фета, –
Тоньше трепетного Фета
Нет и не было поэта.

1943

СТРАСТЬ

Полдень

За рекой цветна поляна.
Сладок летний дух медвяный
У серебряной реки.
Спят в цветах лесовики.

Солнце – пламень, сердце – пламень.
Под каштанами, где камень –
Изумрудная трава.
Бред – любовные слова.

Знойный полдень – покрывало.
Я б тебя околдовала,
Льнула б, нежная, к тебе...
Из лощины слышно: бе-е-е...

Тело хочет наслаждений.
Вся для ласк и вожделений,
Я как нимфа на луту.
Позови – я прибегу.

Позови меня, как даве.
Ты как фавн в огне и лаве
И в листве твои рога.
Как наяда я нага.

1942

МОЛОДОСТЬ

*

Опять на огороде
Мы встретились с тобой.
Выходит, это вроде
Назначено судьбой.

Ты в кофточке лиловой,
Коса твоя туга.
А я такой здоровый,
Крепка как сталь рука.

Да и сама природа
За нас: цветы, трава.
И в блеске небосвода
Звонят любви слова.

1945

Кусты – и это
1936 – 1946

*

Лес. Кукушки. Я и ты.
И весенние цветы.

Мы гуляем по опушке –
Я и ты. В лесу кукушки.

Радость. Юны я и ты.
Ты изящно рвешь цветы.

Нежно-грустные кукушки
И в лесу, и на опушке.

От опушки я и ты
В лес бежим, неся цветы.

Я и ты, цветы, кукушки
И зеленые опушки...

1945

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СТИХИ

*

Я юноша в фуражке –
Семнадцать только лет.
Черемушка в овражке
Дарила белый цвет.

Года, года... за годом –
За годом новый год.
Гляжу: за огородом
Черемушка цветет.

И жизнь, как вечер мгlistый,
И солнышко зашло.
Но цвет весны душистый
Напомнил, что прошло.

1937

*

Острота моих напевов
Специфична и свежа.
Кольхаясь и дрожа,
Острота моих напевов
Сеет сеvy сочных сеvов
Новым радостям служа.
Острота моих напевов
Специфична и свежа.

1940

Кусты – и это
1936 – 1946

ОЖЕРЕЛЬЕ

*

Песчаный берег бел.
Дымится пароход.
Домов алеет мел,
Зане цветет восход.

Легко дышать и жить,
Идти куда идешь...
А ты не знал, как быть
И думал – пропадешь!

1936

*

Дороги кривы.
Ивы. Тишь.
У старой ивы
Постоишь.

Путей найти
Не мыслю суть.
Бегут пути –
Я снова в путь.

1936

*

Из лесов прилез ведмедь.
Чур меня! – какие страсти.
Не упрячешь даже снеть,
Не укроюсь от напасти.

По лесам синя весна,
Сердце солнцу изумилось.
Да избушка не красна:
Покривилась, покосилась.

Дедко дряхлый, дедко Чур,
Сохрани наседку-дуру,
Сбереги последних кур,
Дай содрать с ведмедя шкуру.

1937

*

Болотин ржа –
Ослаб – конец.
Из далей ржа –
Бег – жеребец.

Остановил
Горячий бег.
Воды испил –
И снова в бег.

Болотин дичь
Дымит в тепле.
Таится дичь
В болотной мгле.

1937

Ведун

Приходил туда, где камень,
Серый камень у воды.
Можжевательник, дым и пламя.
Вздунул пламя древний, ты.

Я глядела, пожирала
Зорким оком ведуна.
Сердце билось, кровь играла,
Я стояла – я – одна.

Чары ведала ворожьи,
Тайны чуяла. И вдруг –
Ветры, посвисты стрибожьи
Полетели через луг.

Полетели и запели,
Как звенящая свирель...
И явился в белом хмеле
Дивный юноша – Апрель.

1937

*

Спит загородка
Озарена.
Не спит молодка.
Река. Луна.

Ждет не дождется –
Тревожно ей:
Поди смеётся
Над ней злодей.

Но вот к молодке
Донесся плеск –
Он!.. шелест... лодка...
И лунный блеск.

1938

*

Плакала да выла –
Думала: позор.
(Шаль плеча покрыла,
Шаль – цветной узор.)
То, что было – было...
Пусть!.. – Спокоен взор.

1938

*

Ты не жди меня сегодня,
Мне не весело, поверь.
Крепко вотчим запер дверь.
Ты не жди меня сегодня,
Приходила даве сводня –
Отдадут меня теперь.
Ты не жди меня сегодня,
Мне не весело, поверь.

1938

Калики

Филарету Чернову

Идут бредут убогие калики
Клюками тыча в сумрачную земь.
Их лица жгут пылающие блики,
Над ними марево сгустилось в темь.

И пасмурны и сумрачны их лики,
Уста хранят торжественную немь.
Их бороды всклокочены и дики.
Бредут калики – и калик сих семь.

И тянутся дремучие дороги.
И медленно переступают ноги.
И ударяет тяжкая клюка.

Запели стих о битвах, о победах,
О гладе, море, о великих бедах,
И о жестоких происках врага.

1939

Странник

Серо, сыро, дико.
Глухо, одиноко.
Спит простор великий
По вельню Рока.

Глухо, одиноко.
Грустно. Спит дорога.
Жди благого срока,
Нищий, у порога!

Посошок – подмога.
Тяжелы вериги.
Не дойти до Бога,
Бо просторы дики.

Дален путь до Лика.
Спас косится строго.
Серо, сыро, дико
По вельню Рока.

Май 1939

*

Звонкие кузнечики
Прыгают в траве.
Много их у речки. И
В золотой листве.

Осень приближается
Из далеких стран.
Клены наряжаются,
Стелется туман.

Бездна неба яркая.
Паутины тьма.
И ворона каркает:
Каар! – близка зима.

1940

*

Ты весна моя, весна,
Отчего ты так грустна,
Отчего ты сира, сива,
Скудна, хмура, некрасива?

Ты весна моя, весна,
Почему ты не ясна,
Почему ты так убога
Словно нищий у порога?

1940

*

Над равнинами синели,
Голубели небеса.
В перелесках птички пели –
Звонки птичьи голоса.

Извивались быстры речки,
Мирно спали пастухи.
Нежно блеяли овечки,
Пели где-то петухи.

В дреме нежились избушки,
Как старушки подперлись.
Шли хромые побирушки
И к церквушке приплелись.

1940

*

От росы намок платок.
Во лузях лежит туман.
Терем-терем-теремок
На заре-заре румян.

Свет румяный освещал
Терем-терем-теремок.
А во тереме не спал,
Дожидался муженек.

1940

Осенняя ночь

Ночь. Боярская усадьба.
Лунный блеск. Седая осень.
Совий визг. И снова тихо.
Чу! – Кикимора... Блеск кики.

Вышла дивная из баньки.
Замерла при лунном блеске.
Жутко. Лунно. Нелюдимо.
Лунный блеск. Седая осень.

1940

★

Лешаки на пнях уселись.
На поляне изумрудной
Голубели незабудки.

Я младшенька собирала
На поляне изумрудной
Голубые незабудки.

Повстречала лесового
На поляне изумрудной.
Поманил меня он лапой.

Лесовой с брадой козлиной,
Да лукавый глаз – примана –
Льнул да ластился к девице.

Голубели незабудки.
На поляне изумрудной
Сладко было мне девице.

5 февраля 1940

Ночной грабеж

– Караул! – (Но темень, жуть.)
– О-го-го! – (Молчанье, муть.)
– Гра-бят! – (Сырость, темень, тишь.)
– Зря, любезный, ты кричишь! –

Люди, люди, люди спят,
Люди спят, храпят, сопят.
В избах бродит полутень,
И еще не скоро день.

21 декабря 1940

*

Я один ушел в пустыню,
Я обет смиренья дал.
Я молился дали синей,
Как аскет я голодал.

Отдалась душа экстазу,
Голод дал свободу крыл:
Я взлетел – и как-то сразу
В синем воздухе поплыл.

Сердце пело, пело, пело
Наслаждений миги для.
Подо мной зазеленела
Изумрудная земля.

22 июля 1941 Москва

Весенняя ночь

Ночь раскрыла звездный полог,
Аромат струит сирень.
Меж берез, осин и елок
Пролегла прозрачно тень.

Вешней ночи сон недолог –
До утра одна ступень.
Лягушня в пруду не молкнет,
Спать ей даже ночью лень.

Надо спать. Усните воды.
Спите пашни, огороды
В сладком воздухе весны.

На земной широкой груди
Спите звери, спите люди –
Пусть вам снятся счастья сны.

1943

*

Замигали, засияли
Солнца радужные блики –
На окошке, на рояли,
На раскрытой Фета книге.

За окошком света столько,
Что глядеть на солнце больно.
Тает, тает... Снега только
Все еще кругом довольно.

Ярок снег, а тени сини
От березы, от сарая.
Там, где ели, там – в долине –
Синевы не видно края.

1943

Разбойник

Деревянная дощечка,
Богородица на ней.
Горячо мое сердечко,
Я молюсь Пречистой, Ей.

Помолюсь – пасу овечку...
Так жила я много дней...
Только раз к моему крылечку
Напоить подвел коней

Мне неведомый, с бородкой,
С бойким глазом озорным...
Ах-ти! – я спозналась с ним...

Он потешился с красоткой
Да в дремучие леса...
Сгибла девичья краса.

1945

Дура

На дворе у бака дура
Улыбаясь корчит рожи.
На коте линяет шкура
И слинять никак не может.

Дура в розовом платочке,
Дура в солнце восхищенном...
А весенние листочки
В чем-то ласково зеленом.

1945

Юродствующий

За оградой пахло мятой,
Зеленел высокий брег.
Окаянствовал косматый,
Бородатый человек.

Все движения, как сдвиги...
Куб потертый – аналой.
Гнал бесов ядреным гиком,
Выметал бесов метлой.

И железами гремя выл,
Грохотал, кидался вспять...
Замяукал серый дьявол –
И как будто не видать.

1945

*

Пятый раз ко мне приходишь
Ты, любовь, что сердце мучишь.
Ходишь – места не находишь,
В небе тучи, в сердце тучи.

И чего хочу – не знаю...
В небе тучи, в сердце тучи...
Словно дикий зверь стенаю,
А любовь мне сердце мучит.

Не могу спокойно жить я,
Ты, любовь, мне сердце мучишь...
Бредовым идут наитьем
В небе тучи, в сердце тучи.

Май 1946

*

Я ждал ее весь день, весь день.
И вот на землю пала тень:
Настала ночь, черным черна...
В ночи мне грезилась она:
Из мрака ночи выплывал
Лица знакомого овал;
Из черноты, который раз,
Я видел блеск дремотных глаз,
Я видел трепет страстных губ...
Но всё взял мрак, сугубо-скуп.
И мрак всё рос: был черен он –
Мрак мраком бездны углублен.
Был страшен мрак, был тяжек мрак...
И я уснул... не помню как...

1946

Сонет

Полузакрытых светлых глаз мерцанье
И нежность рук, и светлая улыбка,
И золотых волос ее блистанье
Струящихся и трепетно, и зыбко.

Все это словно светлое сиянье
У ручейка, где серебрится рыбка;
Ты юности святой очарованье,
Ты как цветок, склоненный к влаге гибко.

Ты словно нежный вешний перелесок,
Где хорошо тонуть в дремотном блеске,
Где столько птиц и солнечнее блики.

И где встают ушедшие виденья
Далеких стран живого обновленья,
Где видятся забытой жизни лики.

8–10 октября 1946

Гроза

Громовой раскат и ливень. Вот
Побежали овцы, куры и народ.
Все старались скрыться кто куда
И на всех лилась небесная вода.

И над всеми раздавался гром
Оглушительный и аховый при том.
Наконец исчезла с неба хмуришь
И на небе обнаружилась лазурь.

25 июня 1946

★

Белая зимка пушиста,
Белая зимка свежа;
Снег серебрится искристо,
В тайном восторге душа.

Свежестью зимней вздыхаю,
Свежести зимней я рад.
Господи, разве я хаю
Жизнь? – Я доволен стократ. –

Всё так уютно, так мило,
Зимка бела и свежа...
Только бы жизни да силы –
Жизнь до зела хороша!

22 ноября 1950

Лесная дремь

Триолеты

Зелень ивы, плеск волны,
Пахнет тиной и весной.
Выплыла к иве водяной.
Зелень ивы, плеск волны.
Дни весны упоены
Чарой тайною одной.
Зелень ивы, плеск волны,
Пахнет тиной и весной.

Лягушни не молкнет крик.
Водяного слышен плеск,
В бороде лучится блеск.
Лягушни не молкнет крик.
Лес под топью тайно-дик.
Лешака чуть вняттен треск.
Лягушни не молкнет крик,
Водяного слышен плеск.

Блеск сияющих стрекоз,
Лепет трав и камыша.
Рыжий вышел не спеша.
Блеск сияющих стрекоз.
Парит. Гром. (Начало гроз.)
Рыжий в куст полез шурша.
Блеск сияющих стрекоз,
Лепет трав и камыша.

6 апреля 1952

Апрель

Зябликов легкие трели,
Теплые мягкие дни,
Серые краски апреля,
Свежая поросль и пни.

Пруд потемнел и открылся
В солнцем нагретых местах.
Снег кое-где притаился
Робко белея в кустах.

Вот и весна, что мы ждали,
Ждали так долго... опять
Синью насытились дали...
Сладко и жить и дышать.

25 апреля 1952

Майский холод

Триолет

За окошком ветер свищет
Несмотря на то, что май.
Холодеет что-то, ай!
За окошком ветер свищет,
Словно он кого-то ищет:
Ну-ка, где он? где? Поддай!
За окошком ветер свищет
Несмотря на то, что май.

2 мая 1952

Грозы

Ежедневная гроза.
Ежечасная угроза.
Блеет белая коза.
Пламенеет жарко роза.

Ливень, ливень, а затем
Ветр сгоняет с листьев слезы...
Извелась коза совсем.
Улыбаясь плачет роза.

В небе тучи, молний блеск.
В это лето часты грозы.
В небе треск, а в лужах плеск.
Мокнут козы. Блещут розы.

20 июля 1952

Женщина с коровой

Вот и женщина с коровой
По тропинке пробирается:
Меж кустов рога качаются...
Хорошо! – Туман лиловый,
Солнце сквозь туман ласкается.

4 августа 1952

*

На дворе тепло и тихо,
Небосвод грозиво-хмур.
Петухи дерутся лихо,
Вероятно из-за кур.

На шоссе выходят гуси,
Важно шествуют – их пять.
В порыжелом автобусе
Едут граждане гулять.

Там река и там купанье:
Голых тел там без числа.
Хохот, визги, восклицанья,
Взмахи пьяного весла.

1952

Утро

Дол сереет, лог синееет,
В небе отсветы зари;
Блеском сумрак розовеет,
Солнце встало и горит.

И навстречу солнца ярких
Радуг – зыблятся цветы.
Свисты, звоны, стоны, карки
Птиц. А вот и вышла ты.

У тебя одна забота:
Бодрой быть и не тужить.
У тебя в Москве работа –
Без работы не прожить.

2 августа 1952

В пруду

Расширила жабры и стала:
Куда еще можно поплыть?
У берега смерть ожидала:
Там некто задумал удить.

Но помнила памятью тайной
Про то, как сорвался крючок...
Уплыла... О, этот случайный
И острый крючок и толчок!

Теперь осторожность, неспешность
Движений... Мерцает вода...
Воды завлекательна нежность...
Что ж, плыть?.. но зачем?.. и куда?..

3 августа 1952

Деревья

В стольном граде дерева
Захирели, облетели.
А под ними не трава,
А бездушные панели.

А над ними черте-что:
Неуклюжие домины.
И за что это, за что?
Что им эти магазины?

Что им эта суета,
Этот стук таксомоторов?..
Сладка леса лепота,
Вольна воля косогоров.

10 сентября 1952

Квартина

М.Т. Б.

Я знал ее, я с нею был когда-то,
Когда-то я внимал словам ее.
Но все ушло, исчезло без возврата –
И плачет сердце бедное мое.
Слабеет сердце тихое мое.
Ах, было мне отрадно с ней когда-то.
Хочу ли я прошедшему возврата,
Хочу ли увидеть опять ее?
Хочу, хочу, – хочу любить ее,
Как я любил, любил ее когда-то.
О, пусть трепещет сердце вновь мое,
Хочу любви, хочу ее возврата!
Хочу ее, хочу любви возврата –
И, плача, я шепчу: хочу ее.
Ах, не она ль желание мое?! –
Я знал ее, я с нею был когда-то.

12 апреля 1952

Зима и весна

Небосклон зимою хмур...
Обитатели конур
Забираются в конурки
Для спасенья своей шкурки.

А весною, как светло!
А тепло-то как! Тепло
Доходящее до зноя
И к тому же, даровое.

Впрочем, мухи, комары
Налетают в та поры,
Разевают свои пасти
И кусаются до сласти.

Всё равно: мы ждем тепла –
Черезчур зима бела,
Черезчур белы березы,
Черезчур сильны морозы.

24–25 февраля 1953

*

Зеленеет Божий мир
Перманентом, изумрудом;
Вешних птиц звенящий клир
Явно слит с весенним чудом.

Ты, зеленая трава,
Я люблю тебя без меры!
Ах, какая синева
В синих глубях стратосферы!

За апрелем – синий май
С соловьями и сиренью.
Вот и радуйся, гуляй,
Овевайся вешней сенью.

25 апреля 1953

*

Вечер розовый
В роще у реки.
Дух березовый,
Майские жуки.

Золотистые
Тонки облака.
Серебристая
Катится река.

Все мы ожили,
Стало всё видней.
Вот и дожили
До весенних дней.

20 мая 1953

*

Небосвод свинцово-сив.
Летний дождь зело красив –
Капля каждая – алмаз –
В поднебесье их запас.

Посреди большой реки
Мокнут в лодке рыбаки.
Но укрылись сторожа
Огороды сторожа.

Пятилетний паренек
Очень рад, что он намок...
Чудо! – яркая дуга –
Это в небе радуга.

29 июня 1953

*

Поднимая пыль на метр
Воет ветер, дует ветр.
А потом еще и выше –
Выше, выше, выше крыши.

Выше крыши взвился ветр,
Поднялся на километр.
Взвился ветр в порыве властном
К облакам, к просторам ясным –

И гуляя в небе – он
Полетел за небосклон,
За высокие за кручи
И пригнал оттуда тучи.

18 июля 1953

Апрельский денек

Пруд еще не таял,
Снег уже растаял.
Пес Полкан не лаял,
Пес Барбос залаял.

У амбара куры
Рады, что не зябнут.
У Аниськи-дуры
Ал платочек тяпнут.

В лавке Карпа давка.
На рынке толкучка.
У забора травка.
Над забором тучка.

19 апреля 1954

Пряники

Сколько в пряники положено
И гвоздики, и корицы.
И едят их, как положено
Раскрасавицы девицы.

Кавалерам же положено
Зелена вина напитокся.
Кавалерам же положено
Покачаться и свалиться.

13–14 апреля 1954

Марина

Море билось в берега.
Море призрачно синело,
Кольхалось моря тело,
Неспокойное века.

Изогнувшись как дуга
Море глубь земли проело.
В зной полдневный море млело...
И жемчужные рога

Водяного появлялись
Над водой. Уста смеялись,
Улыбались... А в дали

Разрезая моря воды
Проплывали пароходы
И виднелись корабли.

5 февраля 1954

*

Вот и август смотрит мило,
Нежно в самые глаза.
Жила, жила и дожила
Жизнь до августа. Как мила
Над болотцем стрекоза.

А тепло как! – Это мило,
Что тепло так. Только грусть
В хилом сердце. Да, уныло,
Хоть и август смотрит мило –
Август – старость, старость – грусть.

12 августа 1954

Ожерелье
1936 – 1963

Газэлла

Расцветают кустики,
Зеленеют кустики.

И торчат весенние
Маленькие кустики.

Чахлые и блёклые
Под окошком кустики.

Травка, сор и тонкие
Трепетные кустики.

Радостно, как радостно
Мне смотреть на кустики.

1963

Книга вторая

ВЕЛИКИЕ БУДНИ
1937 – 1977

*

Я поэт окраины
И мещанских домиков.
Сколько, сколько тайного
В этом малом томике.

Тусклые окошечки
С красными геранями.
Дремлют Мурки-кошечки.
Тани ходят с Ванями.

Под гитару томную
У ворот встречаются.
– Митьку били втемную... –
Месяц – улыбается.

1937

Украина

Небо точками наметив,
Вознеся луны поднос,
Серокрылый нежный вечер
Завалился за откос.

У забора ждет крапива,
Как кого бы укусить.
Выпью водки или пива,
Будет чем и закусить.

В животе играет пиво:
– Эй, Маруська, выходи!
Ты, как фабрика, красива
И сзади, и спереди! –

Из окошка серой кошкой
Тихо прынула она.
И взглянувши на окошко
Рожу сделала луна.

1937

Рая

Рая, Рая, Рая, Рая,
Все равно уж ты такая –
Уж такая – не зовешь,
А в проулке подождешь.

Погляжу тебе я в глазки,
 Попрошу любви и ласки,
 Ручку белую возьму,
 Не ходи, скажу, к нему.

Все равно уж ты такая,
 Уж такая, Рая, Рая,
 Рая, Рая – не зовешь,
 А в проулке подождешь.

1937

Красивая девушка

Подстрижена и завита,
 И ногти красные остры,
 И платья яркие пестры,
 И как барашек завита.
 И Митька шепчет: красота!
 Красивей Васькиной сестры:
 Подстрижена и завита,
 И ногти красные остры.

1937

*

Каждый вечер беспременно
Постучится ухажер.
Каждый вечер неизменно
Заворотит за забор.

На задворках, где бурьяны,
Погляжу ему в лицо...
Забубнит гармошкой пьяный.
За бурьян уйдет крыльцо.

Долги Сёмины объятъя,
Зацелует больно рот...
А потом поправлю платье,
Завернем за поворот.

1937

*

Лушат семячки девицы.
Над воротами луна...
Ночью девкам Васька снится –
Больно ласков, сатана!

Ходит сторож карауля
Одинокие дворы.
В переулке Ваську вздули –
Будет помнить до поры.

А ужо, когда стемнеет,
Не подтянет кушака.
Даром девки хорошеют –
Чешет миленький бока.

1937

*

Оконце, полотенце
И узкая кровать.
Пошла зачем-то в сенцы
Соседской Катьки мать.

– Коты, коты дерутся! –
(Споткнулся на пути) –
– Ишь, разъярился куцый, –
Седому не уйти! –

Свалились в драке с крыши –
И кошечка одна...
И Катькин хохот слышен
За стенкой у окна.

1937

Из-за угла

Ночь. Снежно. Мост и тишина.
Там город – он не знает сна.
Здесь сумрак. Мост. Их двое тут.
Укрылись. Притаились. Ждут.
Сжимает младший финку: Раз! –
Из-под очков сверкает глаз.
– Скорей снимай... давай наган...
Там прорубь...

Весел ресторан;
Светло и шумно. Двое те
Пьют пиво...
Труп лежит в воде.

1937

*

Свежеет ветер над снегами,
Блестящий серп над головой.
Окраина с темными домами
Уснула под собачий вой.

Там в сумерках слепых каморок
Спят под лампадный синий свет.
И мышки серые из норок
Бегут докушать свой обед.

Сережка пьяный, в пьяном блюде
Храпит в горячем мутном сне,
Сдавлив корявой лапой груди
Заснувшей около жене.

1937

*

У зеленой водокачки,
Возле бани, у ручья,
Полоскали даве прачки,
Полоскала с ними я.

Дома скука: мать бранится...
Тает снег: пришла весна.
По ночам совсем не спится,
Как-то стало не до сна.

Жду свиданья... ожидаю...
Тает снег... Весна, весна...
Тает снег... и сердце тает...
И не спится, не до сна.

1938

*

Фабричная труба,
Забор, крапива, сор.
Отвислая губа:
Последствие многих ссор.

Идет голодный пес
И пасмурен, и худ;
Давно не нюхал нос
Хозяйских вкусных блюд.

Бездомен и угрюм
И шкура в будяках.
Ах, старость! Много дум
Приносит старость... ах!

1938

Старость

Штукатурка облупилась,
Обвалилась штукатурка;
Все строенье покосилось
И крива моя конурка.
И смешна моя фигурка –
Стариковская, смешная.
Много пью теперь вина я;
Шляпа старая облезла;
Ключья ваты (тоже знаю);
Да еще болезнь прилезла:
Мучит насморк, кашель, грипп...
Вот каков я, старый гриб!

1938

*

За стеной кого-то били,
Кто-то тонко голосил
Изо всех последних сил.
За стеной кого-то били.
Осень. Сумерки наплыли,
Вечер краски погасил.
За стеной кого-то били,
Кто-то тонко голосил.

1938

*

Была в трамвае давка:
Краснел сердитый нос;
Ругалась бородавка
И басом кто-то гавкал,
Как хриплый старый пес.

1938

*

У сломанного мотоцикла
Толпа мальчишек и мужчин
Следит за надуванием шин.
У сломанного мотоцикла
Толпа растет. Она возникла
Из обожателей машин.
У сломанного мотоцикла
Толпа мальчишек и мужчин.

1938

*

Кривится чья-то рожа,
Кулак немалый вес.
– Эй, ты, давай! Ну, что же! –
И в чью-то рожу влез.

Лупил за что не зная,
Горяч, как кипяток...
Гудела вся пивная,
Тревожился свисток.

1938

*

Негушину

Надо бриться аккуратно:
Пусть начальство поглядит:
Чисто выбрит, все опрятно –
Галстук, брюки. И глядит
Бодро, весело. И внятно,
И приятно говорит.

1938

*

Приготовил график – график,
График дачных поездов.
И довольный этим – график
На просмотр нести готов.

Скромно жметесь скромный график,
А начальник – важный гусь,
Говорит: Давайте график
Будет он бесплатным пусть.

1938

*

Вот пристань. И ходко
Идут пароходы;
Моторная лодка
Разрезала воды.

В палатке красotka
И надпись «Крем-сода».
И пиво, и водка,
И много народа.

1938

*

Плывет качаясь лодка,
В ней старые друзья.
Стара, как дружба, водка –
И без нее нельзя.

Гармошка заливная,
Охрипли голоса.
И снова наливают,
Закуска – колбаса.

1938

*

Старый лодочник у лодок.
Рябью ёжится река.
Зеленеют берега.
Старый лодочник у лодок.
Выпил кто-то в лодке водки
И валяет дурака.
Старый лодочник у лодок.
Рябью ёжится река.

1938

*

С другом в околке,
Вечерком, зимой
Выпил Митрич водки
И идет домой.

Хмель, пути не путай,
Не теряйся, путь!
Вьюжный ветер лютый,
Не дорога – муть.

Армячишко платан,
В валенке дыра...
Хрипло кроет матом...
Не найти двора...

1938

*

Горлопанят где-то. Где-то
Гулко гукает гармонь.
Что за лето! В это лето
Парни, девки – что огонь.

Каждый вечер у березы,
У Егоровой избы –
Хохот, визги, стоны, слезы
От усиленной гульбы.

Лише всех парней Сережка
И к тому же пьян он вдрызг.
Гулко гукает гармошка,
Резок девок резкий визг.

1938

*

Вошь сера и заползает
В обветшавшие костюмы.
Тихо двигаясь, кусает.

Хочешь думай, хоть не думай:
Бедность сильно любит вошь
И бедняк ей всяк хорош.

1938

*

Бей, мурmolка, мух!
Хлеще хлопай – ух!

Четок каждый взмах –
Бахай, трахай – бах!

Бей, мурmolка, в пух!
Сгинь, мушиный дух!

Четок каждый взмах,
Трахай, хлопай, трах!

1938

*

Вспомнил о Ларисе –
Экая красотка!
Подумал о Раисе,
Выпил стакан водки.

Улыбнулся глупо,
Поправил усы.
Съел кусочек трупa
В виде колбасы.

1938

*

Полночь. Шумно. Тротуар.
Пьянка. Ругань. Драка. Праздник.
Хрипы. Вопли. Безобразник
Едет в Ригу. Тротуар
Весь в движении. Угар
В головах шумит, проказник.
Полночь. Шумно. Тротуар.
Пьянка. Ругань. Драка. Праздник.

1938

Осенняя скука

День осенний, свет унылый,
Не проснешься ото сна.
Эка скука! Всё немило,
Наша улица грязна.

Посмотрю-ка я в окошко:
Не моя ли там идет?
Сама драная, как кошка,
И кота с собой ведет.

1939

*

За столом компания –
Весёлая, весёлая.
– Повтори-ка, Ваня:
Чито? чаво? осёл я? –

Изящество манер:
Хихикнула она.
А Васька-кавалер –
«Испил» стакан вина.

1939

*

По витринам – из картона
Хлеб и сыр, и колбаса.
Понаделано их тонны,
Разбегаются глаза.

Эти яства – тоже – проба –
Ну-ка кинь-ка на весы!
Ну-кась выкуси, попробуй
Деревянной колбасы!

1939

Месть

Смята белая перина,
В душевной комнате тепло.
После сцены балерина,
Коновалова Ирина,
Парамоновой назло
Пригласила Иванова –
И теперь он пьян и спит...
Ночь в окно глядит сурово,
Острый серп как нож торчит.

1939

*

Светлей луны у нас фонарь,
И свет его весьма приятен:
Он очень круглый, он без пятен,
Наш удивительный фонарь.
Луну певали деда встарь –
Нам этот пафос непонятен:
Ну что луна, когда фонарь
И светел и весьма приятен.

1939

*

Ходят стражи часовые,
Карауля сонный град.
Сеет дождик, сыплет град –
Ходят стражи часовые,
Вострят уши, тянут выи:
Не идет ли вор злорад?
Ходят стражи часовые,
Карауля сонный град.

1939

Бандит

Убили в проходном дворе:
Лежал на мусоре раздетый...
А рано утром на заре
Ее смутили вестью этой.

Светилось утро в серебре...
Ее любовник, ей пригретый,
В опасной был всегда игре...
– Ах, этот Мишка, он отпетый! –

«Всё чисто», – посланный сказал.
Затем ушел... Она стояла
И с плеч спадало одеяло...

Бандит входил в питейный зал:
На нем картуз слегка измятый
И воротник пальто поднятый.

1939

*

В цирковом училище.
Вот: примерный ученик.
Подойди: уди леща.
Прыгай – жиг!

Положи удилище.
Так: примерный ученик.
А теперь учи леща.
Прыгай – жиг!

1939

*

Нам было весело на лодке.
Ты хохотала от души...
Эх, промелькнул тот день короткий,
Судьба нам кажется кукиши.

Тащусь я в нудную контору –
И день проходит так и сяк.
И моему больному взору
Видны шкафы, столы, косяк.

А ты? О, как ты изнурилась
От постоянной маяты!
Твоя одежда обносилась
И ты лишилась красоты.

И мы забыли нашу лодку,
Веселость нашу от души...
Теперь мы полюбили водку:
Колбаска с водкой – хороши!

1939

*

Серебро течет от месяца,
На осиннике блестит,
И осинник шелестит.
Прострадавший больше месяца
Человек пришел повеситься
На осине. Он глядит,
Как в сияньи хладном месяца
Лист осиновый блестит.

1939

Паук

Паутину тонкую
Я плету в кругу.
Муха! Муху звонкую
Я устерегу.

Слышу я знакомое
Колыханье крыл.
С сладкою истомою
Я глаза закрыл.

Тонкое жужжание.
Я стремлюсь вперед.
В лапках содрогания.
Ближе мухи лёт.

Лапки в напряжении,
Чтоб ловчей схватить.
Вот! О, наслаждение
Кровь, слабея, пить.

1939

Гибель мух

Я избегаю влагу,
Я опытная муха:
Не липну на бумагу –
Мне нравится, где сухо.

А вот мои товарки
К бумаге этой липнут.
Бумага высшей марки –
Прилипнут не отлипнут.

Прилипнут и готово...
Зачем они так глупы?!
Мрачна жизнь и сурова:
Всё трупы, трупы, трупы.

1939

Март

Месяц синий,
С крыш течет.
Чёткость линий.
Луч печет.

Вешний запах.
О, мечта!
Млею в лапах
У кота.

Не до мыши
Раз гульба...
Крыши, крыши
И труба.

1939

*

Не глядеть бы на него бы,
Не ходить бы с ним гулять,
Соблазнил меня для пробы,
А теперь горазд удрать.

Он теперь гуляет с Любкой,
Он не брезгует любой.
Та, паскуда, красит губки,
Носит шарфик голубой.

Погодите, погодите,
Коли сердцу невтерпеж –
Разочтусь я, помяните:
Окровавлю острый нож.

1940

*

Я люблю свою гитару
С бантом голубым.
Я люблю гулять на пару
С Ванькой молодым.

Я люблю, когда в окошко
Поглядит луна.
Вот Маруська – наша кошка –
Ждет кота она.

Даве маменька пеняла:
Долго ль до беды!
Я люблю. Любовь проняла
Горячо, куды.

1940

Осенний снег

Каплют капли, каплют капли с крыш.
Снег осенний, сыро, тишина.
Озабочена в подпольемышь,
Всё скребется в уголку она.

Для чего ты всё в окно глядишь? –
Далека зеленая весна.
Полюби осенность, зябкость крыш
И не будь, не будь, не будь грустна.

И забудь, забудь, забудь камыш,
Лодку, Ваську... (Тишь, волна, луна...)
Мышь скребется...мышь-то,мышь-то – ишь!
Снег и слякоть. Сыро. Тишина.

1940

Великие будни
1937 – 1977

Из гостей

Две луны или четыре?
Я не разгляжу.
Лучше погожу.
Две луны или четыре?

Ближе – дальше – уже – шире...
Цыц, ты, тявка! – у-ку-шу...
Две луны или четыре?
Я не разгляжу.

Я качаюсь у заборов,
Надо – упаду,
Но домой приду.
Я качаюсь у заборов.

Затуманил вечер взоры...
Черти – сволочь – спят в аду.
Я качаюсь у заборов,
Надо – упаду.

1940

Песня пьяницы

Тру-ля-ля, тру-ля-ля,
В голове туман.
Тру-ля-ля, тру-ля-ля,
Я совсем не пьян.

Тру-ля-ля, тру-ля-ля,
Весело живу.
Тру-ля-ля, тру-ля-ля,
Мне Маруська – тьфу!

Тру-ля-ля, тру-ля-ля,
Я дойду один.
Тру-ля-ля, тру-ля-ля,
Митька – сукин сын.

Тру-ля-ля, тру-ля-ля,
Красен цвет весной.
Тру-ля-ля, тру-ля-ля,
Хорошо в пивной.

1940

Любовь плотника

Специалистом я недаром
Числюсь 10 лет.
С конопатчиком Макаром
Не гулять ей – нет.

Поплую себе на руки
И возьму топор.
Заработаю на брюки –
То-то: я хитер!

Появлюсь изрядным франтом
Прямо в самый срок.
Выйдет Симка – косы с бантом,
Золото серёг.

Я возьму ее под ручку,
В пылком сердце жар.
Посмотри, какую щучку
Я поймал, Макар!

1940

Маляр

Маховая кисть и вёдра.
Мать честная – хорошо!
Жаль немножечко свежо.
Маховая кисть и вёдра.
Наплевать, настанут вёдра,
Будет славно, как ужо.
Маховая кисть и вёдра.
Мать честная – хорошо!

1940

Реклама

Стена огромнейшего дома.
На ней большущая реклама
И на рекламе в раме – дама –
(Она всем гражданам знакома)
Каких-то крабов или раков
Откуприв банку говорит:
«Мой цвет лица румян и маков
И вся душа моя горит
От этих очень вкусных раков!»

1940

Жилище

В небольшом полутемном жилище
Днем и ночью горят примусищи
И готовят кашищи и щищи.
И довольны и рады жильчищи,
Что у них изобилие пищи.

1940

*

Виртуоз на счетах он. И
В канцелярии почёт
За такую бойкость счет.
Виртуоз на счетах он. И
Дома тихо. И иконы.
И уют. И серый кот.
Виртуоз на счетах он. И
В канцелярии почёт.

1940

Сумасшествие

Крикнул «кукареку»,
Сел под стол к начальнику.
Сослуживцы хмыкали
По углам конторы.

Ехал через реку
В ту больницу дальнюю
И кудахтал дико,
Опуская взоры.

1940

*

Бил жену он смертным боем –
Регулярно её бил
Так как он её любил.
Бил жену он смертным боем,
Наслаждался бабьим воем,
С удовольствием лупил.
Бил жену он смертным боем,
Регулярно её бил.

24 декабря 1940

*

У него глаза такие
Словно полночь на дворе
И ютится зверь в норе.
У него глаза такие
Неуютные и злые,
Как ненастье в ноябре.
У него глаза такие
Словно полночь на дворе.

1940

*

Люди, замыкайте норы.
Скоро ночь. Выходят воры.
Что от вора можно ждать? –
Украдет и сгинет тать.

Вор, украв, идет к знакомой.
Постучится: – Дома? – Дома!
Ущипнет. Хихикнет. Воры
На любовь отменно скоры.

Люди, норы замыкайте!
Лезет вор, собаки, лайте!
Что от вора можно ждать?
Украдет и сгинет тать.

1940

*

Убегал. Хлестали ветки.
Или черти цепко цапали?
– А-а, не надо! – Стали редки
Дерева. – А-а! – Черти схапали.

И упал. Мертвец. Довольно!..
Собрались. Тревожно: пьяница...
Старушонка богомольная,
Чтой-то шепчет, божья странница.

1940

*

На реке белье я мою,
По шоссе грядут полки.
Я косыночку мою
Поутру сымала с полки.

Я ему, конечно, пара,
(Ну эх, пила яво пили!)
И эх, в барак к яму пора.
Подошла: там водку пили.

Сел на стул раздвинув полы
Ненаглядный, дорогой.
Рассказал, что за полы
Заработал он дорогой.

1941

Мельник

Мужик не стар – лет сорока,
А на лице разбой и мука.
На мельнице сидит сорока.
Под жерновом течет мука.

Жизнь мужику не дорога.
Мила ему младая Поля.
Жарка дремучая дорога
Бегущая через поля.

Он думает: ужю узнаю,
Кто ночью выйдет из ворот.
Врагов и ночью узнаю:
Схвачу охальника за ворот.

1941

*

Снег и сумерки в бору.
Хлещет ветер на юру.
На юру не устоять,
Любо ветру бушевать.

Любо, любо ветру петь.
Дремлет в логове медведь.
Хлещет ветер на юру.
Снег и сумерки в бору.

Тихо логово в бору.
Хлещет ветер на юру.
Но медведю благодать
В теплом логове дремать.

30 декабря 1941

*

Разве нет приятелей,
Если весело?
Сотню покупателей
Я обвесила.

Страсть моя – любовники –
Утешение.
Водочка, морковники,
После – пение.

Вдоволь всяких прибылей –
Ведь обвесила!
Много в жизни гибелей,
Мне же весело.

1943

Во время голода

Раз жила одна воровка,
Воровала она ловко:
Кинет хлебец – «перевес».
Откромсает – «точный вес».

Удивлялись специалисты,
Как выходит это чисто;
В жизни многое видав,
Удивлялся даже зав.

Но когда ее поймали,
Отослать хотели в дали...
Но... решили эту тать
Срочно «перевоспитать».

1943

*

Подвела часы и брови
И отправилась гулять.
Обомлела от любви –
Влюблена ни дать ни взять.

У него такое место:
В пиво влил воды – барыш.
Я его теперь невеста,
А его Маруське – шиш.

1943

Старичок

Тараканов поморил
Предложив буры им съесть.
Да сигарку закурил –
Табачок в коробке есть.

Хмур осенний небосклон.
За окошком тишина.
Чу! – церковный перезвон:
«Память вечная» слышна.

Ничего, что старичок.
Ничего, что светит плешь. –
Есть картошка, чесночок:
Захотел – сварил и ешь.

9 декабря 1943

Пенсионер

Осень хмура, лист опал.
Уголок мой очень мал.

Да не плохо мне вот тут
И не холодно – уют.

И не голодно: запас
Я имею в самый раз.

Вот картошка, масло вот –
Ешь, расти себе живот.

Да лежи без всяких дел,
Да живи, покуда цел.

10 декабря 1943

*

Старичок я хилый,
Старичок я слабый.
Смерть сулит могилу,
Смерть стучится лапой.

Кто-то синий ходит
По лесам, по селам:
Да, весна подходит...
Мне ж не быть веселым.

Зашумят березы,
Зацветут цветочки...
Ух! на сердце слезы:
Тюкнет смерть – и точка.

11 декабря 1943

*

Вот жизни пепелище –
Убогое кладбище.
Отпев за гробом гроб –
Отправил многих поп
На новое жилище,
На старое кладбище,
А сам уж стар давно...
Вот то-то и оно!

1943

Городской мотив

По рельсам катится вагон.
Покрыт зеленым лаком он.
Дома торчат и там, и тут.
Часы: одиннадцать пять минут.

Автомобили всех сортов –
Чуть зазевался – и готов.
Но главное народ. Народ
С утра до ночи прет и прет.

1943

Драка нищих

Где убогие жилища
Собрались,
У канавы двое нищих
Подрались.

Жутко били костылями
Прямо в нос.
А потом ушли полями
В свежесть рос.

Прибтели они убоги
В божий храм,
И стояли на пороге
Долго там.

1943

*

Надоело просыпаться,
На работу отправляться,
Поминать в пивнушке «мать».
Эх, кабы все спать да спать!

Надоело просыпаться,
Надоело одеваться.
Что бы суток трое спать
Или даже лучше пять.

Надоело просыпаться,
Одеваться, умываться.
Остается лишь мечтать
О великом счастье спать.

Утро. Надо просыпаться,
На работу собираться;
Вечерком, в пивной, опять
Поминать «такую мать».

1944

Мастерская

Пила, пили, пили, пили,
Строгай, рубанок!
Водку пили, пили, пили
Спозаранок.

Пили-ели, пили-ели
И ругались.
Работы еле-еле, еле-еле
Подвигались.

1944

*

У заставы, у забора,
Ах, ах!
Проломили череп воры,
Ах, ах!

Брюки новые содрали,
Ах, ах!
И часы с руки украли,
Ах, ах!

И во мраке ночи скрылись,
Ах, ах!
И потом в пивной напились,
Ах, ах!

1944

*

Был он юный и влюбленный,
Подарил ей нитку бус.
Ярким солнцем упоенный
Он попал под автобус.

Говорили: как попал он?! –
И росла, росла толпа...
Окровавленный лежал он
У трамвайного столба.

1944

*

Я гулящая девица –
Нужны деньги на харчи,
Но про это ты молчи.
Я гулящая девица,
Мне в чужих постелях спится,
Снится разное в ночи.
Я гулящая девица –
Нужны деньги на харчи.

1944

*

У забора проститутка,
Девка белобрыся.
В доме 9 – ели утку
И капусту кислую.

Засыпала на постели
Пара новобрачная.
В 112-й артели
Жизнь была невзрачная.

Шел трамвай. Киоск косился.
Болт торчал подвешенный.
Самолет, гудя, носился
В небе, словно бешеный.

1944

*

В лунном полуме лучистом,
Под дремучею сосной,
Сговорила я с нечистым
Извести дружка. Весной

Проживал он на квартире,
С ним его Маруська. Я
Почала окрест их шнырить
Жуткой ревностью горя.

Раз, зайдя к ним с поллитровкой, –
(Поллитровке кто не рад!) –
Подала пирог с морковкой...
А в морковке сей – был яд.

1945

Грусть девушки

Завелась у милого привычка
Заходить в пивную-ресторан.
Для чего-то у него отмычка.
Давеча страдал от ран.

Он приходит, но в нетрезвом виде.
А ведь он жениться обещал!
Вот еще недавнее открытье:
Он Маруську навещал.

Что-то ноет мое сердце больно,
Чую я жестокую беду...
Но довольно, господи, довольно!
Видно с милым пропаду.

1945

*

Все бренно, все невечно
И дан всему предел.
Но мы живем беспечно
Среди обычных дел.

Мы ссоримся и спорим,
Мужей меняем, жен,
Выдумываем, строим
И лезем на рожон.

Мы страстно ценим вещи:
Комод, бюро, матрац,
Пластинку, чашку, клещи...
Вдруг смерть по шее – бац!

1944

*

Его поймали и лупили
На перекрестке у ворот.
И кто они такие были,
За что словили и избили
На перекрестке у ворот?

И та, которая встречалась
На перекрестке у ворот,
Та, что ему в ночи отдалась –
Теперь от смеха содрогалась
На перекрестке у ворот.

1945

Надпись на заборе

Не лейте, черти полосатые,
Помойку делать здесь не сметь,
Противно на нее смотреть,
Не лейте, черти полосатые!
На вас, чертей, зело досадую:
Здесь люди ходят, люди ведь!
Не лейте, черти полосатые,
Помойку делать здесь не сметь!

1945

Объявление на столбе

Продается
Белая коза,
Желтые глаза.
У Смирнова отдаётся
Дом внаём:
Есть хлевушка,
Погребушка,
Всё при ём.

На столбушке
Всем на погляденье
Клеют объявления:
У Макарьевой старушки
Бочка есть,
Есть лоханка,
Также дранка
Нова есть.

1945

Артель

Кладем, таскаем кирпичи:
Работаем, стараемся.
Вкусны горячие харчи:
Едим и улыбаемся.

Прохарчеваться – не беда –
Работаем – харчуемся.
А ночь придет – тогда – тогда
С бабенками целуемся.

А если праздник, то тогда –
Тогда отдохновение.
А вечером так уж всегда
Гармонь, вино и пение.

18 ноября 1945

*

Он соскучился по водке,
По гулянке. И
По соседке, по молодке,
По гармошке. И

По деревне по родимой,
Где все мило. И
По березыньке любимой,
Где был счастлив. И

Он запил. Запил он глухо.
Хмуро, жутко. И
Матом крыл и съездил в ухо –
Гукал, гикал – и-и-и!

1945

Хромые

Мы хромые с костылями,
Веселей не сыщешь нас.
Эй, хромые с костылями,
Ну-ка, ну-ка, ну-ка в пляс!

На базаре кроем матом
И махорку продаем.
На базаре кроем матом,
То даем, а то берем.

Эй, хромые с костылями,
Жизнь вольна и хороша!
Если драка – костылями
Бьем – и больше ни шиша!

1945

Голодуха

Помираю с голодухи,
Помогите, караул!
Ночь. Дома угрюмо-глухи,
Только дальний слышен гул,

Да какая-то немая
Баба шествует за мной.
Это смерть! – Она помает
Да и гикнет дико: мой!!

1945

*

Баста! Больше на свиданье
Не пойду!
Надоели мне страданья,
Не пойду!

Пусть она там ждёт в квартире –
Не пойду!
Не одна она в сём мире –
Не пойду!

От нее страдал я часто –
Не пойду!
Не пойду – и всё тут – баста!
Не пойду!

1945

*

Я достала ордер и талоны,
И исполнилась моя мечта:
Я себе купила панталоны
Да такие... просто красота!

Игорь тоже очень аккуратен:
Белый бантик, брюки и жилет.
Он весьма опрятен и приятен,
У него шикарный туалет.

Завтра я себе подкрашу губы
И отправлюсь с ним смотреть кино.
Я изящна: золотые зубы...
Ах, какое счастье мне дано!

1945

*

Человек хитёр.
Нож его остёр.
Купит в лавке труп –
Сварит вкусный суп –
С аппетитом съест
И глядит окрест:
Что б теперь начать? –
Разве помечтать?

1945

*

Под гитару поют –
Дачникам веселье;
Чай с баранками пьют,
Поутру похмелье.

Загулял также поп:
Я, де, неудачник:
Гоп-гоп, я не поп,
Я такой же дачник!

1945

Фабрика

Вот фабрика. На ней
Выдělывают мыло.
А в сини прошлых дней
На этом месте было

Болото. Лягушня
Весной здесь страстно пела,
Звучащая мушня
Металась оголтело;

По дебрям пёр медведь
Мохнатый... Это было –
Всё это было ведь
До этого до мыла.

1945

Великие будни
1937 – 1977

Сон калики

Где бурьян и повилика,
И забор, что пал –
От пути устав, калика
Сладко задремал.

И ему во сне приснилась
Черная страна:
Сила адова носилась,
Порскал сатана.

И действительно: на этом
Месте, в оный срок,
Дым смешался с летним светом,
Заревел гудок;

И убогие бараки
Стали там и тут.
После пьянки были драки,
После драки – блуд.

1945

Предметы потребления

Всё нужно всем, всё нужно всем:
Калоши, брюки нужны всем;

Подвязки, юбки и носки,
Кровати, лампы нужны всем.

И чай, и сахара куски,
И керосин – всё нужно всем.

И так до гробовой доски –
Все нужно всем, все нужно всем.

1945

Буылки

Сколько сделано буылков на земле,
Разных форм буылки эти на земле.

Есть буылки темно-синего стекла.
Есть зеленые буылки на земле.

И в аптеках есть буылки и в пивных –
Много сделано буылков на земле.

Чердаки буылков прячут тьму,
Разве счастье буылки на земле?

На одних помойках сколько их!
Множество буылков на земле.

1945

*

Ее бесстыдством упоен
Пробыл он с нею до утра...
Наутро тихо вышел он...

Он крался поступью вора...
Желтели блеклые листья,
Была осенняя пора.

Сиреней вялые кусты
Чернели в неба светлоте.
Лежали длинные мосты.

В своей холодной нагоде
Глядел лазоревый рассвет
Обозначая четко, где

Сиял собора силуэт.

1946

*

Изящная головка,
Нарядный туалет.
Я девушка-воровка,
Мне 19 лет.

А вам и не подумать
Какая я? Огонь!
Люблю мечтать и думать...
Но нет! Меня не тронь!

Один хотел любиться
Со мной. Сказала: нет!
Сказала: я девица,
Мне 19 лет.

31 июля 1946

*

Холодно, холодно,
Ноги как лед!
Холодно, холодно,
Вот тебе, вот!

Вот тебе, пользуйся,
Если ты наг!
Вот тебе, пользуйся,
Так тебе, так!

Мерзни пожалуйста
И холодай!
Мерзни пожалуйста
И пропадай!

Холодно, холодно,
Ноги как лед!
Холодно, холодно,
Вот тебе, вот!

1946

Черти

В коридоре черти. Злые
Зорко зыркают глаза.
(Их глаза, как бирюза.)
Выгибают черти выи...
Смотрят черти зло и дошло
И подсвистывают пошло.

1946

Мурло

За окнами белым бело,
А в печке огонек горит.
Явилось в горницу Мурло,
Молчит Мурло, не говорит.

Сидит Мурло, скрывает зло,
Молчаньем словно бы корит.
Мурло в наш дом – что привело?
Не бес ли лихостью дарит?

С Мурлом не мил стал белый свет,
Какая пакость, силы нет!
Бежать бы, Господи, ей-ей!

Сидит Мурло десяток дней,
Молчит Мурло – вот на, поди!..
Сгинь, сгинь, Мурло, сгинь, пропади!

20 января 1946

Лихо

Поздно ночью тихо-тихо
Из комода вышло Лихо.
Вышло тихо и глядит,
Как в кроватях кто-то спит.

Лихо тихо, тихо ходит
И со спящих глаз не сводит.
Дом большой, квартир не счесть –
Для беды пожива есть.

Шасть сюда – так тихо-тихо:
Вот тому-то будет лихо.
И тому. И той... И вот
Лихо прячется в комод.

1946

Сон

Человек на койке спит.
На штанах видна прореха;
Галстук на сторону сбит
И пиджак с постели съехал.

Человек в усы храпит.
Борода – подобье меха.
На столе фитиль дымит... –
Поглядеть – чертям потеха.

Черти шныряют там и тут,
Что ни хвост у черта – жгут,
Потирают лапки черти.

По лицу метут хвосты...
Да проснись, проснись же ты,
Ведь заспишься так до смерти!

1946

Полустертая эпитафия

Здесь похоронен... (временно –
Кладбище ликвидируют.)
Во цвете лет... безвременно...
(Тут, видимо, датируют.)
(И дальше крупно) – ОВ.
(Должно быть Иванов.)

1947

Отравившийся

Отравился на днях мухомором:
Вместе с белыми съел невзначай.
И глядел он тоскующим взором,
И стонал: помогите мне, ай!

Промывали в больнице желудок –
Умирал... но не умер – живёт.
Но его помутился рассудок
И теперь он почти идиот.

1949

Приезд стервы

Приехавши, старая стерва
Жильцов взбудоражила нервы:
Тому на того насаказала,
Тому на того указала,
Того на того натравила,
Того за того обвинила.

Жильцы от сего – возбудились.
Жильцы по сему – матерились.
Жильцов расхотились нервы
От этой убийственной стервы.

1950

Живые и мертвые

Но в наши беспокойны годы

Покойникам покоя нет.

Пушкин

Все это только для живых,
Все для живых – и только.
А мертвые? – Не спросят их –
    Что, как они? – нисколько.
Нисколько дела нет до них –
    Вот помер, ну и только.

Живым и то, живым и сё,
А мертвые ни то, ни сё –
    Отнимут и могилу.
Живой народец удалой –
Разроет – вышвырнет долой –
    Плевать, что это жило –
    Другим нужна могила.

1950

Хворь

Гриппы и ангины,
И туберкулез.
Ноют ноги, спины,
Боль костей, желез.

Ух! – живот схватило –
Что-то, видно, съел! –
Пища отравила –
Чуть не околел!

Сифилис постылый!..
Неужели рак?!.
Господи, помилуй –
Менингит никак!

29 декабря 1951

Самообман

Мы тревожимся, орём,
Фантазируем и врём,
Что куда-то мы припрём.

Никуда мы не припрём –
Зря мы тешимся, орём,
Фантазируем и врём.

Пусть наврём, пусть не наврём –
Никуда мы не припрём –
Просто-напросто – помрём.

17 сентября 1952

Раки

В одном из трех барачков
Ютились: Федор Раков
И Николай Бараков.

Они ловили раков.
Они варили раков –
И Раков, и Бараков.

Но черные от века
(О, зверство варки!) – раки,
Стыдясь за человека,

Краснели, словно маки.
Сугубое мученье:
Смерть через кипяченье!

12 мая 1952

Рыбий яд

С аппетитом рыбу ели.
«По волнам» фальшиво пели.
Лихо матерились,
Рыбой отравились.

Смертью рыба угостила,
Рыбьим ядом отравила;
Рыбий яд сугубый:
Съешь – и станешь трупом.

Но забыто отравленье –
Новый люд с остервененьем
Водку выпивает,
Рыбой заедает.

11 июля 1952

Черти и пьяница

Горький пьяница качался
У забора.
Черт лукаво ухмылялся:
Дескать скоро
Нас чертей веселых свора
У забора,
У пивнушки
Обнаружит труп пьянчужки.

И невидимые черти
У забора
Жадно ждали жалкой смерти:
Дескать скоро
Дрыгнет плясом наша свора:
Смерть от пьяного греха.
Ха-ха-ха!

19 июня 1952

Случай с пьяницей

Получилось очень глупо:
Уронил кусочек труп
В виде колбасы.
Хоть она немало стоит
Поднимать с земли не стоит:
Пусть ее съедят бесы.

Прислонился он к забору.
Подождал. Довольно скоро,
В образе кота,
Бес крадется. Бес с опаской
Цап – и убежал с колбаской...
Иль сиё была мечта?

9 сентября 1952

События

В деревне вчера хоронили
Того, что намедни избили
И после убили.

Как некая кара Господня
Гроза разразилась сегодня –
И ахнувши вдруг, что есть силы
Мужчину убила.

А пьяный, во власти наитий,
Докончил программу событий:
Купаясь в пруду, поскользнулся,
В воде растянулся
И захлебнулся.

17–18 июля 1952

Парни

Бесшабашно праздные
Бродят парни разные.
Речи их несвязные,
Шутки несуразные,
Действия опасные.

Ходят спотыкаются,
Пьянству обучаются,
Выпив – улыбаются
Или задираются –
Яростно сражаются,
Матерно ругаются,
Морды разбиваются.

После – слезно каются.
В результате маются.
В общем наслаждаются.

8 августа 1952

Старость

Я сегодня видел старость:
Жизнь прошла – какая жалость!
Было все и все ушло
И в безвестность отошло.

Что же дальше? Что там видно? –
Тьфу ты черт! – глядеть обидно:
С ликом жуткого врага
Смерть там видится, карма.

Вот старик, а вот старушка –
Вострят, вострят, вострят ушки,
Пялят мутные глаза,
А в глазах испуг, слеза.

15–17 июля 1952

Осень

Вот и осень.
Вот и просень
Пожелтела, побурела.

А в конурах
Наших хмуρο:
Вот тарелка, блюдце, грелка,

Стул, бутылка,
Тряпка, вилка,
Стол, ковш, койка, таз... помойка.

24 сентября 1952

В вагоне

В вагоне солдаты,
Дымится махорка.
Вот парень мохнатый,
Размашисто зоркий.
Вот баба с бидоном,
Вот тетя с картонкой,
Вот девка в зеленом,
Вот толстый, вот тонкий...
А поезд все мчится –
И скоро столица.

25 сентября 1952

Прачка Марья

Сколько я белья перестирала
До поры, пока не захворала.
Пар, вода и хор: «Златые горы»,
Перебранка или разговоры.

Пар клубился, упирался в своды.
Мыло. Каустик. Растворы соды...
Ухажер ходил: хотел жениться...
Не судьба. Осталась я девицей.

Сколько я белья перестирала!
Да беда: однажды захворала...
«Прачка Марья, отвечай нам, ты ли
Здесь лежишь в своей сырой могиле?»

2 октября 1952

*

Экая проруха!
В день Святого Духа
Мне надуло в ухо.

В день Святого Духа
На дворе хоть сухо –
Ветер дует в ухо.

На дворе хоть сухо –
Да продуло ухо
В день Святого Духа.

25–26 мая 1953

Чертова кукла

Ах, какая странная:
Глазки оловянные,
С толстеньким животиком,
С выкрашенным ротиком;
Под глазами синяки...
Вот бы дать ей тумаки!

13–14 апреля 1954

Берлоги

По берлогам, по норам
Лишь спасенье сирым нам.
У кого же нет берлоги,
Да к тому ж промокли ноги –
Им вот спрятаться куда? –
Им беда, им беда!

Вот и шляйся, и таись.
Из берлоги крикнут: брысь! –
Бойся жителя берлоги,
Убегай – давай Бог ноги...
Но куда бежать, куда? –
Вот беда – никуда!

Над землей ночная твердь.
За спиной лихая смерть.
Сыро. Изморось и снег...
Плохо, бедный человек!
Вот бы спрятаться куда.
Только некуда, беда!

Гибни! Жизнь не дорога...
Черти высунут рога,
Захихикают злорадно:
Видеть гибель им приятно.
От чертей уйдешь куда?
Никуда, никуда.

30 марта 1954

Превратности судьбы

Я был яйцом когда-то –
Теперь стал петухом.
Красив, одет богато.
Стою под лопухом.

И золотое лето
Ласкает жизнь мою.
Как много летом света! –
И я пою, пою.

Но вот меня поймали.
Зарезали меня.
И гражданке продали
В Москве средь бела дня.

1963

*

На бумажной веревке повесился.
Ухитрился же, черт побери!
Утром глянули, видят: повесился!
Вот история, черт побери!

И с чего это, правда, повесился?
Шизофреники, черт побери!
Ведь никто не видал, как повесился,
Что ты сделаешь, черт побери!

Приходила милиция: повесился? –
Да, повесился, черт побери! –
На бумажной веревке повесился,
Ухитрился же, черт побери!

1963

Женщины

Не касайся маво тела,
Я бесплатно не даюсь.
Заплати – другое дело:
Я за деньги отдаюсь.

Есть бесстыдные – их гложет
Похотливость и разврат.
Та с собой любого ложит –
Отдается всем стократ.

Но со мной другое дело:
Я за деньги отдаюсь...
Не касайся маво тела,
Я бесплатно не даюсь.

7 марта 1969

Поиски мужа

Много юношей развязных,
Ну а мне вот нужен муж.
Перепробовала разных,
Развелась два раза уж.

Этот пьет. Тот того хуже:
К бабам лезет просто так.
Плохо, плохо мне без мужа...
Как вступить, скажите, в брак?

1969

Соседи

Я ему отдавалась бесплатно –
Просто мучила похоть меня.
А соседи сказали: развратна,
В чем-то скверном меня обвиня.

Ну конечно меня он покинул
И к Маруське направил стопы.
Но мой пыл у меня не остынул –
И теперь мне понравился ты.

Я тебе отдаюсь ежедневно...
Но соседи! А им, скажи, что? –
Они смотрят презрительно-гневно
Обвиняя меня ни за что.

1969

Жена

Все мы девушки такие:
Выйти замуж всем пора...
А мужчины-то какие –
Не мужчины – детвора.

Кто получше – тех прибрали
И родили им детей.
Я нашла. Кричать ура ли? –
Не порвать ему сетей.

Он уже везет коляску,
Я же с гордостью иду.
Я мужчинам строю глазки,
Я нигде не пропаду.

1969

Женщины и мужчины

Зря мужчины разумеют
Будто выбирают нас.
Многие из нас умеют
Выбрать нужного как раз.

Обольстить мужчин не трудно
И влюбить в себя – пустяк.
Та что смела и распутна –
Вот на ту польстится всяк.

Но не всем даваться надо –
Надо взять, а фигу дать...
Ах, я ловкая – что надо –
Соблазненным не отстать.

1969

Неопытность

Ах, я нежная такая –
И название мое – Тая.
Парни льнут, как кобеля
Меж собой меня деля.

Глянешь – лезет ко мне морда –
Я не гордая – даюсь...
Очень я боюсь аборта,
Забеременеть боюсь.

1969

Машка

Горячая у Машки кровь
И молода она, покуда.
У Машки стыдная любовь
И предается она блуду.

Мужчины в очередь встают
Жениться же никто не хочет.
Они ей песенки поют,
Она же с провизгом хохочет.

22 сентября 1969

Заведующий

На складе я работаю.
Вокзал недалеко.
Я занята работою
Усердно в уголке.

Заведующий зарится
На груди на мои.
Потеет весь да парится
И страсть свою таит.

Как будто снисходительно
Поднес стакан вина.
А я ему язвительно:
– У вас ведь есть жена.

1969

Удача

Я надясь надела мини
И с товарками пошла,
И любовника нашла.
Я надясь надела мини.
Ухажер в сорочке синей.
Вот такие-то дела!
Я надясь надела мини
И с товарками пошла.

1969

Печальная участь

Мужчины научили
Нас и курить, и пить.
С мужчинами мы жили
И пили, и курили –
Иначе как же быть.

Теперь мы обветшали,
Но курим мы и пьем.
Мы кутаемся в шали.
Печальными мы стали
И на детдомы шьем.

1969

Муж пьяница

Пил мой муж напропалую
И от водки он погиб.
Он скорёжился, как гриб.
Пил мой муж напропалую...
Вспоминаю жизнь былую –
Жить неплохо мы могли б.
Пил мой муж напропалую
И от водки он погиб.

1969

*

Пили пиво у киоска.
Иванов напился в доску.
Не поняв, как дальше жить,
Он почал всем морды бить,
Но его толкнули с ног
И избили кто как мог.

1970

*

В сумасшедшем доме
Не погашен свет.
Мечутся в истоме,
Слышен дикий бред.

Кто-то хочет топать –
Не велит сестра.
Патриот, должно быть,
Закричал: урра!

Ночь в больнице длится,
Медленно идет.
Одному мочиться
Надо. Он встает.

1970

*

Яд в колодезь кинули
Изверги двуногие.
Отравились многие.
Кинув – смылись, сгнули...
(Видели убогие.)

1970

*

Принес сосед груши
И молвил: покушай,
Из сада сваво,
А сладкие – во!

Сосед мой безбожен,
А я осторожен:
Его не послушал
И выкинул груши.

1970

*

Незабудки на болоте
Расцвели по новой моде:
Оголились до пупа.
А одна, не будь глупа,
Хоть была и некрасива,
Задрала подол спесиво.
Ею был побит рекорд –
И на ней женился черт.

1970

*

В 20 лет свинью прирезал.
В 40 лет жену зарезал.

А потом он резать мог
Кого хочешь без тревог.

Резал он кого угодно
Очень ловко и свободно.

1970

*

На миру убить – разбой.
На войне убить – герой.

Как начальники велят –
Так вот все и говорят.

А на самом деле – как? –
Да наверное уж так.

1970

*

Он женился на ней,
А она, ей-же-ей,

Была с негром в связи –
И родила (мерси) –

Черномазую дочь:
Негритянка точь-в-точь.

1970

Не повезло

Говорила мне она:
Я совсем сошла с ума –

Отдалась ему бесплатно.
Ах, как это неприятно!

Он воспользовался мной,
А потом ушел домой.

1970

Муженек

У меня есть муженек,
И от мысли он далек,

Что ему я изменяю
И любовь его меняю

На любовь соседа нашего
Карп Иваныч Простоквашева.

1970

Эпитафия

Я военный человек:
Дрых в казармах, спал в болоте.
Воевал я целый век
Защищая землю, вроде.

Мне едино чья земля,
Чьи по ней гуляют рыла.
Я убит. Похерен я.
И земля моя – могила.

27 апреля 1973

*

Долго хромал он, качался,
Еле он плелся, слепой...
И, наконец, он скончался –
С.С. Аверин. Покой

Он обретет на том свете,
Бог его примет. И он
В летнем сияющем свете
Будет в земле погребен.

Дочь его спятила ране
И хоронить не пойдет...
Все мы живем, как в тумане.
Каждому гибель придет.

8 июня 1973

На смерть Лошакова

– Кого это хоронят?

– Это помер Лошаков шестидесяти пяти лет.

Какой-то помер Лошаков...
На протяжении веков
Миллиарды были и ушли...
Куда ушли? Зачем ушли?

Сих Лошаковых гибель, тьма,
От них земная кутерьма.
На протяжении веков
Миллиард миллиардов лошаков.

Наступит неизменный миг –
И Лошаков ногами дрыг...
Никто не знает ничего
Зачем все это, для чего?

19 июня 1973

Ядовитая колбаса

Парень рыжий и косой
Отравился колбасой.
Он от боли жмурился –
К ночи – очоурился.

Деньги лавочник содрал
И отравленное дал, –
Что ему до гибели –
Было б больше прибыли.

12 августа 1973

Подселенец

Соседи горлопаны
Галдят да всё галдят.
А я в своем жилище
Пугаюсь воплей их.

Топочут сапогами
За дверь у меня.
И носятся как черти
Туда-сюда, галдя.

Азарт одолевает
Соседей продувных.
А я в своей конурке
Притихнул и сижую.

20 октября 1973

Обыватели

Обыватель Иванов
Был такой же, как Дроздов.
Был похож и на соседа –
Тот же нрав и те же лета.

А сосед его Смирнов
Был точь-точь, как Иванов,
Был похож и на Дроздова,
Впрочем так же на Петрова.

Обыватель же Петров
Был точь-точь, как Иванов.
И ничем не отличался:
Так же пил и так же дрался.

14 августа 1973

Недотрога

Я целомудренна зело
И больно я самолюбива.
В мужских объятях вижу зло –
Я целомудренна на диво.

Нет, никого я не хочу,
Лишь кто дотронется – бегу я.
Ах, я о дружбе лепечу,
Но быть любимой не хочу я.

Когда-то, правда, был один –
Ему бы отдалась я, может, –
А прочих херю я мужчин:
Дотронуться никто не может.

24 декабря 1973

Венец творенья

Так вот венец творенья – вот!
Огромный вспученный живот;
Глядят глаза, торчат носы,
Обриты бороды, усы;
Вся эта плоть – зады и груди...
И всем одно название: люди.

27 августа 1973

Спор

Трупоедов трупы ел:
Ел быков, свиной и уток.
Он от «вкусного» сомдел –
Был здоров его желудок.

Лицемеров возражал:
Надо только есть яички.
Трупоедов же сказал:
Из яиц выходят птички.

Ну, заспорили опять! –
Женушка тогда сказала:
Я абортів штук уж 5
Сделала, и жизнь узнала.

На убийствах стоит мир –
А война, а тюрьмы, казни!..
Вот каплун: устроим пир,
Ведь сегодня Пасха – праздник.

1977

Книга третъя

ЛИКИ ЖИЗНИ
1938 – 1970

*

Что-то я зачах,
Что-то похудел,
Что-то захирел.

Сердце мучит страх –
Смерть как тюкнет: трах!
Превратишься в прах.

1938

*

Я зябну снова –
Должно быть грипп.
Смешное слово,
Как будто гриб.

Ах, осень – скука!
По лужам лазь...
Какая мука,
Какая грязь!

1938

*

Облысел я очень рано,
Голова моя лыса.
Где же прежняя краса?
Облысел я очень рано,
Слабость рано плоти дана
И болят мои глаза.
Облысел я очень рано,
Голова моя лыса.

1938

Орел

Орел в огромной клетке
Томится 40 лет
И всё свободы нет.
Орел в огромной клетке,
А дети малолетки
И люди однолетки
Орла (который в клетке)
Дивятся: сколько лет!

1938

Змея

Змея и серый кролик.
Змея, покуда, спит.
Помятый серый кролик
Все слушает, не спит.

А люди смотрят: кролик
Истерзан (совесть спит).
Ждет смерти серый кролик...
Змея, покуда, спит.

1938

*

Он писал стихи такие,
Как писали писаря
Сладострастием горя.

Он писал стихи такие:
«Мне пройтись с вами честь,
«А люблю ли вас – Бог весть».

Он писал стихи такие:
«Вы красны, как алый мак,
«Разрешите вступить в брак!»

Он писал стихи такие:
«Не хочу трепаться зря –
«Вы прекрасны, как заря!»

1938

*

Вещи прячутся. Бывает –
Ищешь, ищешь – не найдешь.
Всё вокруг переберешь –
Нету вещи – как растает.

Но проходит день, другой –
Смотришь – вещь лежит на месте.
А ведь ты глядел раз двести
В этом месте, дорогой!

1939

Балаган

Надев колпак дурацкий
И взявши бубенцы –
Я пляс пляшу паяцкий.

Гогочет люд кабацкий,
Свирепствуют глупцы,
Рядком поставив рыла
На шаткие перила.

1939

*

Не люблю я крика,
Не терплю я вопля:
– И-го-го-го – гопля! –
Не люблю я крика.
Для чего орете,
Горло зря дерете?
Говорите тихо,
Чтоб вас взяло лихо!

1939

*

Посижу на лавочке
Возле пруда, где
Так красиво пьядочки
Плавают в воде.

Вспомню лета радостей,
Младости своей.
Не воротишь младости –
Так и сгинуть ей.

Все теперь неможется,
Близится закат.
На ланитах кожа
Сморщилась... Злой кат –

Смерть седая матушка
Уж недалеко.
Ждет момента катушка:
Нож в ее руке.

1939

*

На краю карниза
Снеговая риза.
А внизу подвалы,
Грязный снег.
А во тьме подвалов
Крысий бег.

1939

*

Черный ворон на помойке.
Выпал белый снег.
Помирал старик на койке,
Завершал свой век.

Раскорячилась телега.
Нависал навес.
Кто-то вылез из-под снега
И опять залез.

За оконной мутной рамой
Петушиный крик.
А на койке этой самой
Помирал старик.

1940

*

Жалко смотрит старушка.
Гул большой мостовой.
Где-то тлеет избушка,
Где была молодой.

Эх, веселая девка! –
Мил Петрушка, злодей...
Плясовая запевка,
Колыханье груди.

А теперь одинока
И убога. Одна.
У порога, у Бога
Просит смерти она.

1940

Мечта алкоголика

Отдавшись огненной отраве
Дойти до положенья риз;
Лежать в какой-нибудь канаве,
Не знать, что сон и что здесь въяве;
Звать смерть к себе: явись, явись!
И помереть в гнилой канаве
Дойдя до положенья риз.

1940

*

Мы живем, как на вокзале,
Смерть как будто поезда.
– Ты живешь сегодня, да? –
– Да, живу как на вокзале
И сижу, как в третьем зале. –
– А поедешь ты когда? –
Мы живем, как на вокзале,
Смерть как будто поезда.

1940

Медвежья колыбельная

Хорошо в берлоге спать.
Бай! Бай! Бай!
Спать в берлоге благодать.
Бай! Бай! Бай!

За стеной метель метет.
Бай! Бай! Бай!
Ветр визжит и снег идет.
Бай! Бай! Бай!

Притаишься чуть дыша.
Бай! Бай! Бай!
Да, бер-ло-га хо-ро-ша.
Бай! Бай! Бай!

1940

Автопортрет

Стих и краток и прост.
Слов порою игра.
Робкий вид, средний рост
И в калоше дыра.
А пальто? – Тоже рвань.
Вообще дело дрянь.

1942

Смерть говорит

Еще не наорались?
Галдеть бы да галдеть?
Что, мало наслаждались?
Что, рано умереть?

Нет, я хитра, как бестия –
Постой! Довольно! Цыц! –
Прожил полсотни – двести
Не хочешь ли прожить?!

Нет видно мне покоя –
Любители вы жить!
Ух! бедствие какое:
Косить мне не скосить!

1943

*

Вот тут она сидела
И куталась в платок...
Он сделал злое дело,
Он страшен был, жесток.

Ушла. А он томился
В своей гнилой норе...
Но вот засеребрился
Край неба на заре.

И утро было странно.
Мороз на дверь осел...
К нему стучались рано –
Вошли... А он висел.

1943

Песня голоштанников

Озябли руки,
Замерзли ноги,
Томят недуги,
А люди строги.

И нет помощи.
О, боги, боги!
Как мы убоги,
А люди строги.

Порвались брюки,
Но нет помощи.
О, други, други!..
Ах, люди строги.

Застыли руки,
Как мы убоги.
О, сколько муки,
А люди строги.

1944

*

Нарывает ухо!
Господи, помилуй!
Экая проруха –
До чего ж я хилый!
Всё-то нездоровье:
То спина, то уши...
Есть же вот здоровье
У людей коровье –
Ходят, словно туши!

1944

*

Жизнь глядит подслеповато,
Как немилая карга.
Да и ты, душа, измята –
Лезешь к черту на рога.

Нищета совсем заела,
От нее не убежишь.
Клянчить блага надоело –
Да и выклянчишь что – шиш?

Вот и жмись в своей каморке.
Жить как все желаешь ты?
Унижайся из-за корки
И скули от нищеты.

30 июля 1944

*

Холодеет на дворе,
Но тепло в моей норе:
Печь истоплена моя,
Хлеб нарезан, чай готов –
И доволен очень я,
    Что имею кров.

А без крова пропадай,
    Без еды – капут.
Ты протянешь руку: да-ай!
    А тебя попрут.

1944

*

Папиросы «Волна», папиросы «Волна» –
Так кричит на базаре мальчишка.
А во мне лишь она, лишь она, лишь она –
Без нее мне могила и крышка.

И в блистании звезд, и в сиянии дня
Всё мне видится девушка эта.
И глаза ее нежно глядят на меня,
На меня, на меня, на поэта.

Вся вселенная, вечность – всё это она –
Без нее мне могила и крышка...
Папиросы «Волна», папиросы «Волна» –
Беспокойно горланит мальчишка.

1946

*

Мне дар поэзии дарован...
Осенней чарой околдован
О милой не мечтаю я,
К ней не стремится страсть моя.
Конец пришел зеленым сеним –
Дышу дыханием осенним.

13–14 октября 1946

*

Дожди до черта надоели,
Несnosны лужи у крыльца;
Намокли избы, куры, ели, –
И нет сим бедствиям конца.

И как-то некуда деваться,
Не можешь ничего начать. –
И вот приходится слоняться
И неприветливо бурчать.

Но не считаясь с настроением,
(Подобны яростной мушне) –
Аэропланы с наглым пенъем
Несутся в тусклой вышине.

1946

Покойник

Спокойно руки сложены
На выпуклый живот.
Лежит на стол положенный
И больше не живет.

Она косой отточенной
Резнула где-то там.
И гроб уже сколоченный
Несут с вопросом: «вам?»

Она его похерила
И сунула во тьму...
Чему же сердце верило,
Чему, чему, чему?

1947

Недоносок

Мертворожденное дитя,
Печальный недоносок.
И вот столяр, как бы шутя,
Готовит гроб из досок.

Что должно жить – того уж нет –
Лишь злое веет тленье...
И для чего весь этот бред,
Сие недоуменье?

1947

*

Выпивку забуду,
Положу запрет.
Больше пить не буду,
Алкоголь мне вред.

Разве я не волен
Положить запрет?
Что мне в алкоголе? –
Алкоголь мне вред.

1952

*

Вино мстит пьянице.

Леонардо да Винчи

Дал зарок – потеха это.
Дал зарок – пошел в пивную.
Дал зарок – пропал отпетый:
Не вступить на жизнь благую.

Согласуясь с неким роком
Мы приводим пьяниц к смерти.
Мы смеемся над зароком,
Алкогольные мы черти.

1952

*

Рыбьих тел громада
Зыбилась в воде.
И была я рада
Жизни и воде.

Рыбы плыли, плыли...
Вдруг навстречу – сеть.
Сетью нас словили,
Нас сдавила сеть.

Все мы поколели
Горечь мук испив...
Трупы наши съели
Водкой их запив.

10–11 июля 1952

Тварь

Жила на свете тварь,
Жила и всё молчала.
Вдруг в ней проснулась ярь –
Тварь грозно зарычала.

Почуяли врага
И взрослые, и дети –
Шарахнулись в бега
От твари люди эти.

А яростная тварь
Яд ненависти лила:
В ней бушевала ярь –
Неистовая сила.

27 марта 1952

Мороженое

Был он в женщину влюблён,
К ней стремился.
Но мороженое съев
Простудился.

От стыда, что к ней в барак
Не явился –
Стал он этим удручён
И томился.

«Ах, зачем его я съев
Простудился,
На свиданье не пришёл,
Не явился?»

И лежал он так один
И томился,
Бо мороженое съев
Простудился.

5–6 сентября 1952

Темы

Темы жизнь дает сугубые:
И веселые, и дикие,
И изящные, и грубые,
И громоздко многоликие.

Темы могут быть барачные
Где сквозит одно убожество, –
Бытовые и невзрачные...
Словом, тем большое множество.

1 октября 1952

Свиданье

Вот серебритя луна
В заводи тихого пруда.

Выпил он вина
Ожидал покуда.

Был он изрядно влюблен.
Пил в ожиданьи свиданья.

Его окутал сон.
Вот так наказанье!

Тихо. Подходит она.
Спит непробудно влюбленный.

– Эй, проснись от сна,
Ухажер мой сонный! –

Расхоталась она
Он просыпался покуда.

Бледная луна
Поднялась над прудом.

12 июня 1952

В метель

Заверюха дует в ухо,
Прямо в ухо целится.
Дует в ухо заверюха,
Разошлась метелица.

В кабаке твердил Петруха:
– Выпивка – безделица;
Пей, ништо тебе проруха,
Будет канителиться!

По его теперь капризу –
(Это уж, как водится) –
Пропадать приходится.

Снег и сверху, снег и снизу
На пути взвивается...
Пьяный спотыкается.

26 февраля 1953

Сила жизни

Бродила рыжая собака
Принюхиваясь – что бы съесть?
Обнюхивала у барака
Селедкой пахнущую жесь.

Ей показалось, что у бака
Несъеденное что-то есть.
Но там у бака – вышла драка...
Что ж, драк таких не перечеть.

Погрыз огромный пес изрядно
И извалял пренеприятно –
Чуть-чуть – и мог бы задушить.

Как подвело, однако, брюхо...
Эх, голодуха, голодуха!
Но надо, надо, надо жить...

1 марта 1953

Скрипач

Я в крематории играл
На скрипке траурные пьесы.
А где-то кто-то помирал...
Вот гроб, а в нем мертвец белесый.

Вот гроб, мертвец... Звучи хорал
Заупокойной жуткой мессы...
А я играл и обмирал
Пред тайной спущенной завесы.

Играл я много, много лет.
И вот теперь я стар и сед,
Сам близок к умиранию...

Но мне талант солиста дан...
Звучи оркестр, звучи орган,
Звучите вы – рыдания!

6 марта 1953

*

За столько-то дней до кончины,
На склоне лет –
Купил он буфет.

За столько-то дней до кончины
Купил патефон,
Затем микрофон.

За столько-то дней до кончины
Он галстук купил –
И был очень мил.

И вдруг... вдруг настала кончина,
Потух его пыл –
Он в вечность отбыл.

4 мая 1953

*

Как странно, что этот покойник
Недавно начальником был,
Активным работником слыл.

Как странно, что этот покойник
Имел над конторою власть
И жил припеваючи, всласть.

Как странно, что этот покойник
Лежит без движенья – и всё.
Теперь он ни то и ни сё.

6 мая 1953

Радикулит

Как раздавленный червяк
Извиваюсь так и сяк.
Мне себя не повернуть –
Нестерпимо больно – жуть!

Черти веселы: хи-хи –
Вот они твои грехи.
Ну еще, а ну поддай!..
Нестерпимо больно! Ай!

Ах, мученья! И за что?..
Грелка? – Грелка мне ничто.
Как раздавленный червяк
Извиваюсь так и сяк.

17 апреля 1953

Грусть девушки

Эх, ненастная погода
Продолжается:
Дождь [Вот сущая невзгода]
Разражается.

А как пасмурно, как грустно,
Как томительно!
Что ни съешь, увы – не вкусно,
Отвратительно.

Чтобы радость, чтобы солнце
В сердце глянуло –
Я бы прыгнула в оконце,
Так и прыгнула;

Побежала бы по лугу
По зеленому
К своему ко милу другу,
Ко влюбленному.

17 августа 1953

Смерть пьяницы

Назююкался изрядно
И покачиваясь пел;
Совершенно ошалел:
«Хорошо! ей-ей – приятно!»

На гармошке на двухрядной
Кто-то ахово гудел...
«Танцевать!» – Не смог. Сопел.
Не сумел... (Брюзжал чуть внятно.)

Было плохо. Жутко. Ах!..
Он под вечер лег в канаву
Переваривать отраву.

Вскоре помер. Ах – он прах –
Стал он синий, стал лиловый...
Кто-то снял костюмчик новый.

9 января 1954

Гибель птички

Ты погибла птичка, птичка,
По моей вине!
Как мне грустно, птичка, птичка,
Как несносно мне!

Боже! маленькая птичка
Смерть нашла в вине:
Чуть глотнула водки птичка...
Ах, как горько мне!

Птичка, водку тебе дали,
Но никак не ожидали,
Что погибнешь ты.

Что бы мне сказать: Сережа,
Не давайте! – Боже, Боже –
Гибель красоты!

9 марта 1954

Роковое

Хоть кто-то лихое таит
И тихо-претихо смеется –
Не знаю, смогу ль побороться?
Хоть кто-то лихое таит –
Все пробую силы свои,
Но все роковым остается.
Да, кто-то лихое таит
И тихо-претихо смеется.

5 июня 1954

Убийства

Не убий.

Библия

Всех, кто нам мешает жить,
Мы стараемся убить:
Убиваем мух и вшей,
Тараканов и мышей.

Убиваем просто так
И в убийствах видим смак.
Вот мальчишки бьют кота,
Бо убить у них мечта.

На войне людей мы бьем
И победный марш поем...
Все, кто смеет, – бьет с плеча,
Сладострастно гогоча.

30 июля 1954

Наваждение

Экое мученье:
Жизнь – и тут же тленье,
И опять рожденье.
Прямо наважденье!
Вопрос без ответа:
Для чего всё это?

1957

Женщина в больнице

Дома хуже чем в больнице,
Дома муж сварлив и лих.
А в больнице есть сестрицы –
Девы – взгляд их кротко-тих.

Дома надо мыть и стряпать
И портки ему стирать.
Ночью ж лезть он будет, лапать
И без устали ласкать.

Нету мне покоя дома,
А в больнице – красота:
Тихо. Я лежу укромно
И постель моя чиста.

1957

В квартире

Я целовал ей рот.
Я целовал ей груди
И ноги, и живот...
А рядом жили люди.

Картошку люди ели.
Потом «Калинку» пели
И завели фокстрот –
И танцевали лихо...
А ночью стало тихо.

14 марта 1957

Колбаса

Голова болит от таянья,
Сердце тоже. Боже! Ах!
Прихожу порой в отчаянье,
На душу нисходит страх.

Только люди с неба прыгают –
Видят странное глаза:
Парашюты плавно дрыгают,
А над ними колбаса.

30 марта 57

Оголенность

Рассудок всё опустошил.

Ф. Тютчев

Оголённость жизни сущей
Прозаична и скудна,
Меркантильна суть она
Оголённость жизни сущей.
Лишь работы да фокстроты,
Стройка, койка, патефон.
Лишь работы, лишь фокстроты
И индустриальный фон.

Все тайное земли похерено,
Оголена земная суть,
Куда не глянь – проложен путь;
Все досконально, все измерено,
Оголено до муки. Жуть!

16 мая – 26 июня 1957

Сука

Приходили женихи вначале,
Лезли, грызлись, злились и рычали.

Раза три рожала я, но вскоре
Постигало меня злое горе:

Моих малых деток отнимали
И в помойку грязную кидали.

Между тем я тывкаю и лаю
Для чего – сама того не знаю.

31 марта 1957

*

Мухи жужжат.
Девки визжат.
Волки воют.
Бабы ноют.

Лошади лягаются.
Кобели кусаются.
Пьяные качаются.
Трезвые ругаются.

1957

Подвалы

Вот подвалы – темень темная.
И живут в них люди хилые:
Девушки уныло-скромные,
Бабушки зело плаксивые.

А на улице движение
Грохот, гулы сверхподобные;
Визги, посвисты, кружение
И рычания утробные.

1957

*

Я ючусь в подвале,
Я и нищ, и гол.
Мне коморку дали:
Пользуйся, брат, мол.

Скоро я подохну,
Скоро смерть моя:
Вытянусь да охну –
И подохну я.

1957

Жуткое

Жутко! – Вывихи домов.
Искривленья сизых труб.
Искаженья всех основ –
Этот мир зело сугуб.

Этот мир зело суров,
Черен он, как черный труп.
Искривленный кров – не кров.
А река ядерный пуп.

Пол-бутылки – пьяный бред...
Может вправду счастья нет?
Только зданий кривизна,

Только темь голодных дней,
Коший вопль, свет фонарей,
Кривизна и левизна.

28 января 1958

Встреча с Холиным

Вот и ландыши. Дыши
Ароматом их. За садом
Соловей поет в тиши,
Петухи поют за скатом.

Кажется, пройтись пора.
Выхожу – навстречу Холин.
Он, как водится, доволен,
Хоть и не кричит ура.

4 июня 1962

Лимонов

Лимонов, Лимонов,
Вы лучше лимонов,
Не только лимонов,
Но и апельсинов,
Но и мандаринов.

1970

Белая горячка

Он допился до белой горячки:
Пил коньяк он, и водку, и ром.
Он к знакомой отправился прачке –
И ее зарубил топором.

Его долго лечили в больнице
И старались его излечить...
Почему его жизнь должна длиться? –
Эту сволочь не лучше ль убить?

Позабыв о загубленной прачке,
Что бандит зарубил топором –
Рассуждали врачи о горячке
И насколько подействовал ром.

1970

Барахло

Так много всякой всячины
У каждого из нас.
И всё это скопляется,
Хранится много лет.

И мы копим и бережем
Унылый скудный хлам.
А бросить жалко – может быть
Понадобится вдруг.

Но вот в один прекрасный день
Смерть тюкнет – и каюк.
А барахло, куда его? –
Наследники возьмут.

8 января 1970

Мыло

Она подарила мне мыло
И смылась. Ее больше нет.
Мне грустно, паскудно, постыло,
К тому же не мало мне лет.

К тому же и осень настала,
А осенью трудно мне жить...
Ах, если б она только знала –
Не стала б мне мыло дарить.

1970

Белая ворона

Вы забыли то свиданье,
То стоянье под осиной;
Гром и неба трепетанье
И сиянье молний синих.

Вот у вас любовник некий –
Некий служащий приличный:
Как иные человеки
Прозаичный и обычный.

Назову ль вас бессердечной?
Вам тоски не слышно стона...
Уж с любовником, конечно,
Вы не «белая ворона».

5 октября 1970

Встреча

Она вчера приехала
С высоким стариком –
И что-то там набрехала
Об эдаком, таком.

На брюки ее пошлые
Смотрел я просто так.
Не вспоминалось прошлое,
Не думалось никак.

Что ж, страсть была да минула,
Как говорят – прошла.
Любовь куда-то сгинула,
От сердца отошла.

9 октября 1970

Книга четвертая

ЛИРИКА
1940 – 1974

*

Никому не завидую,
Ничего не прошу –
И свой век завершу
Никому не завидую.
Правда, видывал виды я –
(Пусть на ладан дышу...)
Никому не завидую,
Ничего не прошу.

1940

*

Надоело чай пить.
Печка догорает.
За окном лютует
Матовый мороз.

Надоело чай пить.
Сахар в чашке тает.
Свет вечерний сеет
Краски зимних роз.

Надоело чай пить.
Ничего не знает,
Ничего не смеет
Сердце, кроме слёз.

1940

*

На дворе война и стужа.
Трудно с голоду уснуть.
Я от голода недужен. –
Вот она земная жуть!

Лягу спать – и будь, что будет.
Я укутаюсь тепло.
Холод горницу остудит,
Станет в горнице бело.

1943

*

Иду я в сутолоке мира,
Иду к загадочной черте.
И надо мною звезд порфира –
Их кто-то бросив завертел.

Земной уют уныл, ненастен,
И под окном собачий вой...
И неужели ж я причастен
К великой тайне мировой?!

1944

*

Я был весел: хмельное вино
Опьянило увядшие дни.
И блесло граненое дно
И мерцали в нем нежно огни.

И хотелось смеяться и петь,
И любить неприветливых вас,
И на всё улыбаясь смотреть,
И пуститься по улице в пляс.

1944

*

День сегодня весь дома я,
Не стучался никто.
Я убил насекомое
Неизвестно за что.

Я глядел и разглядывал
На обоях пятно.
Но оно не обрадовало,
Неприятно оно.

И какие-то тайные
Вились мысли во мне...
Или все мы случайные?
Или всё как во сне?

1944

*

За стальной оградой сада
Враг молчит.
Он таится за оградой
И молчит.

Кто он? что он? происк ада? –
Он молчит.
Что ему такое надо? –
Враг молчит.

Оградился враг оградой
И молчит...
Сгинь! Уйди! Оставь! Не надо!..
Он молчит.

1944

*

Человек с пилой. Играет
На эстраде, на пиле.
Но мороженое тает
И дымит «кафэ-алле».

Что им нужно здесь? Прически
Лошадиные у дам.
И мазки цветные броски
Ярких платьев там и там.

И мужчины: кто в погонах,
Кто их снял уже долой...
На эстраде стоны, стоны –
Стонет человек с пилой.

1944

*

У киоска сер асфальт.
Тускло-зелен ивы лист.
За окном домов кобальт,
Летний полдень серебрист.

Но по радио трепак
С серебристостью вразрез:
– Так и эдак, так и так! –
Как он в полдень этот влез?

Кепку взял – хочу идти...
Прогуляться, или нет?..
Все исхожены пути
В продолженьи многих лет.

1944

*

Там светы звездной жути:
Краснеет красный Марс.
А здесь огни и люди
И на эстраде фарс.

Там бездны мировые:
Простор весь звездно пуст.
А здесь? – Здесь тянут выи
На оголенный бюст.

Там ужасы вращений
В звездах свод неба весь.
Здесь водка, угощение –
И нам уютней здесь.

1944

*

Я не прочен, как не прочен
Каждый человек.
Этот светел, тот порочен –
В результате же не прочен
Каждый человек.

Человек! – Он весь из мяса:
Мясо на костях.
Нынче жива мяса масса –
Тюкнет смерть – и тлеет мясо...
Проку что в костях?

Очень редко, кто так мыслит:
Дескать – я мясной!
Что-то строят, что-то числят...
Очень редко, кто так мыслит
Головой мясной.

1944

Лирика
1940 – 1974

*

Крылами серафима
В лицо плеснул восторг.
А там – идущим мимо
Одно занятие – торг.

Им интересны лавки,
Витрины, где видны
Английские булавки
И дамские штаны.

Глазеют, покупают,
Торгуют, продают,
И сладостно мечтают
Создать земной уют.

1944

*

Как мы материальны!
Господи, прости!
Только, что реально, –
Только то в чести.

Всё иное херим,
Всё иное – миф.
Роем, строим, мерим
Знамя будней взвив.

А быть может рядом
Есть цветущий мир –
Радужным нарядом
В нем цветет эфир.

1944

*

Я любовь ценил превыше
Всяких благ.
А теперь в душе потише...
Из окна гляжу на крыши
Просто так.

Ночью рыжая планета
Лезет в высь.
И бегут куда-то лета
Без ответа, без привета...
Берегись!

Берегись, придут сроки –
Канешь в мрак...
И по грязной по дороге
Повезут куда-то дроги...
Вот так так!

1944

*

Дверь закрыта. Ночь настала.

Все в квартире спят.

На дворе тепло и тало.

На столе коптилка: ало

Фитили дымят.

Закурил. Сижу и вижу:

Вылез таракан.

Ах, какой он темно-рыжий!

Жизнь его куда-то движит:

Вот залез в стакан.

Вот и я. Зачем я? что я?

Для чего я есть?

Так... живу... хочу покоя...

Но не весело земное,

Жутка смерти весть.

1944

*

Прячьтесь в теплые берлоги,
Кто куда, кто куда!
Ветры выюжны, люди строги,
Ой, беда! ой, беда!

Всюду ветры, всюду злоба,
Не до сна, не до сна!
Всюду призрак смерти, гроба
И война, и война!

Все же прячьтесь от напастей
Кто куда, кто куда!
Лишь в берлоге тихой счастье...
Ой, беда! ой, беда! –

Доберутся и в берлогу...
Где ж уют, где ж уют?! –
Треснут в шею, сломят ногу
И убьют, и убьют!

1944

*

Свет фонаря во тьме блеснул.
По тротуару кто-то шел.
Был март. Я словно ошалел –
Искал тебя и не нашел.

Меня околдовала ты,
Я думал о тебе одной.
Был март. Мяукали коты
И сладко веяло весной.

1945

*

Вот и прошла моя любовь,
Мое хотенье.
Старик! Остыла, видно, кровь,
Подался в тень я.

Находясь, как сова в бору,
И озираясь,
Я влез в уютную нору
И наслаждаюсь.

Пусть страсть бушует за стеной
И дышит зноем,
Я наслаждаюсь тишиной,
Живу с покоем.

1945

*

Все живут – зачем? – не знают. –
Так – рождаются и живут.
Строят, роют, кроют, прут.
Все живут – зачем? – не знают –
Пьют, едят и убивают,
А потом, гляди, помрут.
Все живут – зачем? – не знают –
Так – рождаются и живут.

25 апреля 1945

*

В мирских делах я мало значу,
Миряне сами по себе,
Молюсь я, Господи, Тебе.
В мирских делах я мало значу.
И по ночам я тайно плачу
В душеспасительной мольбе.
В мирских делах я мало значу,
Миряне сами по себе.

26 января, 14 июня 1946

*

Я под старость стал светлее,
Веселее чем допрежь –
В сердце небо голубеет,
Чем-то светлым светит плешь.

Да, я знаю: жизнь так зыбка –
Нынче жив, а завтра прах.
Для чего ж моя улыбка
И приветливое: «ах!»?

Жизнь вся в радужном тумане –
Всё туман, мираж, обман...
Я живу, как в балагане –
Интересен балаган!

1946

*

В нас притаилась смерть.

Шели

Жизнь непонятна никому –
Ни этому и ни тому.
Живущие всегда в пути,
Нельзя же не идти.

Рожденному никак нельзя
Замешкаться. Его стезя
Влечет его вперед, вперед –
И вот он у ворот.

Окончен путь. Пришел конец.
Все видят: вот еще мертвец...
И каждый с грустью тайной ждет –
Когда ж его черед?

1950

*

Людей унылы лица:
Работа да тоска.
А ты? – Ты дьяволица
И я тебя ласкал.

Ласкал в воображеньи,
Неистово... И что ж? –
Чур, чур – ты наважденье,
Ты вся нагая ложь.

Теперь мне стало ясно:
Ты смерть земных святынь.
Ты жутка, ты опасна...
Уйди, изыди, сгинь!

27 января 1950

*

Опять я выпил водки.
Опять я захмелел,
И закусив селедкой
В мечтаньях разомлел.

Мечта ко мне ласкалась,
Как женщина, тепла,
Она меня касалась,
Она во мне была.

14 апреля 1952

*

Может быть я странен,
Может быть я слаб,
Чертом запоганен
Окаянный раб.

Господи, не я ли
Близок к Тебе был?..
Черти всё отняли,
Все порывы крыл.

И устало сердце
В будничной борьбе...
Отвори мне дверцы
Господи, к Тебе!

12 июля 1952

*

Всё пройдет – и радость и печаль.
Всё уйдет – и доброе и злое.
Что нам близко – то для дальних даль,
То, что есть, для будущих былое.

Всё уж есть и будет всё всегда.
Наше представленье иллюзорно.
Господи, какая ж нам беда:
Для чего так наша плоть зазорна?

1 мая 1952

*

Молчанье нужно мне.

А. Фет

Нет молчанья – гулы всюду,
Трескотня моторная.
Миллион миллионов люду
Шумного и вздорного.

Все квартиры, все конуры
Людом изобилуют.
В них жильцы задорно-хмуры –
Сунься – не помилуют.

Вот вам молодость, вот старость,
Женщины с мужчинами:
Что ни день – впадают в ярость,
Бьются кулачинами.

Нет приветливого крова,
Края нет пустынного...
«Тишина» – смешное слово,
Очень уж старинное.

15 августа 1952

Жестокость

Так было – так будет.

Экклезиаст

На земле жестокость была.
На земле жестокость будет.
На земле жестокость есть.
Потому всё так уныло,
Что убить природа нудит,
Нудит даже трупы есть.

И война, и изуверство,
И насилие, и жестокость,
И предательство, и лесть,
И заведомое зверство,
И суждений кривобокость –
Это было, будет, есть.

18 сентября 1952

✱

Дни идут, проходит время –
Мы всё те же или нет?
Облысело мое темя
И вдобавок стал я сед.

Впрочем лучше нам про это
И не думать – просто жить.
Пусть себе проходят лета –
Время не остановить.

19 сентября 1952

*

Ночь осенняя упала
Сирая да хилая.
Ты меня поцеловала
На прощанье, милая.
И пошел я по дороге,
И скользили мои ноги.

30 сентября 1952

*

Тихо-тихо. Спят соседи.
Спят и взрослые, и дети.
Осень. Ночь черным-черна
И дождлива, и мрачна.

Плохо тем, кто ночью этой
Бродит нищенски одетый.
Ибо осень, ночь черна
И дождлива, и мрачна.

Хорошо вам люди, люди
За стеной сидеть в уюте.
За окном же ночь черна
И дождлива, и мрачна.

30 сентября 1952

*

*Без кошмаров и жалоб
Задремать, хоть на час.*

Арсений Альвинг

Только чуть задремлю –
Пробуждаюсь разом.
Ночь идет. Я не сплю.
Час бежит за часом.

Тишина, тишина,
Люди все уснули;
У меня ж нету сна...
Господи, усну ли?

После ссор, после драк
И добычи снеди –
Глухо спит наш барак,
Спят, храпят соседи.

Чтобы ночь скоротать
(Ночь без сна, во мраке) –
Я стихи сочинять
Стану про бараки.

Скоро, скоро рассвет,
За окном светает;
Так всю ночь сна и нет...
Так и жизнь растает.

5 января 1952

*

Пугает нас прах сей убогий:
Не ведаем, что будет там.
Живем мы с унылой тревогой
И взор поднимаем к звездам.

Все время мы чувствуем зыбкость:
Сорвешься – и в тар-тарары.
Лавируем. Некая гибкость
Хранит нас кой-как до поры.

Но все это кончится разом,
Неистовым словом: каюк.
Все сникнет: и тело, и разум,
И радость, и трепеты мук.

13–14 апреля 1952

*

Мир уныл и тревожен –
Будь, мой друг, осторожен –
Ходит зла череда –
Неотвратна беда.

Сторожит тебя лихо –
Подкрадется, да тихо –
И тогда пропадай –
Богу душу отдай.

28 мая 1953

Анютины глазки

Анютины глазки в стакане
И зной за открытым окном.
А я все такой же, как ране,
Мечта моя все об одном.

Крапива и травы созрели,
И пышно растёт лебеда.
А я, Боже мой – неужели
Старею... минули года...

И как это странно: все то же:
И небо, и зелень, и зной...
Но шепчет Нездешнее строже
О том, что есть вечный покой.

20 июля 1953

*

Снова ночь встречаю я –
Пусть мне радость снится.
Плоть измаялась моя –
Надо спать ложиться.

Тайно тайное тая
Тайное тaitся.
Это я или не я?..
Что-то снится, длится...

Жизнь, возможно, тоже сон:
Длится, длится, длится он...
В смерти, что тaitся?..

Баю-баюшки-баю,
Может, Господи, в Раю
Смертный пробудится?

10 января 1954

*

Земля – сплошной погост
И жизни возрожденье:
Разгульной жизни рост
И пагубное тленье.

Се тайной смерти плен
И темь, и прах, и слезы...
Но там где прах и тлен
Цветут и блещут розы.

26 июля 1954

*

Дух мой волен без предела
Плоть же горестна моя.
Плоть земная захирела –
Тело никнет, смерть тая.

Все дряхлее мое тело,
Все слабее плоть моя...
Нет! – душе не надоела
Жизнь. Млада душа моя.

Облысел я, захирел я,
Постарел я, поседел я...
Ах ты Господи, – беда!

Но душа! – Она ведь юна! –
В ней звенят поэзии струны
Невзирая на года.

8 января 1954

*

Плоть дряхлеет и томится,
Скоро семьдесят мне лет.
Перспектив на благо нет.
Плоть дряхлеет и томится,
Что-то страшное мне снится:
Ужасы грядущих бед,
Плоть дряхлеет и томится,
Скоро семьдесят мне лет.

1962

*

Нет письма – одна газета.
Для чего она нужна? –
Написала б мне она...
Нет письма – одна газета.
Ах, зачем газета эта –
Мне она нужна одна...
Нет письма – одна газета.
Для чего она нужна?

1963

*

Скрыться в нору бы глухую
От собак и от людей,
Притаиться бы мне в ней.
Скрыться в нору бы глухую,
Обойти б беду лихую,
Скоротать остаток дней.
Скрыться в нору бы глухую
От собак и от людей.

1964

*

Какие гулы за окном:
Цивилизация в разгаре.
Щекочут мухи, как в кошмаре.
Какие гулы за окном!
Гудит сей гул бредовым сном.
Страдаю от мушиной твари.
Какие гулы за окном:
Цивилизация в разгаре.

1964

*

Живые мертвых уволакивают,
Кто в крематорий, кто в могилу.
Живые умерших оплакивают
Жалеючи родных иль милых.

Умершие свое отжили –
Гниют в могилах иль сжигаются.
Живые же живут и маются –
Ан глянешь – и они в могиле.

1964

*

Все мы ходим по канату
Нашей жизни, до поры,
До могильной до норы.
Все мы ходим по канату,
Пока живы мы – мы рады,
Жизнь для нас вроде игры,
Все мы ходим по канату
Нашей жизни, до поры.

13 марта 1967

*

У вас угрюмая душа
И красота ваша увяла,
Хоть жили вы еще так мало.
У вас угрюмая душа,
И вы живете жизнь глуша
И неприветно и устало.
У вас угрюмая душа
И красота ваша увяла.

20 марта 1967

*

Мяучат кошки по дворам
И тает снег неторопливо.
От воздуха весны сонливо
Мяучат кошки по дворам.
Двойных не будет скоро рам.
Весна всегда для всех красива,
Мяучат кошки по дворам
И тает снег неторопливо.

21 марта 1967

*

Бодритесь зря. Бодритесь глупо.
Кругом вас горе и беда –
Она везде, она всегда.
Бодритесь зря. Бодритесь глупо.
Вот ужасы: болезни, трупы...
Так каждый день всегда, всегда.
Бодритесь зря. Бодритесь глупо.
Кругом вас горе и беда.

22 марта 1967

*

Я целовал ее. Я гладил
Ее и руки и лицо.
Вот обручальное кольцо.
Я и кольцо ее погладил.
И с нею я вполне поладил.
И с нею вышел на крыльцо.
И взяв под ручку, ручку гладил
И целовал ее лицо.

24 марта 1967

*

Дни скорби, Господи, близки.
Куда от них уйду, убогий?
Грядут назначенные сроки...
Дни скорби, Господи, близки.
Томлюсь от скорби и тоски,
Влачу по древней жизни ноги.
Дни скорби, Господи, близки,
Куда от них уйду, убогий?

26 марта 1967

*

Мы охватить не можем всё
И так мы знаем слишком много.
Но почему ж растёт тревога,
Боязнь, что не охватим всё?
Эх, это «всё» – ни то, ни сё!
Одно нам надо: милость Бога.
К чему охватывать нам все,
Ведь жить-то нам не так уж много.

18 апреля 1967

*

Полемизировать не стану
И спорить с вами не хочу –
Возьму и просто замолчу.
Полемизировать не стану.
Пусть напустили вы туману –
Не стану возражать – молчу.
Полемизировать не стану
И спорить с вами не хочу.

19 апреля 1967

*

Голова моя немеет –
Это, видимо, склероз.
Ах, с годами он возрос!
Голова моя немеет.
Плохо, кто склероз имеет –
Много жизней он унес.
Голова моя немеет –
Это, видимо, склероз.

20 апреля 1967

*

Льву Рыжову

Мапа нет. Он помогает
От склероза головы.
Не найдете ль его вы?
Мне он очень помогает.
Эх, склероз томит и мает –
Мапа ж нет – увы-увы!
Мап исчез. Он помогает
От склероза головы.

21 апреля 1967

*

Мне ваша строгость не нужна,
Я от нее устал изрядно;
Порой мне даже неприятно.
Мне ваша строгость не нужна,
Душа моя с иным дружна:
Я сердцем радость чую внятно,
А ваша строгость не нужна,
Я от нее устал изрядно.

21 апреля 1967

*

Притаилась каракатица,
Заперлась на ключ она
(В этом горбуна вина).
Притаилась каракатица,
Заперлась и задом пятится,
Чтоб не видеть горбуна.
Притаилась каракатица,
Заперлась на ключ она.

21 апреля 1967

*

Нет, мне ее не полюбить –
Не стану я любить любую.
Любить – так уж совсем иную,
А эту мне не полюбить.
Уж я не знаю, как и быть –
Любить хочу я не такую.
А вот ее не полюбить...
Я ж не могу любить любую.

22 апреля 1967

*

Уж мне не до любви теперь.
Как говорят – не те уж годы.
Законы, так сказать, природы.
Уж мне не полюбить теперь.
К любви закрыта плотно дверь
И замурованы все входы.
Уж мне не до любви теперь,
Как говорят – не те уж годы.

23 апреля 1967

*

Ю. В.

Приехал толстый гражданин,
Широкоплечий, бородатый
И с шевелюрою мохнатой,
Приехал толстый гражданин.
На небе был ультрамарин,
А тучки были, как из ваты.
Какой роскошный гражданин
Широкоплечий, бородатый!

23 апреля 1967

*

Что философствовать, к чему? –
Уж лучше просто так живите:
Послушайте да поглядите,
А философия ни к чему –
Она ни сердцу, ни уму –
От философии благ не ждите.
Не философствуйте, к чему? –
Уж лучше просто так живите.

25 апреля 1967

*

Искусство для искусства,
Как грёза, как мечты,
Как вешние цветы.
Искусство для искусства,
Для выраженья чувства,
Для чистой красоты.
Искусство для искусства,
Как грёза, как мечты.

25–30 апреля 1967

*

Отвлечемся от напастей
И от всевозможных бед,
Будто бед на свете нет.
Отвлечемся от напастей
И от смерти жуткой пасти –
И восхвалим Божий свет.
Отвлечемся от напастей
И от всевозможных бед.

26 апреля 1967

*

Тепло и нежно ее тело,
Душа вся ею пленена –
Так привлекательна она.
Тепло и нежно ее тело,
И нет хотению предела...
(Не знаю, есть ли в том вина?)
Тепло и нежно ее тело,
Душа вся ею пленена.

26-29 апреля 1967

*

Я знаю: вы не для меня,
Но полон я о вас мечтами:
Вы вся во мне, судите сами...
Я знаю: вы не для меня.
Придет какой-то, без огня,
Возьмет и завладеет вами...
Я знаю: вы не для меня,
Но полон я о вас мечтами.

1 мая 1967

Грань безумья

Бывают порой происшествия.
А ты и не думал о том?
На страже стоит сумасшествие –
И ты попадешь в желтый дом.

Мы все на границе безумия,
Ужасных, неистовых мук.
Нарушится вдруг благоразумие
И бездна развернется вдруг.

Хоть Ангел хранит нас до смерти,
Пока не настанет наш час,
Но злые паскудные черти
Морочат неистово нас.

2 мая 1967

*

Никому не доверяйся –
Могут взять да отравить,
Могут ахнуть и убить.
Никому не доверяйся,
Просто жмись, таись, скрывайся,
Не давай себя губить.
Никому не доверяйся –
Могут взять да отравить.

19 сентября 1969

*

Мы во власти окаянства,
Сладострастия и смерти.
Потешаясь кличут черти:
Вы во власти окаянства
Плюс чертовского поганства,
Уж поверьте нам, поверьте. –
Мы во власти окаянства,
Сладострастия и смерти.

1969

Смерть гражданина

Дьявол душу растерзал,
В точности, как кошка мышку.
Петлю к стенке подвязал –
Вешайся, сказал, и крышка.

Всё! – тебе дорога в ад,
Не отвертись от ада.
Рад ли ты или не рад,
А нанюхаешься смрада.

И исчез паскудный бес...
Гражданин же этот ловко
В петлю дьявола пролез –
И повиснул на веревке.

1 марта 1972

*

Что за девушка? Она
Похотлива и блудлива,
Да к тому ж еще криклива.
Что за девушка? Она
Выпьет, если дашь, вина
И ласкается сонливо.
Что за девушка? Она
Похотлива и блудлива.

22 декабря 1972

*

Не светает долго
В темном декабре.
Я ючусь в норе.
Не светает долго
И торчит без толка
Темень на дворе.
Не светает долго
В темном декабре.

1972

Добрая девушка

У вас есть живот и есть груди.
И косы, и ноги, и руки.
Но есть в вас немало доуки.
У вас есть живот и есть груди.
Вас хвалят, к вам ластятся люди,
И лезут как к ласковой суке.
У вас есть живот и есть груди.
И косы, и ноги, и руки.

1972

*

Шум в ушах весьма докучен:
Старость, Господи прости!
Как себя от мук спасти?
Шум в ушах весьма докучен,
Надоедлив, нуден, скучен...
Поневоле загрустишь.
Шум в ушах весьма докучен:
Старость, Господи прости!

1972

*

Нам бы водки хлестануть
Пятьдесят, хотя бы, грамм –
Водку пить сподручно нам.
Нам бы водки хлестануть:
Выпить, крякнуть и заснуть,
И отдаться чудным снам.
Нам бы водки хлестануть
Пятьдесят, хотя бы, грамм.

1972

Смертный час

У каждого свой смертный час уж есть.
Всяк обречен для гибели и баста.
Всяк в оных днях услышит смерти весть,
Бо смерть губить живущего горазда.

И содрогнется всяк – конец всему:
Реальность (он узнает) ускользает...
Всяк видел смерть – она пришла к нему
И в плоть его, как некий гад, вползает.

Заглохнет вдруг вся суета сует –
И станет всё не нужно и отвратно:
И звездна ночь и солнца дивный свет –
Всё заменит гниение развратно.

Се тьма могил! Ах, сколько жизней там!
Века веков... но это фоном было...
А вот теперь – ты гибнешь, гибнешь сам:
И ждет тебя убогая могила.

Всяк в оных днях учует смерти весть,
Бо смерть губить живущего горазда:
У каждого свой смертный час уж есть,
Всяк обречен для гибели и баста.

12 октября 1972

*

Вот мне 80 лет,
Как вам это нравится?
Как художник, как поэт
Я не смог прославиться.

Прославлялись те да те,
И иные – разные...
Я ж стремился к красоте –
Мило мне прекрасное.

Я старался, значит, зря –
Для кого? Бог ведает.
Надо б крикнуть мне «уря» –
Кто кричит – не сетует.

Кто кричит, тому дают
Блага материальные:
У того земной уют
И они нахальные.

Ну а я убог и хил –
Нету мне почтения;
Никому-то я не мил
В таком положении.

Как художник, как поэт
Я не смог прославиться...
Ах, мне 80 лет,
Как вам это нравится?

27 июля 1973

*

Приходил художник Замараев,
Не одобрил живопись мою...
И стою один я у сараев,
И стихи печальные пою.

Поглядел художник Замараев,
И нашел, что все совсем не так.
Объяснял мне долго Замараев,
Что писать мне следует и как.

Я стою печально у сараев
И стихи печальные пою...
Караул!! – художник Замараев
Не одобрил живопись мою.

10 августа 1973

Земная плоть

Пьем мы водку, девок любим,
Очень нравится нам джаз.
На войне врагов мы губим –
Мы для всех и все для нас.

Мы смакуем плоть земную
И душа у нас темна.
Отрицаем жизнь другую
Будто есть лишь плоть одна.

Всё плотское нам родное
И плотское всё для нас.
Мы не ведаем иное,
Скрытое от наших глаз.

15 августа 1973

Неизбежная гибель

Болезни и недуги
Томят в веках людей:
Болеют и страдают
И каждый чует смерть.

А наслажденья тоже
Погибельны порой.
Обжорство, блуд и водка
К гибели ведут.

17 августа 1973

Осенний радикулит

Снова муки в сентябре,
Мукам нету края.
И погода на дворе
Скользкая, сырая.

И опять радикулит,
Господи всеильный!
Поясница! Ой! Болит!
И довольно сильно.

10 сентября 1973

*

Вместо идеальности
Трепетных высот
Грубой материальности
Ты поддался – вот!

Где ж сияний трепеты,
Где ж душевный свет?
Слышишь бесьи лепеты?
Слышишь, или нет?

Ты погрязнул в похоти,
В блуде. Ты упал.
Что бесплодно охать и
Плакать? – Ты пропал...

5 октября 1973

*

Я лавировал всячески с вами,
Притворялся спокойным, простым.
Позабавил своими стихами,
Разговором наивно пустым.

И как будто удачно все было...
Лишь в деталях чуть-чуть, кое-что...
Проводил... И побрел я уныло...
Ах ты, Господи! мука... за что?

18 ноября 1973

*

Чудо есть – я это знаю –
Чудо есть.
Братья, сестры, уверяю –
Чудо есть.

Не обман Святое Чудо –
Чудо есть.
Братья, сестры, верьте в чудо –
Чудо есть.

13 декабря 1973

Грипп

Расчищал к сараю ход –
Снегом ногу промочил.
А затем схватил я грипп
Или грипп меня схватил.

Принял я тетрациклин.
Насморк дьявольский – беда!
Правда – в комнате тепло,
Но чихаю я весь день.

18 декабря 1973

Больница

Лебедевой

Не клади меня в больницу,
Не хочу издохнуть я...
У врачей угрюмы лица;
Что, скажи, им жизнь моя?

Молодого еще лечат:
Для работы годен он.
Стариков зато калечат:
Зря ест хлеб! Противен он!

Если он не помирает
Сам – тут «помощь подают» –
Вспрыснут чем-то. Ведь бывает:
Стар он, помер... Отдают

Труп родным. Он в гроб уложен, –
Ликвидирован – шабаш!
Червяки его изложут,
Черти лихо крикнут: наш!

У врачей угрюмы лица:
«Всё прожили, или нет?
Мы положим вас в больницу
И отправим на тот свет».

4 августа 1974

Лирика
1940 – 1974

*

Живая материя болеет,
Страданиями полнится плоть,
И никнет, и тайно слабеет,
Но дышит еще она, хоть

К ней призрак реакции тайной
Уже подступает: се прах.
Се жизни погибель случайной
Наводит неистовый страх.

Что нам до процессов материи,
Бездушных реакций ее? –
Мы мыслим, мы чувствуем, верим
И радостью тайной живем.

1 ноября 1974

КРУЖЕВА

1963 – 1966

СТИХИ 1963 ГОДА

*

В пору ту
Мы ведали беду:
Ели лебеду.
Лебеду ели,
Чуть не поколели.

*

С парнями ходила:
Зародила.
Родить не родила:
Сделала аборт –
Попутал черт.
Ах, черт!
Опять аборт.

*

Те, кто мне не симпатичен,
Тем и я не симпатичен –
Это обычно.
Это так от века
У человека.

СТИХИ 1964 ГОДА

*

Все хвалят вас...
Но что такое «все»?
(Какая унылость!)
Кто эти «все»,
Скажите на милость?..

*

Его стихи – шарада.
Шараду ли нам надо?
Шарады в оны дни
Считались модны
И превосходны.
А теперь
Сие херь.

*

Если хочет оно жить –
Я не стану давить.
Пусть оно себе живет
Незнакомое
Насекомое...
Пусть ползет.

*

Нынче с утра
Осень сыра,
Убога.
Миряне не верят в Бога –
Херят...
Шизофреники верят.

*

На пляже
Парень ражий:
Бритые усы,
Уродские трусы,
Майка полосатая,
Ноги волосатые.

*

На утренней рани
Гуторят миряне
О том,
О сём...
Гуторят бабы на дворе,
А я сижу в своей норе.

*

Осень. Ветер завывает.
Собака лает.
Собака воет.
Сердце ноет.
Не люблю осенний мрак,
Завывающих собак.

*

Осенняя погода.
Осенняя природа.
Пока еще тепло,
Пока еще светло,
Конечно...
Но все не вечно.

*

Сева,
Ева,
Холин.
Ими мир доволен –
Они реальны
И оригинальны.

*

Ах, любить мне вас нельзя...
Извиваясь и скользя –
Вы не даетесь...
Вы за деньги продаетесь.
А денег у меня нет,
Так как бедный я поэт.

*

Сны-кошмары
К утру снятся,
Длятся.
Сны-кошмары
Одолели –
Надоели.

*

Суеверье
Лучше чем безверье.
Все верить
Лучше чем херить:
Все-таки верить,
А не херить.

*

Строил крематорий –
Копал,
Строгал.
В этот крематорий,
Как помер – попал...
Опустили в люк
И каюк.

*

Г. С.

Что ж, пробуйте свои силы.
Хвалитесь что есть силы:
«Новатором де стал,
Влез на пьедестал,
От старого отошел,
К новому пришел...»

*

И. Х.

То, чему учил я вас –
Слышу от вас
В виде поученья
И нравоученья.
Что ж могу сказать,
Так сказать? –
Ученик способный
И тому подобное.

*

Зданий новых кубы
Сугубы.
Кубизм осуществился.
Вот Сезанн бы удивился,
Что кубизм осуществился.

*

Звериным голосом пела фокстрот.
Разевала пасть –
Накрашенный рот.
Ежилась, как от щекотки...
Музыканты били в трещотки,
Дули в дуделки
И иные безделки.

*

Электричества нету.
Что нам делать без света? –
Ни читать,
Ни писать...
Спать?
Приходится спать.

*

Я связан с бытом
В своих стихах...
Не лучше ли быть слитым
С мечтою в облаках?
Там – блеск неба,
А здесь нехватка хлеба.

*

М. Е.

Я вас превратил в богородицу,
Молиться хотел на вас,
Боялся коснуться вас...
А за вами такое водится,
Что какая уж там богородица.

Кружева
1964

Совет поэтам

Длинные стихи
Читать трудно
И нудно.
Пишите короткие стихи –
В них меньше вздора
И прочесть их можно скоро.

СТИХИ 1965 ГОДА

*

К. Г.

А я-то думал,
А я-то ждал,
Что вы стихи мои
(Печатаю споро)
Напечатаете скоро...
Напрасно думал,
Напрасно ждал –
Не ожидал
(При всей своей снисходительности)
Такой медлительности.

*

Бед много таится –
(Такая напасть!) –
Случится влюбиться –
От муки пропасть.
Случится споткнуться – упасть,
Под машину попасть.
А то просто – заболешь
И околеешь.

*

Вся жизнь во мне:
То страшно мне,
То не страшно мне,
То приятно мне,
То неприятно мне.

*

Все промелькнет,
Как мелькало:
Мелькнет – и нет,
Как не бывало...
Это было?
Или нет?

*

Все, что от сердца,
Теперь считается банальным.
Все, что от сердца,
Теперь считается пошлым
В нашем времени дошлом.

*

Высокопарные стишки –
Поэзии нынешней грешки.
А мне превыспренность надоела,
Фальшь словно ржа разъела
Искусство...
Чтоб те было пусто!

*

Возрождение в стихах футуризма
Полно комизма.
Бекать,
Мекать,
Задавать шарады
Иные рады...
Откровенно говоря –
Это зря.

*

Вы обманули нас
Третий раз.
Нельзя надеяться на вас
Раз у вас (в самом деле)
10 пятниц на неделе.

*

Уж такой мой дом –
Горлопанки-бабы за окном –
С ведрами носятся,
С корытами носятся,
Брешут, поют,
Воду льют,
Злятся
И матерятся.

*

Девушка с лицом суровым
Кто вы?
Что вы?
Для чего вы?
Отчего вы так суровы?

*

Дама слушала стихи мои.
Стихи мои
Показались ей не поэтичными,
Необычными,
Слишком натуралистичными,
Даже неприличными...
Откровенно говоря
Я стихи читал ей зря.

*

Ему – ее тело, ее душа.
А мне ни шиша:
Ни обнять, ни поцеловать...
Только вздыхать,
Только стонать.

*

Как трудно жить!
Как страшно быть! –
Надо есть-пить,
Надо любить,
Надо родить,
Кормить,
Работать, потеть, терпеть, болеть...
Потом помереть.

*

Когда беда строит гримасу –
Тогда массу
Жути,
Мути
Душа в себе увидит
И грех возненавидит...
Захочется уйти от бед –
Ан дороги-то и нет.

*

Люди есть – живут с азартом,
А она вот не из тех –
Ей азарт их – сущий смех.
Она теплым, талым мартом
Выгибается, как кошка
И мяучит из окошка.

*

Любовь – мученье.
Блуд – наслажденье,
Похоть – развлеченье,
Упоенье...
Любовь несчастна –
Это ясно.

*

Любовь прошла.
Нежность прошла.
Тревога прошла.
Ревность прошла...
Ничего не осталось
О чём мечталось.

*

Мне казалось, видеть ее – счастье.
Мне казалось, коснуться ее – счастье.
Мне казалось, ласкать ее – счастье.
А оказалось
Это мне только так казалось.

*

Много дней
Он думал о ней,
Ревновал ужасно.
Оказалось, напрасно.
Надо было заплатить,
А потом ее любить.

*

Не надо бояться доуки
И скуки.
Не было бы только муки,
Не было б тревожно,
А то жить можно.

*

Не томиться бы,
Смириться бы.
Уйти в затвор и тишину,
От мрака взор свой отвести –
И благо обрести.

*

Ничего не домогайся,
Ничего не добивайся,
Не рыпайся, не спорь, не злись,
Не борись,
Не вертись,
Не томись...
Смирись!

*

А. А.

Он попал в тюрьму –
Плохо там ему.
Но что он сделал?
Ничего не сделал.
А что он делал?
Ничего не делал.

*

Он ратовал
За то,
За сё.
А это «то»,
А это «сё» –
Ни то, ни сё,
Ни то, ни сё.

Кружева
1965

*

Она превратилась
В «человека»
Из женщины:
Закурила,
Остриглась,
Надела брюки,
Стала говорить хриплым басом.

*

О вас не думаю боле...
А сколько было боли!..
Напасть –
Разевала пасть...
Мог бы пропасть...

*

Просто иди
По своему пути.
Зачем себя маешь,
Раз ничего не знаешь?
Ничего не придумаеть –
Напрасно думаешь.

*

Ее муж сказал:
Она мне не нужна.
Он сказал:
Она обыкновенная –
Подводит глаза,
Пьет водку,
Ест селедку,
Курящая, как гулящая...
Ну и вот –
Нужен развод.

*

Сочинять стихи вам лень.
Вирши ваши –
Дребедень.
Про себя вы говорите:
«Гениально!»
И при этом смотрите
Нахально.

*

Стихи свои она читала
Расслабленно и вяло,
И устало,
Как тихий стон,
Как бы сквозь сон:
Невнятно,
Непонятно...
Слушающие сказали:
Приятно!..

*

Стихи мои сугубы –
Реальны, но не грубы.
Не пошлы,
Не дошлы –
В них нету злобы,
В них нету лиха,
В них нету вопля
(Вроде: «гопля!»)
И читать их надо тихо.

*

Л. О.

Суздаль. Водка. И она.
С горя? Или влюблена?..
Ночь в лачужке длилась,
С ним она совокупилась.

*

Много было боли...
Сердце устало...
О вас я не думаю боле...
Мне легче стало...
Но временами
Я еще с вами.

*

Тот поэтический язык,
Который был привычен
И поэтичен –
Теперь стал неприличен.
Теперь поэт горазд и рад
Упомянуть в поэме «мат»
И «блат».

*

Уйти в затвор,
В тишину,
Смириться
И не томиться.
Увидеть
Духа вышины,
Завет блюсти
И быть у Господа в чести.

*

Утро. Лето.
Много света.
Радость зелени...
Тепла только нету
В лето это.

*

Хи-хи, хи-хи, хи-хи!
Поэт принес стихи:
Бессмысленно,
Многословно,
Утрачена суть –
В общем, муть.
Читал я эти стихи:
Хи-хи, хи-хи, хи-хи.
Халтура,
Но у поэта этого губа не дура –
Чем пахать –
Стал писать,
Издавать,
Получать.

Монолог Евы Уманской

Настоящий мужчина
Деньги имеет.
Тратит – не жалеет.
Водит в ресторан.
Угощает.
Частенько навещает.
С ним не умрешь от тоски.

Дарит чулки,
Башмаки,
Платья.

Ему поцелуй и объятья.

*

Ту, что я так боготворил,
Что так ждал, так желал –
Он – ее целовал, обнимал,
К ней прижимался...
И обсеменял, как четвероногий...
О боги!

*

Женщины не любят,
Когда их любят,
А любят,
Когда их хочет мужчина
Любого чина.
А от любви им доука
И скука.

*

Ждал. Не дождался.
Проголодался.
Не мог дольше ждать,
Пошел покупать
Съестное. (Но не мясное.)

*

Зима пришла.
Любовь прошла.
Пропала,
Как не бывало.
Опять один,
Как сукин сын.
А ты, как сука...
Какая скука!

*

Л. О.

Я был у ее двери:
(Кировская, д. 24, кв. 105)
И отошел от двери –
Подался вспять...
Испугался?
Опять?..
Да-а – испугался...
Не посмел.
Не позвонил.
Не сумел...
Как трудно любить!

СТИХИ 1966 ГОДА

*

Бессонница у нас...
– Который час? –
– Пять...
– Опять? –
Бессонница у нас...
Ночь зимняя длинна
И жутка нам она.

*

Боли в теле
Надоели.
Старость.
Старость.
Беда!
Не деться никуда.

*

От сердцебиения
Не уснуть...
Придет мгновение...
Подумать жуть...
А ночь нема.
Зима.

*

Сколько всего было! –
Уньло
Вспомнить, что было...
Словно было вчера...
Давно спать пора,
Но не спится...
Душа томится...

*

Я в эти годы
Любил женщину опять,
Четыре года
Мне пришлось страдать...
Но проходит, слава Богу, всё –
И она уж мне теперь ни то ни сё.

*

Надо нам
Земным сынам
Не охать,
Гнать похоть,
Блуда бояться,
Зря не смеяться.
Приять терпение.
Познать смирение.

21 июня 1966

ЗЕМНОЙ УЮТ

1940–1978

Отдых оборванцев

Там где мусорно и грязно,
Где горюн-трава –
Возлежали в позах праздных
Оборванца два.

Поднималась и чернела
Сизая труба.
В ярком солнце зелень млела,
Спали короба.

Запустенье и задворки,
Мусор и трава,
Кирпичи и крысьи норки,
Грубые слова:

«Мать туды их, тяпнем рома,
Вот те мой мотив:
В ночь ограбим наш знакомый
Кооператив».

Но, увы, – давно ограблен
Этот магазин:
Сам директор Васька Саблин
Вывез сто корзин.

1940

У бака

У мусорного бака,
У стока мутных рек,
Голодный, как собака,
Оборвыш-человек.

Внизу огромный город –
Исчадье зол и бед.
Томит бродягу голод –
Ему спасенья нет.

У этого у бака,
Быть может (как то знать?),
Голодный, как собака
Приплелся умирать.

Вдали туманно небо –
Гигантский город там.
Бродяге только б хлеба,
Хотя бы килограмм.

Почесывает руку...
От муки глада нем...
Таит глухую муку
И тайно грезит: ем!

1942

Земной уют
1940 –1978

Безрукий

Я живу в своей коморке,
Я красивый, молодой.
Иногда доволен коркой –
Съем, запив ее водой.

Кто имеет кров и пищу,
И костюм, и башмаки –
Я ж голодный слабый нищий
И вдобавок без руки.

От работы не потею,
Я умею воровать,
Ну, а как разбогатею –
Так на все мне наплевать.

Воровство мое занятие –
Мне нельзя не воровать –
Без руки сумею взять я,
Неужели ж пропадать?!

Наплевать, что я безрукий –
Любят девушки меня –
Льнут и ластятся, как суки
На задворках у плетня.

1942

Старушонка

Памяти Н.А. Некрасова

Старушонка убога,
Старушонка хромает.
И бредет кривобока,
А на улице тает.

Да, на улице сыро.
Промочила опорки...
Кто-то пухнет от жира,
А у бедной ни корки.

То ручонку протянет,
То закрестится часто...
Вдруг овянет, устанет –
Помирает и баста.

А ночует в подвале.
А ютится на койке.
– Ох, как ноги устали,
Не гожусь в полумойки! –

И так станет ей горько,
И так станет ей тяжко,
Что до самой до зорьки
Прострадала бедняжка.

Вновь наутро уходит –
(Ведь кормиться-то надо!) –
И все бродит и бродит
Горькой жизни не рада.

1942

Гармонист

Каширину

Голод, холод – ной не ной –
Может быть еще поганей?
Хорошо сидеть в пивной
И трезвонить на баяне!

Вот на службе целый день
Я болтаюсь, словно тряпка.
Эх, как скучно! Жить мне лень,
Как-то мерзко, как-то зябко.

Дома тоже я томлюсь...
За окошком непогода.
Осень зла. Я тоже злюсь...
И создал же бог уroda!

Дома два и две жены:
(Я по бабьей части слабый).
И судьбою мне даны
Целых две сердитых бабы.

Жил когда-то я не так:
Гармонист в пивной, пивная...
Сквозь дурман вина и драк
Познавал я радость рая.

Грянешь вальс под гул пивной:
Хорошо, тепло и сытно...
А теперь, хоть ной не ной –
Горько, скучно и обидно.

1942

Начальник

Наш начальник слабоумен,
Лает, лает как барбос.
Жуть! – во всё сует свой нос.
Наш начальник слабоумен,
Но заносчив, зол и шумен,
Сколько бед он нам принес!
Наш начальник слабоумен,
Лает, лает как барбос.

Если нет его – мы рады –
Легче, легче нам дышать
(Так его и эдак мать!)
Если нет его – мы рады:
Задымим мы самосады –
Без него нам благодать.
Если нет его – мы рады –
Легче, легче нам дышать.

Как начнет он нас тиранить –
Просто, просто пропадай!
(До чего ж несносен, ай!)
Как начнет он нас тиранить
И трещать, и барабанить –
То и слышишь пёсий лай.
Как начнет он нас тиранить –
Просто, просто пропадай!

Эх, бежать бы без оглядки –
Да куда, куда уйдешь?! –
Бедность; прорванные пятки...
Эх, бежать бы без оглядки,
Да на брюках всё заплатки,
(Беспокоит даже вошь.)
Эх, бежать бы без оглядки –
Да куда, куда уйдешь?!

1942

Земной уют
1940 – 1978

Ночь

Боимся мы ночи,
Боимся мы тьмы.
Что ночи жесточе? –
В ночь сетуем мы.

В ночь воеет по трубам
Седая пурга.
В смятеньи сугубом
Мы чуем врага.

В тревоге мы слышим
Ветров голоса,
Прерывисто дышим
И ширим глаза.

И ширим мы очи
От жути и тьмы...
Что ночи жесточе? –
В ночь сетуем мы.

Мы плачем о прошлом –
Его не вернуть.
Нам кажется пошлым
Наш суетный путь.

Нам грезится смутно
Погибель и прах...
А ночь неприятна,
В ней гибель и страх.

Боимся мы ночи,
Боимся мы тьмы.
Что ночи жесточе? –
В ночь сетуем мы.

1944

Деревенская гулянка

Встали ночи диким гиком
Диких девок и парней:
Воплей огненные сдвиги
О возлюбленной, о ней!

Визги, провизги, гармошка
И частушечный напев;
Ходуном идут дорожки,
На дыбы поднялся хлев.

Раскосило избы; боком
Скособочило сарай;
Подрала церквушка скоком
Накренясь на левый край.

Шевельнулись, пятясь, тени,
Ночь поплыла, лезет в раж:
Всё в движеньи и смятеньи,
Надо всем любовь и блажь.

Девки наглы, парни рьяны,
Юбки смяты, скомкан плат;
Забубенный, вольный, пьяный
Смрадной тряпкой виснет «мат».

1945

Земной уют
1940—1978

В слободке

У заборов четко сложен
Бородатых топот. Были
Молодцы из лавок ражи.

Окружили крысу. Били
Сапогами (вся орава) –
Били, били и убили.

Топотали влево, вправо
И басами гоготали. –
Развеселого все нрава.

После – дуру увидали:
Машку Коневу, косую –
Беспардонно осмеяли.

Ларионыч молвил: «Все!» –
Да куда! – потехи ради
На козла надели сбрую.

Вечерком – гулять, в прохладе.
Под гармошки завыванье
К воротам ходили Кати.

К ней бы выйти на свиданье! –
Подмигнет – полюбишь сразу... –
Всех красивей на гулянье.

Вкось, у Карпова лабаза,
Шепот: тискают бабенку:
«Слышь, постой, пусти, зараза!» –

Ночь. Избенка за избенку,
Прячась, пятится за ели,
Убирается в сторонку.

Эй, гуляй! Шумы, похмелье! –
И всем скопом прут к молодке.
И-го-го! и эх! – веселье...

Вот что делалось в слободке!

1945

Возвращение солдата

Ты ли мне ли говорила
    Про любовь.
Печь топила, щи варила,
    О, любовь!

Как вернусь бывало, с поля,
    О, любовь!
Шепчешь ты мне, моя Поля,
    Про любовь...

Как забрали во солдаты –
    Про любовь
Я не думал долго, братья...
    О, любовь!

Я не думал... только Поля
    Про любовь
Говорила Петьке в поле...
    О, любовь!

И когда узнал я это –
    О, любовь!
Я не стал писать ей это
    Про любовь...

Я домой вернулся полем,
    Вполз ужом...
О, любовь! Погибла Поля
    Под ножом.

1945

Житейская проза

Уныло каркают грачи
Над сумрачною рощей.
Маруська злится и кричит,
Ярится злая тёща.

Во всем всегда виновен я
По ихнему понятию.
Увы, погибла жизнь моя,
Судьба моя – проклятье.

А ведь когда-то был я юн,
Влюблен в сирени ветку;
«Поэзии касался струн»...
И вот – попал я в сетку.

Слабеет жизнь, скудеет кровь,
Мечты, вы обманули!
Земля, скудна твоя любовь...
Не пить вина – могу ли?

Одна отрада лишь – вино,
Вино – одна отрада!
Чем глубже падаю на дно –
Тем сердце больше радо.

1945

Земной уют
1940 – 1978

Беда

Вот живешь, живешь – не знаешь.
Хорохоришься – беда,
Ерепенишься и лаешь,
Прешь неведомо куда...
Хлоп! – и вдруг пришла беда.

Тешил дьявола не ты ли? –
Ух как ухарски – беда!
На твоём ли это рыле
Была сытость, хоть куда?..
Хлоп! – и вдруг пришла беда.

Ты заврался, ты зарвался,
Безобразничал – беда!
Ты над слабым издевался...
Стой! довольно!.. Да ку-да...
Хлоп! – и вдруг пришла беда.

Ты не ждал беды, любезный,
Думал, подождет беда...
Сам вися над смертной бездной,
Ближним реёк закон железный...
Хлоп! – и вдруг пришла беда.

28 марта 1945

Страшное

Сталь мостов пружинит хлестко
Через прорези каналов.
Сеть дорог сверкает броско.
Жалят лезвия сигналов.

За стандартами строений –
Кубы – серый элеватор;
Взблески белые горений;
Черный остов – экскаватор.

Треугольные титаны
Раскорячились по полю.
Гул моторов неустанен.
Свиристит какой-то ролик.

Прут по тонким трубам газы.
Провода плетутся в сети.
Ясли. В яслях от заразы
Чем-то впрыснуты все дети.

Комбинат. Электропечи.
Сера, никель и железо...
Эх, как буйно, как далече
Это страшное пролезло!

1945

Земной уют
1940 – 1978

Свора

За ней бежала свора
Свирепых кавалеров;
Сверкали злобой взоры
Жестокие без меры.

«Ты мне любовь сулила,
Лаская то и дело:
Теперь ты изменила,
Отдав другому тело!»

Другой ярился тоже
И свирепел сугубо,
А третий строил рожи,
Хватал четвертый грубо.

«Ты мне дарила ласки
На лестнице в парадном!»
«Ты строила мне глазки
Тем вечером прохладным!»

Они ее хватали,
Цеплялись ей за платье –
И были как из стали
Их жуткие объятья.

Она – изнемогая,
Вся бледная от муки
Рвалась – и убегая
Отталкивала руки.

И с ужасом во взоре
От ужаса визжала...
За ней неслась вся свора,
Над ней она рычала.

1946

Лихо

С головой жирафы,
С длинными ногами,
Постоит у шкафа...
Жуть! – Судите сами.

Девушку наметив,
Обольстило водкой.
Тихо, незаметно
Спряталось с находкой.

И сидит с ней тихо,
Курит папиросы.
Шепчет что-то Лихо,
Задаёт вопросы.

И проходят ночи,
Как в тумане странном;
Подвело ей очи,
В голове туманно.

Под глазами круги,
Сердце бьется тихо...
Но единым другом
Почитает Лихо.

1946

Новый бог

Отломивши оба рога
Он лупил поленом бога.
Тут же рядом новый бог
Остро поднял к небу рог.

А кругом вопили люди:
Старый бог у нас не будет, –
Новый бог – единый бог,
Бог единый однорог.

Ликовала вся поляна,
И сквозь завесу тумана
Виден был стоящий бог
И его торчащий рог.

Веселились люди. В плясе
Торопились в слитной массе
Не жалеть усердных ног,
Чтобы знал бог-однорог,

Как уверовали в бога
С именем Единорога –
Все... И тут же старый бог
Был во прахе и без рог.

1946

Девушка

Кто б ты ни был –
Заходи, прохожий.

Мариэтта Шагинян

Ах, краса моя созрела,
Сладострастьем дышит тело,
Истомилась жадно плоть
Подошедшей страстью в плоть.

Я гляжу на лица, спины,
Ходят разные мужчины
По панелям голубым.
Хорошо б сойтись с любим.

Нюют сладостно колени,
Груди жддут прикосновений
И полуоткрыт мой рот...
Подошел любви черёд.

Что ж, отдамся я покорно...
Кто-то наглый и проворный
Без любви насытит страсть.
Рано ль, поздно ль – надо пасть.

И не будет мне обидно.
Мне ясна и очевидна
Самки чувственной судьба:
Я покорна, как раба.

Нет мне выхода иного...
О, скорей бы, хоть любого!
Истомилась жадно плоть
Подошедшей страстью в плоть.

1946

Забава сатаны

Ненавижу насекомых –
Мир их бред.
Этот мир, нам незнакомый,
Полон бед.

Пожирание друг друга,
Истязание и мука.

В истоме дико-сладоэрастной
Две стрекозы
(Цвет бирюзы).
Оса садически и властно
Пронзает тело стрекозы.

Эти челюсти и жала,
Эти 40 быстрых ног,
Этот испуленный скок!
Этот ползающий вяло
Мотылек!

Тело гусеницы движется
Омерзительно в траве:
Кольца тела мягко нжутся
К голове.

Муравейник,
Гнёзда ос.
Тли и красные жучки.
Жук навозный и навоз.
Пауки и паучки.

Я рассмотрел клопа:
Ужасен
Его постылый вид:
Он весь в крови!
Он мутно-красен!
Проклятый паразит!

Эти челюсти и брюха,
Этот рот!
Вот – мучительница муха –
Вот!

Тараканы! Таракан
Лезет в пищу и в стакан.
Размножается – их тьма
И для них приятна тьма.

Иное насекомое
Жалеешь – пусть живет.
Но муха всем знакомая
Нагла и нагло прет.

Муху ядами травите,
Не жалейте!
Мухоловками ловите,
Бейте!
Бейте, бейте, бейте мух
В пух!

Жалят в летние поры
Комары.
Вот стоокие глаза –
Стрекоза.
На дворе стоит жара –
Зной.
Искусала мошкара – ой!

А кошмары бедноты –
Невтерпеж!
Это ты?
Да, это ты:
Вошь!

А воспетая – ха-ха,
Ха-ха-ха!
У Мусоргского блоха,
Да, блоха...

Ненавижу насекомых –
Мир их бред.
Мир их темный, незнакомый
Полон бед.

И непонятно человеку,
Кому их жизнь нужна?..
Над сей забавой век от века
Трудится сатана...
Гогочет сатана!!

15–20 июня 1946

Голубая ночь

Ледяная пустынная ночь.
Голубой оловянный мороз.
На юру находиться невмочь,
Не укрыться под сенью берез.

Серо-светлые дали видны.
Голубой серо-пепельный снег.
В упоительном блеске луны
Черным призраком встал человек.

Он бежит и не чувствует ног.
Он бежит в серебристом дыму,
Он бежит по полотнам дорог...
И так страшно, так страшно ему.

Голубое морозное олово
И высоко нагая луна.
Человеку отрезало голову –
Возле рельс она жутко видна.

И пустынная станция виднеется,
И какие-то люди бегут...
И лежит голова и чернеется
На блестящем и лунном снегу.

Января 1947

Горбуны

Эта странная спина –

Сатанинское кольцо.

Бальмонт

Между прочих ходят горбуны:
Им горбы округлые даны.

Их горбы о многом говорят.
Их глаза насмешливо горят.

Привлекают девушек горбы.
Им мерещатся сугубые гробы,

Что горбатого исправить могут вдруг.
Девушка в истоме шепчет: «Друг,

Я люблю, я млею, я твоя,
Я твоя, тебе отдамся я,

Мне желанна ласка горбуна,
О, как жутка круглая спина!»

Горбуны насмешливо глядят,
Ласки их губительны как яд,

Руки их цепляются за стан,
Странной страстью нрав их обуян;

На губах их непонятный смех –
Соблазняющий, вводящий в грех.

Изгибается округлая спина
В неге ненасытной горбуна.

12 июля 1948

Весна

О вешней ночи нега,
От бед меня укрой!
Гремучая телега
Гремит по мостовой.

Весна с насмешкой древней
Велела девкам: пой!
Горланят по деревне
С покорностью слепой.

Ярится плоть земная,
Весны тревожна власть...
О, ночь, во тьме одна я,
Во мне святая страсть.

Как я люблю у тына
Глядеть на жеребца! –
Могучая скотина
С желанием самца.

И вся я разомлею...
Волнение в крови...
Но я... но я не смею
Отдать себя любви.

Папаша и мамаша.
(Немало им уж лет.)
И вся избушка наша
Бедна и денег нет.

Работаю до пота,
Плохи мои дела...
Но жить... мне жить охота,
Охота до зела!

И страсть во мне клокочет.
О ночь, – меня укрой!
Телега ль там грохочет
Гремя по мостовой?

И страсть во мне мятется,
Весна велела: пой!
Весна томит, смеется
Во мраке надо мной...

Могучая скотина
С обличьем жеребца!
О, если бы у тына
Почувствовать самца!

20 мая 1948

Младенчество

Без кокетства, без затей
Кормят матери детей.
Ах, как много у груди
Присосалось детей.

Дети нежутся, сосут.
О, младенчества сосуд!
Цвет их кожи нежно бел,
Чуть коснешься – покраснел.

Улыбается весна,
Улыбается она:
У набухнувших груди
Убаюкала детей.

Баю-баю-баю-бай!
Это радуга? иль рай?
Это сон или весна
В переливчатости сна?..

Много, много у груди
Присосалось детей.
Без кокетства, без затей
Кормят матери детей.

24 августа 1948

Секстина

Молчи, чтоб не нажать беды,
Таись и бережно скрывайся;
Не рыпайся туды-сюды,
Не ерепенься и не лайся.
Верши по малости труды
И помаленьку майся, майся.

Уж раз родился – стало, майся:
Какой еще искать беды? –
Известно, жизнь – труды, труды –
Трудись, но бережно скрывайся,
Не поддавайся, но не лайся, –
Гляди туды, смотри сюды.

Хотя глядишь туды-сюды,
Да проку что? – сказали: майся.
Всё ерунда, – так вот, не лайся!
Прожить бы только без беды,
А чуть беда – скорей скрывайся.
Но памятуй: нужны труды.

Труды они и есть труды:
Пошел туды, пришел сюды,
Вот – от работы не скрывайся.
Кормиться хочешь – стало, майся,
Поменьше было бы беды,
Потише было бы, – не лайся.

Есть лают зло, а ты не лайся,
И знай себе свои труды:
Труды туды, труды сюды;
Прожить возможно ль без беды?
А посему трудись и майся...
И помаленечку скрывайся.

Всё сгинет – ну и ты скрывайся,
И на судьбу свою не лайся:
Ты маялся? – так вот, не майся,
Заканчивай свои труды,
В могилу меть – туды, туды,
Туды, где больше нет беды.

1948

Грипп

За окном седая слякоть:
Тает снег.
Мокрым крышам только б плакать.
На постели человек.

У него начался грипп:
Слышен стон.
– Неужели я погиб?! –
Шепчет он.

Побежали за врачом:
Вот и врач.
Прилетает за грачом
На дорогу черный грач.

Тает, тает. И капли
Мутно падают вокруг.
Вот уж целых три недели
Он лежит в истоме мук.

Мозг застлали паутины –
Ходу нет.
Снятся страшные картины,
Дикий бред.

Неизбежность снится смерти,
Снится ад:
Песьи морды кажут черти,
Адский смрад.

Снятся сахара запасы
И свиной колхозный хлеб.
Снятся сладкие гримасы,
Сладострастные проказы
Навях дев.

Снятся, снятся,
Дико, дико,
Тумбы, тумбы,
Будки, будки.
Слышны, слышны
Крики, крики:
Незабудки!
Незабудки!

Тает снег,
Снега осели,
Мучит грипп.
– Неужели, в самом деле
Я погиб?!

Входит врач. Дает лекарство:
Стрептоцид...
Осложнение. Коварство
Грипп таит.

Бред: таинственное царство.
Паладин.
Новый врач. Еще лекарство:
Сульфидин.

За окном ветра и лужи.
Тает снег.
Врач (а он в больнице служит)
Молвил: «Плох сей человек!»

Сырость. Хмурь. Чернеют липы
В сизо-пасмурной дали...
– Эх, врачи спасти могли бы! –
Не спасли...

Роят яму на кладбище
Возле лип...
Это вот его жилище...
Жуток грипп.

1948

Арестанты

По дороге в осужденье
Шли толпой.
Человечьи преступленья
Каждый шедший нес с собой.

Тот прельстился женским телом
У моста.
Тот квитанции подделал,
Тот подчистил паспорта.

Тот ограбил на дороге.
Этот в банке сделал взлом,
Взяв с собою для подмоги
Лом.

Этот взял да и зарезал
Сапоги и брюки сняв.
Этот голову отрезал
Золотые зубы взяв.

Каждый нес свое бывшее,
Нес с собой.
Окруженные конвоем
Шли толпой.

1949

Санитарка

Занялся мой муж мышами –
Он исконный враг мышей.
Я ж веду борьбу с клопами,
Умерщвляю вшей.

В душных скважинах матрацев
Паразиты спят.
Только ночь – ползут кусаться,
Укусив, пускают яд.

Лето. Город. Душно. Жарко.
Нанимают санитарку
Паразитов изводить,
Чтоб возможно стало жить.

У меня халат. Он белый.
Прысну – клоп остервенелый
Побежит. Какая дрянь!

Летом душно, летом жарко,
Нанимают санитарку:
Балахон, яды, лохань.

Муж мой не прельстился вшами,
Муж мой занялся мышами –
Травит он мышей.

Я ж веду борьбу с клопами,
Умерщвляю вшей.
Я с клопами, я со вшами,
Мне не до мышей!

1949

Хирург

Резали бледное тело.
(Тело и кровь.)
Кончив привычное дело,
Вспомнил хирург про любовь.

Был он в костюме отличном
И надушён.
Шагом шел быстро привычным
Он.

Ало луна выплывала
Из-за куста.
Маша его дожидала:
Поцеловались в уста.

Плоть его сильная млела
(Это ль любовь?) –
Близость, горячее тело...
Тело и кровь.

1949

Чьей породы?

Человек произошел от обезьяны.

Старинное изречение

Я человек, я правнук человека...

Генрих Сапгир

1

Люди, сколько вы прожили
Тысяч лет?
Лет миллион назад вы были
Или нет?

Кто вас знает – может были,
Может нет...
Существуют разные были
Разных лет. –

Говорят, вы древле были,
В дрёме лет,
Волосаты, жутко выли...
Или нет?

Говорят, что вы когда-то
На обед
Приготовливали брата...
Или нет?

Был ли хвост у вас в те годы,
Где ответ?
Обезьянней вы породы?
Или нет?

1950

Гамадрил свиреп и рьян.
Правда ль мы от обезьян,
От косматых этих предков,
Что у нас ютятся в клетках?

Праздность суетных затей –
Это только у людей.
Мата грязное рычанье
Тоже ведь – не обезьянье.

Взять хотя бы наш барак –
Что там? – кроют так и так.
Что в нем? – ярость мордобоя...
Гамадрил совсем другое. –

Гамадрил свиреп и рьян –
Он породы обезьян;
Грезит он об обезьянах,
Обезьянах на лианах.

Правда, он свиреп и зол,
Весь в шерсти, зад только гол, –
Но совсем не знает мата
И не бьет по морде брата.

Гамадрил свиреп и рьян –
Он породы обезьян...
Человек породы чьей же? –
Да наверное своей же.

1950

Алкоголик

От душевной ли боли,
От любви ль, иль с чего ль –
Он привык к алкоголю,
Полюбил алкоголь.

Выпив, ведал он грёзы,
Небывалые сны:
Сребротканные розы
Серебристой весны.

Ему грезился милой
Упоительный взгляд.
Жалкий, слабый и хилый –
Был он нежен и рад.

Был он кроток и странен,
Никла горечь и боль.
Ему душу туманил
Роковой алкоголь.

Шел он тихий и слабый,
Шел к себе через двор,
Где ругались бабы
Вылезая из нор.

1950

Поллитровка

Пальто мое изношено,
Заплатки на пальто.
Трава в степи покошена,
Косил незнамо кто.

Начальникам не нравится
Потрепанность моя.
Но как мне им понравиться
Того не чаю я.

Не чаю я, не чаю я,
Не чаю ни черта, –
Хмелею не от чаю я –
Вино моя мечта.

Поллитра вещь сугубая,
Как выпьешь – благодать.
Личина жизни грубая
Шарахается вспять.

И выглядят умильными
Дома, трамваи, сад.
И носятся всеильными
Мечты – и им я рад.

Уньлое заброшено,
Ночное не темно...
Пальто мое поношено,
Но это все равно.

1950

Селедка

Засолили жирную селедку –
Это разумеет всяк, кто пьян.
Хорошо, что выдумали водку...
Господи, нелеп сей балаган!

Если бред всё, если жизнь вся тайна,
Если смерть подстерегает нас;
Если мы до глупости случайны –
Кроме водки, что еще у нас?

А любовь! О, как она всевластна! –
Этот трепет похоти слепой,
Эта жуть, что так волшебнo-ясна
Для рабов мятущихся толпой.

А поэту? – некуда деваться:
Он орган всей плоти мировой.
Так ему ль в пивной не напиваться,
И ужель он пьяницам не свой?!

В те поры, когда изнемогаешь
От любви – постылой маяты –
Господи, ты пьянку оправдаешь,
Господи, и страсть оценишь ты.

Колбаса да жирная селедка –
Государству каждому барыш.
Вот лафа, что выдумали водку!
Пьяницы, кажите трезвым шиш!

1950

Земная плоть

Как ты не крепка
Земная плоть!
Болезни цепки:
Вот гриппы, хоть.

Иные кратки.
Смертелен рак.
А лихорадки?..
Как зол трепак!

Нарывы в ухе:
(Страдай изволь!)
А боли в брюхе –
Какая боль!

Болят желёзы,
Радикулит,
Туберкулёзы,
Конъюнктивит...

О, люди, люди –
Плоть бrenна всех:
Всех вас не будет
Чертям на смех.

1950

Дура на качелях

На качелях качается дура:
То глядит изподлобья хмуро,

То беспечно и вольно хохочет,
Будто на небо выпрыгнуть хочет.

А веревка вздымается мерно,
Но трещит. – Получается скверно.

Увидавши веселую дуру
Закудахтали радостно куры:

Задом дрыгнула в небо кобыла
И пустилась бежать, что есть силы.

Шедший мимо мужик рассмеялся,
Что подол, развиваясь, задрался.

А на дуре надетый платочек
Весь алеет от розовых точек.

А у дуры такая улыбка
Словно всё и случайно, и зыбко...

Так качается глупая дура
И смеется, и хмурится хмуро.

И хохочет, хохочет, хохочет
Будто на небо выпрыгнуть хочет.

1950

Продавщица воды

Не застенчива я стала.
Нынче кто кем дорожит? –
Одного парнишки мало –
Их десяток набежит.

Хороша в киоске краска:
Подрумянила я рот,
Подвела лазурью глазки,
Танцевать пошла фокстрот.

Игорь Дыркин ходит модно –
Плечи прямы, как стрела;
Покупает, что угодно –
Хороши его дела.

Да и я не без работы:
Чтобы весело гулять,
Продаю с сиропом воды,
Накопила тысяч пять.

А когда у нас гулянка –
Мы заводим патефон.
Раз в неделю – точно – пьянка...
Рюрик, кажется, влюблен.

1950

Заклоченный

Ты мои любила волосы,
А тепер я облысел.
За железные за полосы
Я в тюрьму намедни сел.

Помню ты была, как девочка,
Но фривольная – беда! –
Всё насмешечка, издевочка...
Это ты была тогда.

А тепер уста окрашены
В темно-красный жуткий цвет,
Брови как-то странно сглажены,
И тебе под тридцать лет.

Я же сделал преступление:
(Пострадал немного банк...)
Всё сугубей облысение,
Словно там проехал танк.

Где ж вы, где ж вы мои волосы?
Ах, тепер я облысел!
За железные за полосы
Я в тюрьму намедни сел.

1950

Бесовская колыбельная

Спите, дьяволы и черти,
Спите, вам не надо смерти.
Бай-бай!
Бай-бай-бай!

Где вы только не ютились,
В каждом доме вы таились.
Бай-бай!
Бай-бай-бай!

Люди в вас теперь не верят,
Люди вас охотно херят.
Бай-бай!
Бай-бай-бай!

Люди злятся, стервенеют,
Люди сами всё умеют.
Бай-бай!
Бай-бай-бай!

Стали вы теперь досужны,
Ваша помощь уж ненужна.
Бай-бай!
Бай-бай-бай!

Черти, черти, в ад спешите,
Отдыхайте, спите, спите.
Бай-бай!
Бай-бай-бай!

1950

Избиение мух

Размахался сердясь гражданин
Сыроватою тряпкой огромной.
Весь от злости взбешенный и темный
Он гонялся за нами один.

Я контужена тряпкой была
В тот момент, как кусала ребенка.
Ах, удар! – он был сильный и звонкий...
Я кой-как, ошалев, отползла.

На пути две товарки мои –
Увидала я – были убиты:
Крылья, лапки и тельца разбиты
(Я всплакнула – что правду таить).

И теперь я совсем инвалид:
Неестественно дрыгают лапки
От проклятой намоченной тряпки...
Поглядите – плачевен мой вид.

1950

Сектантская

Зацвела намедни липа,
Сладок липы дух.
Чтоб мы, грешные, могли бы
Жить бы без прорух.

Там проруха, тут проруха,
Господи, подай!
Отступились мы от Духа,
Грешны через край.

Ох, грехи-то, ох, грехи-то
Сердце оплели!
Зелены в болотах мхи-то,
Господи, внемли!

Всюду пасквили да ссоры,
Силен ярый враг!
Нам бы в дебри, нам бы в норы,
В довременный мрак!

Волчьи вои, лисьи лаи –
Вот оно – нутро!
Да окрест звенят трамваи,
Свиристит метро.

Гнусно: крашенные губы,
Как горбы плеча;
Золотые блещут зубы
Лезвием меча.

Откромсали девы косы
Гривой под косяк;
Матерятся; папиросы
Даже курит всяк.

А податливы на ласки! –
Юбки до колен.
Под фокстрота свистопляски
К бесу лезут в плен.

Ах ты, Господи Иисусе! –
    Даве: наш «христос» –
На собранье в троллейбусе
    Проповедь привез.

Говорил он нам: «покайтесь,
    «Грешные рабы!
«Не грешите да не лайтесь,
    «Я бы вас... кабы...»

Что б мы грешные могли бы
    Жить бы без прорух!
Зацвела намедни липа,
    Сладок липы дух.

Ах ты, Господи Иисусе, –
    Наш «христос» – ей-ей! –
Сам уехал в троллейбусе
    К дамочке своей!

Июнь 1950

Осень бедняцкая

Как тяжка нам бедным осень,
Серый мрак ее несносен,
Дождь в ветвях берез
Горше слёз.

Бедноты на свете много,
Многие живут убого:
Кто в подвале, кто в норе,
Кто в дыре.

Сеет дождь вторые сутки.
Нищеты лохмотья жутки.
Продувает наш барак
Еще как!

Завернула осень круто.
Бедняки – беда – разуты.
Есть так даже, без порток,
Спаси бог!

Люди давятся от смеху
На бедняцкую прореху,
На облупленный барак
В коем мрак.

Люди с провизгом хохочут,
Словно черти их щекочут:
«Глянь на этого, вон там –
Ай да срам!»

Люди дошлые гогочут,
Люди людям смерть пророчут –
Вымиранье бедноты,
Нищеты.

Беднота ж плодится снова –
Ей обычен быт суровый,
Даже осень не берёт –
Так и прет.

Мрет и прет... Тяжка нам осень,
Серый мрак ее несносен,
Продувает наш барак.
Силен враг.

1950

Земной уют
1940 — 1978

Могилы

Увы, могил не сосчитать.

Филарет Чернов

Ты, душа, так рада-рада,
Что любовь с тобой.
Веет вешняя прохлада,
Реет над тобой.

Веют травы, что зелены
Зеленью весны.
Веют ивы, липы, клены,
Словно реют сны.

Но увы – пройдет все это –
Сгинет и капут...
Да и скольких уже нету
Тех, что были тут.

И торчат, торчат могилы,
И торчат кресты.
А окрест кустарник хилый,
Чахлые кусты.

До чего же плоть нелепа,
Безутешен прах!
Ах, живем мы слепо-слепо...
Ахахахаха!

1950

Временным

Кто здесь временные? – Слазь!

Вл. Маяковский

В куреньи сердцу много зла.
Сгубило курево дотла
    Не одного курильщика.
А впрочем неизбежна хворь,
Со смертью лучше и не спорь –
    Работа есть могильщикам.

Работа есть: давай копай
Иль в крематории сжигай
    Стараньями сугубыми.
И кажет смерть свой белый лик
Миллионы лет. И каждый миг
    Земля богата трупами.

И жизнью новых череда
Все прет и прет. Зачем? Куда?
    Куда она торопится?
Живут, живут – и всё ж помрут...
Так для чего ж всё прут и прут
    Раз всяк живой угробится?

Мы только тлен, мы плоти вязь...
Ну, кто здесь временный? Эй, слазь!
    Пусть новые народятся!
И мне, глядишь, придет капут:
Меня сожгут иль погребут...
    Уж так всё это водится.

1950

Лиловая змея

Веронике Свилюх

Оголили парк скоты,
Всё донельзя исказили.
Вот и ты: вся лжива ты,
Всю тебя томят бессилья.

Всю тебя мутит распад:
Эгоизм твоя основа.
Ты – змея! Змее ль я рад –
Ей, блистающей лилово?

Грустно я гляжу на парк
Оголенный и пустынный.
Лишь вороний внятен карк
У пруда, который длинный.

Мне покоя не дает
Облик твой (что это значит?) –
Платье красное твое
В лысом парке мне маячит.

Жуть воронья: вот и карк.
Жуть воронья в лысом парке,
Ах, какой плешивый парк!
Ах, как лысо в лысом парке!

Им плевать: нужны дрова!
Что им парк, что им природа?
Запоганена трава
В выходной толпой народа.

22 августа 1950

Старый поэт

Вот поэт – он стар уж и недужен,
Да куда от старости уйдешь?
Да и кто особенно здесь нужен –
Поживешь, а там и пропадешь.

Он стихи теперь писать стал редко.
Может быть, он всё уже сказал? –
Да, сказал. Остро сказал и метко:
Жизнь представил просто, как вокзал.

Или нет – как балаган, вернее:
Временный веселый балаган:
Обыватели, ученые, злодеи...
А окрест повис земной туман.

Чтоб бесцельность оправдать земную
И устроить, якобы, уют –
Сколько разных шуток было все...
(В балаганах с присвистом поют.)

Да ведь даже вот: бывали случаи:
Разойдутся – миллион убьют;
И свалив убитых этих в кучи,
Еще с большим присвистом поют...

Но к чему, зачем все это было –
Так поэт никак и не узнал...
Впереди – безмолвная могила,
Позади – мятущийся вокзал.

20 ноября 1951

Ночь

Ночь безлунна, ночь темна,
Что сулит она?
Ночь беззвездна. Черный мрак
Человеку враг.

Под личиной темноты
Мучаешься ты.
Под покровом тьмы ночной
Ты лежишь больной.

Под завесой ночи – вор
Лезет в лазы нор.
В мраке ночи тайный тать
Силится отнять.

Вырастает ночью грех
Дьявольских утех.
Сладострастья темный раб
Нежит ночью баб.

Сладострастья сладкий грех
Ночью мучит тех,
Кто таил хотенья лень
Целый божий день.

Жутка, жутка, жутка нам
Ночь, земным сынам.
По норам сидеть бы в ночь,
В тьме блуждать невмочь.

Эх, укрыться б где-нибудь!
Жутка ночи жуть...
Черной ночи черный мрак
Человеку враг.

1 мая 1952

Старая дева

Погода нехорошая:
И холодно и ветрено.
А я была хорошая,
Разумна и не ветрена.

Понравятся ли многие
В весны денечки красные?
Ухаживали многие
И соблазняли разные.

Осталась я невинною,
А молодость вот сгинула.
Душа теперь пустынная,
Любовь меня покинула.

Теперь я дева старая.
Не чужда богомольности...
Но я ярюсь как ярая
На всякие фривольности,

На всякое обилие
Плотского вождения,
Мужского неприличия,
Любовного хотения.

3 мая 1952

Самоубийца

Не дождался смерти,
Руки наложил!
Хохотали черти:
Дескать, не дожил –
Руки наложил.
Для людей наука,
Дескать, вот так штука!

Экая потеха,
Чёрт его дери!
Ой, помрем от смеха!
Что ни говори –
Жить не так-то сладко,
Жить довольно гадко!

Черти хохотали:
Руки наложил!
Черти лопотали:
Помер, не дожил,
Не дождался смерти!..
Радовались черти.

4 мая 1952

Землечерпалка

На шоссе землечерпалка
Рушит землю валко:
Ухает и ахает,
Бухает и трахает.

Неустанно бойко-скоры
Тяжкие моторы:
Трахают и бухают,
Ахают и ухают.

Беспрерывная работа:
Своевольный кто-то
Ухает и ахает,
Бухает и трахает.

Надоскучили моторы,
Их скворчанья скоры:
Трахают и ухают,
Ахают и бухают.

Не уснуть в домушках люду
Гул идет покуда:
Ухает и ахает,
Бухает и трахает.

9–10 августа 1952

Рок

От смерти не спасишься никак
И зря людей тревожит враг:
Мол, смерть отсрочить можно
Изобретеньем сложным.

Всему определяет Рок
Сей неизбежный смертный срок:
Что только ты ни делай –
Каюк – погибнет тело.

И все мы с бледностью лица,
Дрожа, ждем смертного конца,
Хоть некие храбрятся,
Пытаются смеяться.

Пусть муха, кролик, тигр, змея,
Свинья, петух, и ты, и я –
Все чуют: век непрочен
И все боятся очень.

И хоть непрочен жизни век –
Всё ж каждый – зверь и человек
Другого без стеснения
Бьет смело для съеденья.

Что для съеденья! – просто так,
Бо в оном видит некий смак:
Хлоп – прямо для потехи,
Как щелкают орехи.

Но о своем, своем конце
Всяк мыслит с бледностью в лице,
И с жутью тайной мыслит,
И средства к жизни числит:

Полезны яблоки зело;
От табака и водки зло;
Полезна простокваша
И гречневая каша.

Чтобы продлить свой грешный век –
Больниц построил человек! –
Амбулаторий – гибель!..
Но неизбежна гибель.

Наступит час, настанет срок...
Неумолим жестокий Рок...
Чу! – хохот – это черти
Возрадовались смерти.

Ах, вот она! – мгновенье – хлопок!
Ах, вот и он – дощатый гроб...
Жизнь сгинула, остыла...
Капут. Каюк. Могила.

22 августа 1952

Пьянство из-за любви

Ах, он пьян опять как стелька,
Лопухи ему постелька.
Ахахах, ахахах! –
Шелестит осенний прах.

Средь облезлых сизых сосен
Шелестит седая осень,
Ходит-бродит ветерок
И лежащий весь продрог.

Он упал, он встать не может.
Что ж, зато тоска не гложет,
Не томит любовь и страх.
Ахахах, ахахах!

Он любил ее когда-то
И его пленяло злато
Золотых ее волос,
Золотых тяжелых кос.

И глаза ее манили...
От любви он обессилел:
Жутко стало трезвым быть –
И почал он водку пить.

И когда он напивался
Облик милой представлялся...
Ахахах, ахахах –
Шелестит осенний прах.

Тучи черные чернеют
И ветра угрюмо веют
Навеяная холодок...
И лежит он. Он продрог.

Пьян он, пьян – он пьян как стелька,
Лопухи ему постелька.
Шелестит осенний прах...
Ахахах, ахахах!..

22 августа 1952

Строительство

Не стыдись, ты роешь ямы.

В. Брюсов

Людьми так много наворочено
Строений на земле сырой.
Как много в земь всего вколочено –
И лозунг человечий: «рой!»

Рой, колоти и приколачивай,
Строй больше, больше, больше строй;
Загромождай, вбивай, вколачивай,
Рой землю, беспощадно рой!

Не только на земле – подземные
Построил человек ходы;
Воздвигнул вроде бы надземные
Дома; добрался до воды –

И оковал ее свободную
Бетонами, попер назад,
Назад попер стихию водную –
И этому безмерно рад.

Он рад застроить земь строеньями,
Рад всё в бетоны оковать...
С остервененьем и терпением
Копает человечья рать.

23 ноября 1952

Молодой девушке

Гляжу на вас с прискорбным я смущеньем:
Да, без сомненья, вы свежи и хороши.
Но время, время, ах! оно готовит мщенье
За то, что вы так нежны и свежи.

Как розов этот рот; глаза прозрачны,
А руки тонкие, а этот легкий стан!
А живость, легкий смех! – Я озадачен:
Зачем и кем вам облик этот дан?

С какую ясностью и простотой игривой
Живете вы среди нас, как будто век вам жить.
Как будто вечно вы так будете красивы
И будут вечно вас любить, любить.

Но время – время мстит, оно жестоко –
Всё исказит оно, обезобразит вас:
Одрябнет ваша плоть еще до смерти срока,
И все поймут, что свет для вас погас.

Все, все на вас суровыми глазами
Угромо поглядят, как на отживший хлам...
Быть может, позже всех и вы поймете сами
Что больше мир не улыбнется вам.

А вот пока – вы смелы, вы игривы;
Вы привлекательны для женщин и мужчин;
Вам говорят в глаза, что – ах, как вы красивы!..
И раздается смех ваш без причин.

9 декабря 1952

Дом

Дом. Он серого цвета.
Этажей – ровно два.
Если теплое лето –
Окрест дома трава.

Но зимою холодной
В нем и сырость, и хлад.
Для зимы он негодный
Ибо крив и покат.

В нем живут и зимою –
Гольтьба в нем одна.
В щели веет пургою,
В дырки – зимка видна.

И зима лишь начнется –
Начинается мор:
Тот да тот вдруг загнется,
Хотя жил до сих пор.

Плохо нищему люду,
Холода ему зло.
Ерзай, зябни, покуда
Не настанет тепло.

А тепло, как настанет,
То другой разговор:
Сразу весело станет
И окончится мор.

8 марта 1952

Муха

Не промахнулась: в комнату влетела:
Тепло, светло, уютно и еда.
Хоть хорошо, но есть и тут беда:
Какой-то гражданин всё, то и дело,
Сорвавши с головы неожиданно кепку
Нас лупит и уверенно и крепко.

Он ахает с остервененьем нас –
И правда – жертвы есть, но мы проворны.
А я – я с детства самого задорна:
Пока он бьет – на лысину тотчас –
И щекочу, и ползаю там цепко...
Он бьет по лысине своею кепкой.

Ха-ха, шалишь! улепетнула я.
Подруги давятся, жужжа, от смеха:
Ха-ха-ха-ха! – какая же потеха...
Но что со мной? пропала, видно, я:
Меня задела роковая кепка...
Ах, умираю!.. мне влетело крепко.

29 сентября 1952

Зарезанный

В ней не было яростной гневности,
Но взгляд ее как-то устал,
Зарезала мужа из ревности,
Когда он раскинувшись спал.

И вот он лежит окровавленный.
Вот бритва – она вся в крови...
Жена ядом страсти отравлена
Безумной, звериной любви.

Замучила ревность паскудная...
Во всем виноват только он...
Тоска нестерпимая, нудная...
Неужто он в Симку влюблен?

Но нет – не жалеет... Все кончено...
Пусть будут и суд, и тюрьма,
И лагерь... (Как робко, утонченно
Светлеет лазурная мгла...)

Соседи, милиция, прочее...
Ах, спала с души тягота...
Все видят: зарезан – воочию...
Зарезала эта – вон та!

1 октября 1952

Шлагбаум

Черт попутал.

Поговорка

Шлагбаум не закрыла... зевнула...
Черт вылез из печки, кургуз;
Хихикнул – и видит: заснула...
К шлагбауму же шел автобус.

И поезд к шлагбауму подходит...
Хихикает пакостный черт;
Под носом у спящей проходит
И корчит ей тысячи морд.

Но спит она крепко и сладко:
Ей снится Рудольф – ухажер...
Черт дьявольской дрыгнул присядкой
И смылся – как вор.

И в самое это мгновенье
Раздался неистовый звон...
Вскочила она в удивленьи,
Пропал ее сон.

Вскочила. Все поняла... Поздно!
Дрожала. Стонала от слез...
Дышал над автобусом грозно
Большой паровоз.

Кровавую видела кашу...
Разбитый в крови автобус...
Схватили... (Ее звали Маша.)
А черт так и сгинул, кургуз.

9 марта 1952

Бедняки

Голодуем, терпим муку,
Всё-то есть хотим.
Купим хлебца, купим луку –
Вот и поедим.

Нам неплохо б скушать кашки,
Кашки бы поесть.
Да запить бы кашку бражкой,
Отдохнуть присесть.

А потом, потом бы чаю
Чаю с сахарком!
Ведь без чаю заскучаешь –
Просто – ни по ком.

Жить живем, но как убого!
А прорух, прорех!
Бедняков от века много
Богачам на смех.

Богачи имеют силу –
Захотят убьют.
В крематорий иль в могилу...
Вот земной уют!

Горько, грустно и уныло,
Но не надо ныть!
Эх, хотя б здоровье было,
А то можно жить!

14–19 марта 1952

Высотный дом

Он живет в высотном доме,
В малой чистенькой хороме,
В первом этаже живет.
А над ним всё люди, люди
Громоздятся, злятся, судят:
Ишь какой – внизу живет!

Лезь наверх до изнуренья.
Лифт испорчен – вот мученье!
Ишь какой – внизу живет!
В лавку надо – разве слезешь? –
Слезешь – так назад не влезешь...
Ишь ты черт – внизу живет!

У него над головою
Стадо топчется людское,
А вот он живет внизу!
Захотел – пошел пройтись
Со смазливенькой девицей...
Хорошо тем, кто внизу.

Нам же: лезь на верхотурье,
Головы-то наши дурьи,
Лезь, а он живет внизу.
Он живет – беды не знает,
К облакам не залетает,
А живет себе внизу.

21 апреля 1952

Богомольные старушки

Бредут старушки,
Несут по клюшке.

Сии плутовки
Сугубо ловки.

Сии плутовки
Идут к церковке.

И мыслят тако:
«Помрем однако:

«Бывает часто:
«Помрешь – и баста!»

Сии плутовки
Бредут к церковке.

Поп, старец знатный,
Очень приятный,

Грехи изымет,
Обузу сымет.

Грехов немало:
Всего бывало.

Бредут к церквушке
Сии старушки.

20 апреля 1952

Белые платочки

Супротив иконы
Низкие поклоны.

Белые платочки.
Шепот в уголочке:

«Было мне виденье –
Светопредставление;

Пёс блудил постылый...»
– Господи помилуй!

Страсти-то господни! –
«Тьфу – Тамарка сводня.

Ритка страсть бесстыжа
И связалась с рьжим».

– А всё бес постылый,
Господи помилуй! –

Белые платочки
Шепчут в уголочке:

Слышен шепот: «К Спасу
Я сварила квасу».

14 августа 1952

Нищий профессионал

И черный хлеб мне впрок пойдет,
    Бо нищий я убогий.
Кто нищий – тот свой век бредет
    По нищенской дороге.

Всяк нищий жалобно скулит:
    Подайте Христа ради.
У нищего прискорбный вид –
    Чего бодриться ради?

Ах, жизнь земная хороша
    Для тех, кто волей дышит.
А раб не стоит ни гроша,
    Бо радость он не слышит.

Нет, я не раб: мне нищета
    От рабства огражденье.
Моя неистова мечта
    И жизнь мне наслажденье.

Работайте себе горбом,
    А мне работа – к черту!
Нет, не желаю быть рабом,
    Не этого я сорту.

2 мая 1952

Людмила

1

Ах, Людмила, Людмила, Людмила,
Никого ты еще не любила,
Никого ты еще не хотела...
Это странно, скажи: в чем тут дело?

Впрочем ты мне не раз говорила,
Что любить ты еще не любила,
Что твое непорочное тело
От любовных хотений не мдело.

Но тебя-то Людмила, хотели,
Это значит и муки терпели.
Но тебя-то, Людмила, любили,
Письма слали: такой-то Людмиле.

Ах, ответь поскорее, Людмила,
Почему ты еще не любила?
Иль жених стал не этого чина?
Не пойму я: какая причина?

Прет жених оголтело и смело...
Глядь – твое целомудренно тело:
Ты еще никого не любила,
Ах, Людмила, Людмила, Людмила!

27 июля 1952

Ах, Людмила, Людмила, Людмила,
Никого ты еще не любила.
Никого ты еще не любила,
Как же ты, не любя – и родила?

Как же ты ухитрилась, Людмила:
Не любила – и вдруг зародила?
Впрочем ты мне не раз говорила:
В ветре есть детородная сила.

Но мужчины тебя ведь хотели –
Это значит и муку терпели...
Ах, без них ты, Людмила, Людмила,
Вот взяла, им на зло, и родила.

Но ответ поскорее, Людмила,
Для чего ты по ветру ходила?
Или ветер высокого чина,
А не то что обычный мужчина?

Пёр жених оголтело и смело,
Но ему не отдала ты тела...
Ветру ты покорилась, Людмила –
И побыв на ветру – вдруг родила.

Январь 1954

Кабак

А вот кабак:
«Вино–табак» –
Пожалуйста, входите,
Идите и входите.

Народ там есть,
И есть, что есть,
И выпить что найдется,
И кто-то уж дерется.

Пропойца рьян,
Он раж и пьян,
Он бойко кроет матом
И пристает к солдатам.

Удар жесток.
Свистит свисток.
Упал. Подняться хочет...
Кабак, гудя, хохочет.

«Вино–табак».
Гуляй, кабак!
Раздольное веселье,
Разгульное похмелье.

12 августа 1952 Пресня

Разгульная

Иэх, как выпью я ерша,
Не оставлю ни гроша!

Иэх, как ахну, дерну в пляс –
Распотещу пьяных вас!

Всё на свете трын-трава –
Закружилась голова!

Иэх, гуди, играй, гармонь,
Разгоняй слепую сонь!

Вся невзгода, беда,
Куда делась, куда?

Вся печаль, печаль –
Ахти – скрылась вдаль!

И не нужно ни рожна –
Подноси вина!

Иэх, любовь моя, любовь,
Ты мою мутила кровь,

Я любил ее, любил –
Жисть свою я загубил.

В жути пьяного вина
Смутно грезится она.

Эти светлые глаза,
Эта светлая коса,

И дыханье ее губ...
Пей ребята, кто не глуп!

Иэх, как выпью я ерша,
Не оставлю ни гроша!

Иэх, как ахну, дерну в пляс,
Распотешу грешных вас!

Иэх, гуляй, гуляй, гуляй,
А-я-яй, а-я-яй!

5 сентября 1952

Паучиха

Бац по щекє ему.

Беранже

Мы недавно жили мирно,
Ты была игриво-смирна
Но зато теперь –
Ты страшна, как паучиха,
Воплощающая лихо,
Ты страшна как зверь.

Ты ревнуешь беспрестанно,
Но ведь это даже странно –
Верен я, поверь!
Ты ужасна в злобе ярой...
Я же маленький, поджарый,
Прячусь я за дверь.

Я с покоем распростился.
Вот дурак, что я женился –
Тяжко мне теперь.
Пощади, не бей так больно!
Караул! Оставь! Довольно!
Ты люта как зверь.

У нее в руках подтяжки –
Снова бьет – удары тяжки,
Больно мне, поверь!
Ты страшна, как паучиха,
Что самца съедает лихо...
Спрячусь-ка за дверь.

19–23 декабря 1952

Персональная выставка

Какая важная персона –
Оскар Рабин, Оскар Рабин! –
Чуть величав, немного сонен
И выставляется один
На выставке на персональной
В проулке с именем «Хрустальный».

Гудит похвал сурьезный хор:
Ах, хорошо, ух, как красиво!
Глядит не отрывая взор
Бр. Львовна, говоря плаксиво:
Ах, как хорош, вы, вы один
Оскар Рабин, Оскар Рабин!

И даже сам поэт Сабгир –
Сам триумфатор – предлагает:
Ура! – давайте делать пир;
Закупим вин! – Он полагает
Людмилу также пригласить
И за талант винца испить.

Недаром делаются вина,
Ассортимент огромен вин.
Итак, прославим же Рабина:
Оскар Рабин, Оскар Рабин!
Ура! да здравствует «Хрустальный»
С сей выставкою персональной!

31 августа 1952

Бабье лето

Дерева светлеют и желтеют.
Бабье лето. Бабье лето. Ах!..
Что ж еще живущие затеют –
Интересно. Интересно – страх!

Ну а тот, кто дни свои кончает,
Ну а тот, кто дни свои отжил –
Неужели даже тот мечтает?
Иль он вспоминает, как он жил?

Что ему сии воспоминанья?
То, что было – то ушло навек.
Все ушло – и радость, и страданья –
Времени не остановишь бег.

Не пугайтесь рокового срока
С бледностью тревожного лица.
Что ж, живите! Может, вам далеко,
Может, вам далеко до конца.

9 сентября 1952

Раздумье старика

Вот я жил, а ныне доживаю,
Потому что – хилый я старик.
Вот намеряны жизнь была живая,
А теперь, глядишь, ногами – дрыг.

Что тут делать, Господи помилуй,
Каждому придется помирать;
Каждый будет немощный да хилый,
Каждый будет горестно страдать.

Каждый, каждый. Но пока ты силен,
Чёрт возьми, живи, как сукин кот;
Пей вино, как пил когда-то Силен,
Наслаждайся бытием, как скот.

Главное, не думай о напасти:
Беззаботно при себе да при.
При до чертиков, до судорог, до страсти
А придет черед – тогда смотри.

Эх, тогда – тогда беда приспеет,
Эх, тогда – тогда беда придет:
Беспардонно тело захиреет,
В голове угрюмо загудёт;

Заболит рука, а с нею сердце...
Охохох! – в лицо посмотрит прах...
Умиранья, содроганья скерцо
Чёрт тебе сыграет на губах.

Вот я жил, а ныне, доживая,
Чувствую нелепость бытия.
Эх, намеряны жизнь была живая!
Эх, намеряны молод был и я!

10 января 1953

Новый год

Вот и январь, опять январь
И новый год опять.
И граждане опять, как встарь,
Почли его встречать.

Коньяк, портвейн, мадера, ром –
Опять, опять как встарь.
Да, новый год – январь притом, –
Как встарь – опять январь.

За январем опять февраль
И март придет опять.
Потом апрель – весна как встарь, –
Какая благодать!

Наступит май, наступит июнь –
И оживет земля.
За ярким июнем – жаркий июль
Возляжет на поля.

За июлем август тишиной
Овеет нежно земь;
Блеснет ночью вышиной,
Ночную кинет темь.

За августом придет сентябрь,
Огнем зажжет листья.
И не оглянешься – «октябрь
Настал уж» – скажешь ты.

За октябрем придет ноябрь –
(Не весел месяц тот...)
Но вот зима – опять декабрь...
И снова новый год.

И снова к нам придет январь
И новый год опять.
И граждане опять, как встарь,
Почнут его встречать.

4-5 января 1953

Земной уют
1940 — 1978

Этапы жизни

Раскрывшиеся почки
И неба бирюза.
Алеющие щечки,
Фонарики – глаза.
Идет ребенок в школу,
Гуляет на дворе.
Он радостный, веселый
В сей радостной поре.

А вот приспела юность –
Пора надежд и бурь:
Звенит поэзии лунность,
Пьянит и тешит дурь.
И смелость тут, и вера –
Никто ему не брат.
И хочет полной мерой
Восхитить он разврат.

Но вот настала зрелость,
Окончен курс наук.
Быть взрослым так хотелось –
И взрослым стал он вдруг.
Он женится, он тоже
Детей себе родит.
Зело с ним дети схожи,
У них приятный вид.

Работает он лихо:
Вершит дела, дела...
Крадется старость тихо:
Глядь – борода бела.
Вот не было печали:
Что б жить бы эдак – всласть! –
Ан черти накачали
Паскудную напасть.

А вот он уж дряхлеет:
Болит и то и сё;
Никто не пожалеет –
Бо он ни то ни сё.
Дряхлеет он, дряхлеет,
А всё себе живет.
Болезни ж стервенеют:
Того гляди помрет.

Нет, жив он. Допотопность
Теперь ему сродни.
Как некая подробность
Пред ним мелькают дни.
К нему здоровье снова
Вернулося – и он
Живет. И всё так ново
Как очень странный сон.

– Большие видно лета,
Какая борода! –
– Шпион, должно быть, это,
Не стар он, ерунда! –
К нему подходит «личность»:
– Дай документы, дед!
Но смотрит архаичность
Прожитой глыбой лет.

11 января 1953

Вечная баллада

Был молод он,
Влюблен был он –
Любовь – от века сладость.
Сиял февраль,
Звучал рояль
И в звуках была радость.

Был молод он,
Влюблен был он
И в девушку, и в младость;
В земную даль,
В рояль, в февраль,
В пленительную радость.

Был молод он,
Влюблен был он...
О, радость, радость, радость!
Февраль, февраль!
Рояль, рояль!
О, жизни, жизни сладость!

Но жизнь как сон –
Очнулся он:
Ан – миновала младость,
Затих рояль,
Погас февраль,
И потускнела радость.

И стар стал он...
Ты слышишь стон? –
Он вспоминает младость:
И тот февраль,
И тот рояль,
И ту былую радость.

Стал мрачен он...
Ты слышишь стон?
Он вспоминает младость.
Былого жаль...
Одна печаль...
Печаль... А где же радость?

Смерть чует он –
Сон – вечный сон...
А где же жизни сладость?
Где тот рояль,
Где тот февраль,
Где та любовь, та радость?

И умер он.
В могиле он...
Но в мире та же радость:
Звучит рояль,
Блестит февраль,
Любви пленяет сладость.

8 февраля 1953

Больные

Стонут, кашляют больные:
Кха-кха-кха-кха-кха, а-пчхи!
Ах ты, тяжкие грехи!
Стонут бедные больные
И вытягивают выи
Перед тем, как сделать «чхи».
Стонут, кашляют больные:
Кха-кха-кха-кха-кха, а-пчхи!

А иные на постелях,
Ежась, с грелками лежат,
Но и с грелками дрожат.
На кроватях, на постелях
Еле дышут – еле-еле,
Еле с жизнью дружат.
Да, иные на постелях,
Ежась, с грелками лежат.

Вот больничная девица
Молодых и резвых лет
И на ней халат надет.
Вот больничная девица
Мчится, мчится по больнице:
– Карпов помер или нет? –
– Помер! – И бежит девица
Молодых и резвых лет.

И на всем на белом свете –
Болей, болей – боже мой!
– Ой, живот схватило, ой!
Лучше б мне не жить на свете,
Чем терпеть все муки эти,
Лучше б нищим быть с сумой! –
Эх, на всем на белом свете –
Болей, болей – боже мой!

Стонут, кашляют больные:
Кха-кха-кха-кха-кха, а-пчхи!
Ах ты, тяжкие грехи!
Стонут бедные больные
И вытягивают выи
Перед тем как сделать «чхи».
Стонут, кашляют больные:
Кха-кха-кха-кха-кха, а-пчхи!

12 февраля 1953

Дежурный

За окном всё гул докучный,
Время длится. Ах, как нудно!
Взаперти сидеть мне скучно,
Взаперти сидеть мне трудно.

Выйти не имею права –
За сиденье деньги платят.
За окном людская лава,
За окном машины катят.

По шоссе с бесстыдным ахом
Мотоциклы мчат. Над крышей,
Конкурент свободным птахам,
Аэроплан летит все выше.

Вот изволь, сиди да слушай
Эти гулы, эти шумы.
Не заткнешь же ватой уши,
А уйти – уйти не думай.

За уход начальство взгреет,
Оштрафует иль что хуже.
Кто дежурный – тот не смеет
Уходить – он службе нужен.

Взаперти сидеть мне трудно,
Но сижу и все скучаю.
Время длится. Ах, как нудно!
Как домой уйти – не знаю!

23 апреля 1953

Москва. Ленинградское шоссе, 19

Ожидющие

Ждут все смерти. В ожиданьи
Деют всякие деянья:
Этот в лавочке торгует,
Этот, крадучись, ворует,
Этот водку пьет в пивной,
Этот любит мордобой.

Этот делает дела
От которых бездна зла.
Этот нравственности учит –
(Попадись ему – замучит.)

Этот чем-то управляет.
Этот что-то получает.
Словно маленькие дети,
Голубей гоняют эти.

За недорогую плату
Этот учится разврату.
Этой нравится фокстрот,
Этой – краской красить рот.

Вот контора: цифры, счета;
Масса всяческой работы...
Смерть без дела скучно ждать –
Надо ж время коротать!

29 апреля 1953

Трезвенник

Как я бросил водку пить –
Веселей мне стало жить:
    Всё мне стало видно,
    Всё хочу я знать.
И пройтиться в сад не стыдно
С девкой Флорой погулять.

Пьяным горе: хочешь то –
Получается не то;
    Всё не то, не это,
    Пасмурна душа;
Память тоже не свежа:
Допиваются до бреда.

Вот теперь гляжу окрест
Этих, тех и прочих мест –
    Очень интересно:
    Интересен быт.
А природа как чудесна!
Ах, какой прелестный вид!

А когда бывал я пьян,
То глупел и дрался рьян:
    Вышиб глаз кому-то;
    На траве лежал
И от холода дрожал...
Было дико, тяжело, смутно.

Ныне стал совсем другим:
Трезвым, четким, не таким;
    Вижу грубость быта,
    Скудный наш барак,
Мат привычный так и так,
Двор, помойками покрытый.

А когда я водку пил –
Я как Васька Сивый был:
    Пил я без закуски...
    Силен пьянства бес:
Я к барачным девкам лез,
Тискал их в проулке узком.

Вот теперь я бросил пить,
Мне приятно стало жить:
    Всё мне стало ясно,
    Всё мне надо знать.
И люблю я в вечер ясный
С Флорой Машкиной гулять.

17 мая 1953

Оптимист и пессимист

(первый вариант)

Памяти Вл. Маяковского

С оглушительным «ура»
Я угробил комара.
    За окном езда и гул,
    Как прискорбно, караул!

Перепелкам «спать пора»,
Лягу спать и я. Ура!
    Ветер ухо мне продул,
    Ой, как больно, караул!

Люк открыт среди двора –
Не попал в него – ура!
    Только б чуть – я б утонул
    В этом люке, караул!

На работу я с утра
Еду в поезде. Ура!
    Я работаю, как мул –
    Не под силу, караул!

Кот за мышью прыг – нора –
Мышь спаслась – ура-ура!
    Вот я только что уснул –
    Разбудили, караул!

Били до смерти вора –
И угробили. Ура!
    На трехногий сел я стул
    И свалился. Караул!

Осень скучная пора,
Ну а мне плевать. Ура!

11–13 июня 1953

Праздник

Лошадиный слышен топ –
Гоп, гоп, гоп, гоп.

Наверху-то-топ-топочут.
Наверху-ха-ха-хохочут.
Топ-гоп, топ-гоп,
Гоп-топ, гоп-топ.

Наверху топочут чётко,
Чётка бойкая чечётка.

Лошадиный слышен топ:
Гоп, гоп, гоп, гоп.
Расходился наш барак –
Так и так, такитак,

Так и эдак, так и эдак...
Слышен хриплый хор соседок;
Мутны пасмурные взоры –
Хор поет «Златые горы»,

Хор поет «Зеленый сад».
После хора пьяный мат.

Если праздник – так уж праздник –
В ригу едет безобразник.

Что-то с лестницы слетело:
Васька смотрит оголтело...
Гоп, гоп, гоп, гоп –
Лошадиный слышен топ,

Наверху топочут чётко –
Чётка бойкая чечётка, –

Так и эдак, так и так...
Расходился наш барак.

2 мая 1953

Средство от туберкулеза

Лают псы и заливаются
В подворотнях по дворам.
И соседи тоже лаются,
Хари выставив из рам.

Над бараками над длинными
Нежно светится луна.
Переулками пустынными
Баба крадется одна.

Смрадом тянет от помойницы,
Что чернеет под луной,
А в барачной тесной горнице
Кровью кашляет больной.

Входит баба: – Вот, поджарила,
Скушай, миленький, мясца.
Уж я жарила да парила
Для здоровья молодца!

– Мать, собаку есть не нравится,
Но беда – туберкулез.
Неужели не поправиться –
И подохну я как пес?

Съел собаку и поправился –
И прошел туберкулез,
И как сукин кот прославился –
И довольный произнес:

– Съел собаку я, поправился –
И прошел туберкулез,
Вкус собаки мне понравился,
Гав-гав-гав, я стал как пес!

Но соседи не пугаются:
– Лаять можем мы не так!
Гав-гав-гав, так разве лаются?
Мать твою! – вот это так!

16–20 июня 1953

Каждому

Будет день – тебя не будет.
И живой тебя забудет.
А земля всё будет та ж:
Всё, что было, будет то же:
Те же выбритые рожи,
Тот же раж.

Будет дождь, туман, ненастье,
Всевозможные несчастья –
Например: жестокий бой.
Будут разные болезни;
Подгулявших будут песни,
Будет мордобой.

И хотя всё это будет,
А тебя, тебя не будет –
Ибо ты умрешь.
Ты пока живешь, ты дышишь,
Всё ты видишь, всё ты слышишь,
Ты еще хорош...

У тебя еще есть сила,
Ты охотишься за милой,
Смачно ешь и смачно пьешь.
И подумать даже дико
О твоём последнем миге:
Ты умрешь!

Нет, тебя, а не другого,
Не живого, не такого
В крематории сожгут.
Может, в землю тебя зароят,
От живых в могиле скроют
И уйдут.

И тебя, тебя не будет,
И живой тебя забудет,
А земля всё будет та ж:
Всё, что было, будет то же:
Те же выбритые рожи,
Тот же раж;

Те же жены, те же девы,
Города, дома, посевы,
Склады, бани, пристаня;
Реки, рощи, перелески,
На орешнике подвески
В блеске дня.

Ты же будешь тлеть в могиле,
В отвратительнейшей гнили –
Этот ты, что жив теперь,
Этот ты, что улыбнулся...
В жизни сей ты обманулся –
Всё похерь!

18–20 июня 1953

Серебряные птицы

Я вижу из своей светлицы
Поля и голубой туман.
Летят серебряные птицы
За аэропланом аэроплан.

Не сосчитать: их мнозе, мнозе,
Их, вероятно, штук с полста.
Их гул торжественен и грозен,
Хоть не одна до них верста.

Куда летят? С какою целью?
Ученье это или что?..
В полете их мне нет веселья –
К чему они? зачем? почто?

Нет, птиц обычных перелеты
Безмерно радуют меня:
Люблю ворон косые взлеты
На склоне золотого дня;

Люблю их стаи, что маячат,
Когда дожди, когда туман...
Аэроплан! – что это значит? –
К чему, зачем аэроплан?

Так! выдумали и летают.
Вот – далеко они видны...
Но для чего? – Никто не знает.
А впрочем, верно для войны.

1 августа 1953

Полная неизвестность

Всё не может кончиться –
Ахнет и капут.
Может, всё утончится,
Станет не как тут,

Будет очень зыбкое
Бытие мое,
Будет звонко-гибкое
Грёза-бытие?

Может, все и кончится –
Ах! – всему капут.
Может, всё и кончится,
Всё – со смертью – тут.

Станет всё как не было:
Ничего вдруг нет.
Станет всё как не было, –
Сгинет жизни след...

Может, жуть и ужасы
Ожидают нас:
Ада жуть и ужасы...
Вот тебе и раз!

Может, мука вечная
Ожидает всех,
Всех, чья жизнь беспечная –
Воплощенный грех?

Ничего не ведомо
Нам – земным рабам.
Ничего не ведомо,
Что случится там.

23 июня 1953

Нищий

*Лучше живому псу,
Чем мертвому льву.*

Библия

Осень вяла и уныла,
Улетают журавли.
Я бедняк убого-хилый –
Нищий, Господи внимли!

Я брожу с своей котомкой.
На горе село Покров.
Клянчит голос мой негромкий:
«Дайте хлебца, дайте кров!»

Где пожертвуют мне корку,
Где копейку подадут;
Позовет иной в коморку;
Где по шее мне дадут.

Все же я зело доволен,
Ибо я живу, брожу;
Ибо бодр я и не болен,
Божью радость нахожу.

Я счастливей, чем богатый
Померший. Иль чем в гробу
Властелин. Брожу патлатый
Средь людей творя мольбу.

Для меня синеют дали,
Для меня растет камыш,
Мне просторы воссияли...
Ну а мертвому что? – шиш!..

1 октября 1953

Укусы

Насекомые и звери
Снабжены в немалой мере
Тем, чем можно укусить.
Не кусаться невозможно –
Этот тяпнет осторожно,
А уж этот рвет безбожно...
Трудно жить!

Жала, зубы и присоски
Остры, выгнуты иль плоски, –
Но зачем?
Что ж, оскал зубов всем ясен –
Он, конечно, не напрасен
И опасен: Вот как съем!

Вот он ест и поедает:
Он другим себя питает...
На дворе собаки лают –
Укусить они желают,
Некто крикнул им: куси!
Ишь, как тяпнули! Мерси!

Вошь кусала и кусает,
Только вошь не изведешь.
На луну скорей слетают,
Иль на Марсе побывают –
На земле же будет вошь.

Кто же мнит себя съедобным?
Слышен крик: «не я, не я!» –
Может, бык? или свинья?
Кто же мнит себя съедобным?

Каждый хочет укусить –
Как тут быть?
С сим вопросом неудобным
Лучше погодить.

14 июля 1953

Жуть

У меня вчера убили мужа.

(Из разговоров в автобусе)

Ах, свирепые есть люди!
В этих людях гибель жути:
В них ютится зверь.
В них таится кровожадность,
Изуверство, злоба, жадность –
Это так, поверь!

Впрочем, все мы жутко грешны,
Ибо в нас весь ад кромешный,
Скопище чертей.
Все мы темно-окаянны.
Все мы смутны и туманны –
Это так, ей-ей!

Это так уже от века. –
Се личина человека
Жутка до зела.
Мы не можем быть покойны,
Потому у нас и войны
И кошмары зла.

Это разве не сатира –
Меч подъяв, ты ищешь мира
И спешешь на бой?..
Да, свирепые есть люди,
В людях этих гибель жути,
Гибель жути, ой!

Впрочем, это всё нормально,
И не надо быть печальным,
Мой любезный друг.
Напугал тебя напрасно,
Ведь и так всем людям ясно,
Что и как вокруг.

20 сентября 1953

Кошки

Дни любви сладки:
Помню, помню вас!
Вместе с ним в палатке
Продавала квас.

Раз пошли с Сережкой,
Да не в добрый час:
Вдруг через дорожку
Кошка. Вот те раз!..

Все пошло на убыль:
Стал Сережка пить.
И казенный рубль
Что ему пропить!

Не мяучьте, кошки,
Тошно и без вас!
Изменил Сережка
И пропил весь квас.

Ну, и я в ответе:
Чуть не села... Брысь!..
Вот вам кошки эти,
Кошек берегись!

13 мая 1954

Деревенские сплетницы

Две сплетницы у тына
Давно торчат – и лгут
Про Комарова – сына,
Который будто тут.

Судачат: «по деревне
Прошёл надьсь старик:
Седой лохматый, древний,
Как у Миколы лик».

– Васильевна старуха
Летала из трубы. –
«Алёнка-молодуха
Охоча до гульбы».

– Матрёна – потаскуха! –
«Семёновна – скупа!»
– Намедни Васька в ухо
Яму. Была гульба!.. –

«К попу приехал внучек».
– К дьяку приехал зять. –
А небеса без тучек,
Теплынь. Вот благодать!

Сирени расцветают
И зеленеет май.
И солнышко сияет –
Земля – весенний рай.

12–13 мая 1954

Петухи

Я на фабрике с утра
И до ночи. Все работа.
Ляжешь – и вставать пора,
Плюс домашняя забота.

Куры-дуры. Петухи
Кукурекают и только...
Эх, дела мои плохи:
Пьет и изменяет Колька.

Мне всё хуже день от дня –
И за что мне мука эта?
Он котует от меня,
А напьется – гаже нету.

Мне бы жить, я молода,
Двадцать мне. Ему же сорок.
Только вся моя беда:
Нет квартиры. Угол – дорог.
И куда уйдешь, куда,
Раз с квартирой осложнение? –
Без квартиры никуда...
Ах ты, Господи, мученье!

Бабка Клавка говорит:
«Зашибает твой-то, Колька;
Красных девушек дарит,
Подарил, гляди, на сколько!
Твой-то, Колька, что пятах:
У сарая щупал Таню.
От яво нетрезвый дух,
Заседал вчерась в шалмане».

Да, дела мои плохи,
Жаль, что вышла я за Кольку...
Надоели петухи:
Кукурекают и только.

25 августа 1954

Жизнь кипит

Прутся, лезут в автобусы,
Залезают в троллейбусы,
Бойко скачут на трамвай:
Задавило, ай-яяй!

В магазины лезут, лезут –
Так иль эдак – всё-тки влезут;
Бойко в очередь встают
Добывать земной уют.

Старики и старушонки
С ликами, как на иконке,
(Хоть приходится кряхтеть) –
Покупают всяку снедь.

Девки смелы и грудасты,
Парни пьяны и мордасты;
Средний возраст лише всех –
Прет и гавкает на всех.

Скопы всякого народа
Напирают на природу –
Губят жизнь и сами мрут –
Эти мрут, другие прут.

Люди строят, люди херят;
Предварительно измерят,
А как поглядишь потом:
Дом торчит – гигантский дом.

Жизнь кипит, идет работа –
И работа и забота...
Развлечение – кино.
Упоение – вино.

1–2 октября 1954

Дошлый народ

Сколько дошлого народа,
Боже мой!
Сколько знающих работу,
Боже мой!

Все всё могут, все всё знают,
Боже мой!
И при этом как бы лают,
Боже мой!

Друг на друга все похожи,
Боже мой! –
Те же брюки и всё то же,
Боже мой!

Все стандартны и безличны,
Боже мой!
Не нарядны, но приличны,
Боже мой!

Все до нудности банальны,
Боже мой!..
Кто быть смеет оригинальным,
Кто он? Ой!

26–28 мая 1954

Рукопись человека, посетившего ад

Как Данте, посетил он ад.
Сему был он не рад иль рад –
    Про это мы не знаем.
    Вот рукопись; читаем:

Бес воровства – он жуткий плут,
Лежит ли вещь – он тут как тут.
    Встречается он часто:
    Проворство лап – и баста.

Бес алкоголя. Этот бес
Теперь и к бабам в сердце влез,
    А мужики напьются –
    В беспамятстве дерутся.

Бес любострастия силён –
Он вечно ласков и влюблен,
    В истоме он томится,
    Мечта его – любиться.

Бес «мата» у людей в чести:
Начнет разэдакий частить
    Похабными словами –
    Скандал, судите сами!

Бес жадности – безмерно скуп –
Он говорит: «не так я глуп,
    На черный день годится».
    И без конца скупится.

Бес каторжный – убийства бес –
Он к людям исстари пролез:
    «Убей» он шепчет тихо –
    И убивает лихо.

Бес злобы яростен и наг,
Он добрым всем от века враг,
    Он в злобе весь кривится
    И злится, злится, злится.

Бес курева – табак принес,
Наделал гибель папирос.
Мужчин и дам прельщает
И жизнь им сокращает.

Бес изуверства – лицемер –
Губитель и родитель вер –
Миллионами он губит,
Зато иных голубит.

Но сколько там еще бесов
Похожих на зубастых псов;
Другие ж словно кошки,
Лишь как у цапли ножки.

Хвосты и лапы, и рога –
Симптомы лютого врага,
Живущего от века
Тут, подле человека.

23 сентября 1954

Ведьма

Ведьмой сделаться не трудно,
Лишь похерить благодать –
Душу дьяволу отдать;
С чертом снюхаться паскудным,
На святое наплевать.

А потом своим соседкам
По бараку отомстить:
Пусть им мерзко будет жить.
Словом чертовским да метким
Бабу с бабою сравнить.

Напустить на граждан порчу –
Это дело в самый раз!
У того болит пусть глаз,
Эту пусть томит да корчит,
А вот той испортить квас.

У барака бабы злятся,
А чертяка как блоха
Тут как тут – и ха-ха-ха...
Бабы злятся, матерятся
И, возможно, будут драться.

Хоть намедни мужа била –
Притворилась ведьма хилой,
Стала жалобно стонать:
«Всё болит, все ноги, руки,
Не могу ступить без муки,
Видно, время помирать!»

Но видали бабы въяве,
Как она на помеле,
На березовой метле
Из трубы махнула даве
И исчезла в полумгле.

15 сентября 1954

Женщина

Я свободная девица,
Разведенная жена.
Мне дома не сидится,
Но есть ли в том вина?

Днем кассирша я в сберкассе:
Деньги, счёты и счета.
А вечером в «танц-плясе», –
Любовь – моя мечта.

Жены мужние, конечно,
Знают мужа сколько хошь.
И я жила беспечно,
Теперь мне невтерпеж.

Но зато люблю я разных:
Подмигну – готов улов.
Пригожих, безобразных
Зову без лишних слов.

Я скромна, но я бесстыдна,
Я распутна, но скромна.
Кому такое видно
Раз я не пью вина?

Утром я опять в сберкассе,
А соседи... наплевать...
Вновь вечером в «танц-плясе»,
Потом с мужчиной спать.

13 сентября 1955

Тритатушка

Я как кошка с кавалером
Тихо прячусь по куткам.
Тритатушка, трам-там-там.
Я как кошка с кавалером
Тихо, эдаким манером.
Ах, как жгуче сладко нам!
Я как кошка с кавалером
Тихо прячусь по куткам.

Дочка спит закрывши очи,
Снятся «буки» да «азы».
Я ж проворней стрекозы.
Зорко смотрят мои очи,
Как крадусь во мраке ночи:
Ведро, лестницы, тазы...
Дочка спит закрывши очи,
Снятся «буки» да «азы».

Кавалеры больно падки
До красавицы такой.
Чувствуют где мёд, где сладко.
Кавалеры больно падки
И идут походкой шаткой.
Раскошеливайся, ой!
Кавалеры больно падки
До красавицы такой.

В ночь двоих я принимаю,
Тритатушка, трам-там-там.
Приходил начальник сам.
Всех, кто платит, принимаю
И в мужских объятях таю
И не знаю: в чем тут срам?
В ночь двоих я принимаю,
Тритатушка, трам-там-там.

Мне завидуют подружки:
Больно, Зойка, ты ловка!
Хватка – ловкая рука.
Мне завидуют подружки:
Абажур, цветы, подушки...
Без мужчин же им тоска.
Мне завидуют подружки:
Больно, Зойка, ты ловка.

Тихо ночью в коридоре,
Тритатушка, трам-там-там –
Где бы это, милый, нам?..
Неудобно в коридоре...
У него огонь во взоре:
«Сколько хошь за это дам!»
Тихо ночью в коридоре,
Тритатушка, трам-там-там.

6 ноября 1955

Земной уют

Уюта нет,

Покоя нет.

А. Блок

Граждане, располагайтесь
Поуютнее вот тут!
Ведь не даром люди прут,
Чтоб создать себе уют.

Граждане, располагайтесь,
Всем уютным запасайтесь,
Заводите то да сё;
Всем полезным занимайтесь –
Всем, наверно, нужно всё.

Нужен дом. Эй, стройте дом!
Комфортабельный притом.
Нужны платья и костюмы,
Нужен даже патефон,
Нестерпимо нужен он!

В головах роятся думы:
Телевизор бы купить,
Без него нет силы жить.
Нужны вещи для уюта,
Для уюта и красы:
На руку надеть часы,
Золотые вставить зубы,
Краскою покрасить губы,
На ноги надеть капрон
И купить себе бостон.

Граждане, располагайтесь
По-хозяйски там и тут!
Эх, хорош земной уют!
Хороши земные вещи:
Керосинки, лампы, клещи.

Надо всё.
Надо всё.
Всё всем надо.
Всё всем надо.
Надо то и надо сё,
До безумия, до мата!

Граждане, располагайтесь.
Умершему нужен гроб:
Жил да был – а смерть вдруг – хлоп!
Эй, гробами запасайтесь,
Вот погост, располагайтесь.
Может быть, и вправду тут
Обретете вы уют?..

Но, увы! – кладбищ нехватка –
Ликвидирован погост:
На кладбище, ан, помост –
Танцевальная площадка,
И идет на ней присядка...

Ну, а это что за хвост? –
Это хлебная палатка!

11 августа 1955

Человек

Он к земле привязан очень,
К сожаленью, он не прочен:
Жизни срок сугубо мал:
Тело – тленный материал.

Был он млад, ходил в гимназию,
Но какое безобразие:
Возмужал он быстро. Ах,
Он почуял смерти страх.

Среди тленных, среди бранных,
Среди всех от века пленных –
Прожил скромно краткий век
Сей смиренный человек.

Вот и старость наступила.
Ах, как выглядит он хило!
Облысел он, стал он сив –
В общем стал он некрасив.

Он поэт. Душа, как прежде,
В ослепительной надежде
И мечта как звёздная твердь –
И ему нелепа смерть.

Оценил он жизни краски
И любовь, и женщин ласки,
И природы красоту,
И поэзии лепоту.

Неужели смерть! О боже!
Как нелепо! Это что же:
Жить да быть и вдруг каюк
После нестерпимых мук?

Для чего же он родился?
Или мир земной лишь снился?
Или жизнь нелепый бред
И не существует свет?

Он к земле привязан очень.
К сожаленью, он непрочен:
Что-то трахнет – и капут –
Словно он и не жил тут.

Ничего не знают люди.
Как зверьё родятся в блюде,
Размножаются, живут,
А потом – готово – мрут.

5 октября 1955

Враги

Как он нищ и как он наг
Бо лишен житейских благ.
А иные, разжирев,
От жиров рассвирепев,
Гонят, гонят нищий люд:
Пусть помрут, пусть помрут!

Эх, он с детства наг и сир,
А имущим – вечно пир:
То ему, и то, и то.
Ну и жирен же зато!
Всё и вся себе забрав
Он на нищих: гав-гав-гав!

Жмутся нищие, дрожат,
Каждой коркой дорожат;
Нищета – куда не кинь –
Похоронят – и аминь!
Помирать? зачем и как? –
И пугается бедняк.

Как он нищ и как он наг,
Весь комфорт его – барак;
Корки хлеба нет порой –
Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!
Он без места! – Стал копать –
Силы нет!.. Что ж, пропадать?

Думал думал – наконец
Взял дреколье молодец –
Хоть он нищ и хоть он наг –
Он отнимет уйму благ,
Он дрекольем размахнет,
На имущих он пойдет.

Гикнет он: ура, вперед –
И попрет, и попрет,
Стащит с трона он царей
И угробит богачей –
Станет сам богат и рьян –
Сыт и пьян, сыт и пьян.

22–23 января 1956

Парфильевна

Знают все Парфильевну,
Знаю всех и я.
Бабушка Парфильевна
Всем знакомая.

По чужим по комнатам
Бегаю и всё.
То я здесь, а то я там –
Вот и знаю всё.

Бу-бу-бу – гудит мой глас –
Бу-бу-бу-бу-бу.
Вам про них, а им про вас:
Бу-бу-бу-бу-бу.

Я старушка бедная,
Гонят все меня:
Говорят, что вредная.
Гонят все меня.

В коридор из горницы
Выставили спать.
Около помойницы
С месяц пришлось спать.

Но я шибко грамотна –
Подала донос.
Вызвали их. Грамотна –
Чуть чего – донос.

Свою сына младшего
С жёнкой развела.
Ноне баба падшая –
Вот и развела.

От внучат уехала
И живу одна.
Говорят я брехаю –
Пусть! Живу одна.

В церковь хожу к бабушке
Ближих поминать.
А болящей бабушке
Книжечки читать.

Знают все Парфильвену,
Знаю всех и я.
Бабушка Парфильевна
Всем знакомая.

27 февраля 1956

Ребенок

Вот и кончилась любовь,
Вот и здравствуйте: ребенок! –
Сашка – голос его звонок.
Вот и кончилась любовь,
Не бурлит младая кровь –
Мне совсем не до пеленок.
Вот и кончилась любовь,
Вот и здравствуйте – ребенок!

Ухажер большой подлец:
Оказалось – он женатый
(Он женился на богатой).
Ухажер большой подлец –
Ну и ловок молодец –
Обманул меня треклятый.
Ухажер большой подлец:
Оказалось, он женатый.

У него детей, детей –
Подзаборников до черта.
Некрасив, рябая морда.
У него детей, детей –
Моментально, без затей –
Зародит и ходит гордо.
У него детей, детей –
Подзаборников до черта.

Хоть бы глянул на маво
На младенца. Вот зараза! –
Ловок: взял и бросил сразу.
Хоть бы глянул на маво...
Не заманишь ведь его,
Не зайдет подлец ни разу.
Хоть бы глянул на маво
На младенца. Вот зараза!

Впрочем, что мне – наплевать!
Губы краской я накрашу,
Брови тушью разукрашу,
Мне, конечно, наплевать –
Буду с прочими гулять...
Отнесу я в ясли Сашу...
Бросил – черт с ним, наплевать,
Губы краской я накрашу.

Ах, еще я молода!..
Ну, конечно: есть ребенок...
Впрочем мне не до пеленок.
Ах, еще я молода!..
Есть ребенок – не беда –
Сашка – голос его звонок...
Ах, еще я молода!..
В яслях будет мой ребенок.

3 сентября 1956

Осенью за поллитровкой

Эх ты, осень! Снятся сны
Все крошечные такие.
Да и мысли так грустны.
А дожди идут какие!

Эка слякоть! Развезло:
Мокры крыши, мокры куры...
И опять не повезло:
Не летят ко мне амуры.

Вот у Витьки (хоть бы взять)
Нет отбоя от бабенций.
Я ему! (такая мать!) –
И Тamarку тискал в сенцах...

Да, не любит! Всё одно!
Что я ей! Ей Витька слаже.
Вот и пью в грустях вино,
Уж такое дело наше.

И осенняя пора
Навевает грусть и скуку...
Дождик с самого утра...
Изобью Тamarку, суку!

Да и Витьке в рыло дам...
Эх вы, алые цветочки...
Напился. Не знаю сам
Как? Натрескался – и точка!

26–29 октября 1955

Ужас

Изнасиловали трое,
Задушили и ушли...
Небо было голубое,
Облака в просторах шли.

Зеленел орешник. Четко
Стукал дятел. Щелкал дрозд.
Веток легкая решетка
Взвилась ввысь, как легкий мост.

Млела зелень. Суетились
Муравьи. Шуршала мышь.
Птички пели – и струились
Голоса их, руша тишь.

Золотые солнца пятна
Трепетали на листьях.
Соловей защелкал внятно
В розовеющих кустах...

Платье было голубое,
Закрывал лицо платок...
Пробирались к станции трое.
Сиплый слышался гудок.

30 декабря 1956

Именины

Приглашен на именины
Он однажды другом был.
В окна виделись домины,
Самолет по небу плыл.

Пили водку, пили пиво,
Заводили патефон.
Под фокстроты, некрасиво
Танцевали все. И он.

Танцевали, танцевали:
Трыки-брыки, там-там-там.
Заводили и играли.
Заводил хозяин сам.

Звуки бухали, скрипели
И гнусавили притом.
А в антрактах пили, ели
И напились все потом.

Некто лез к какой-то даме,
Так как был любитель дам.
Гость с восточными усами
Яро крикнул: в морду дам!

Кольку мучила икота,
Юрка растянувшись спал,
Игорь сел под стол. А кто-то
Ехал в ригу и блевал.

Люди гикали и ржали,
Ахал, ухал патефон;
Дамы приторно визжали...
Танцевали все. И он.

Танцевали долго, вяло,
Шаркали почти без сил.
А кому казалось мало –
Тот остатки чьи-то пил.

Лиличка, сев на колени,
Голову на грудь клоня,
Крикнула в огне хотений:
Иванов, бери меня!..

В окна виделись домины.
Рявкал, тьявкал патефон.
Это были именины,
Где, как все, был пьян и он.

3-4 марта 1957

Рассказ нищенки

Проживаем на квартире –
Нас пригожих семь девиц.
И в квартире пять светлиц,
И счастливей нет нас в мире.

Не узнать меня вам, Раю,
Как в вагонах я собираю:
Кофта грязна, юбка дрань,
Вся одежда в общем рвань.

Карпыч нас содержит старый,
Любит деньги старичок;
С бороденкой, весь поджарый,
Ловкий, цепкий, как крючок.

С ним играть трудненько в прятки,
Не скупится он на взятки.
Коль отправимся в поход –
Обеспечен нам проход.

Глупых в поезде не мало,
Бормочу им что попало,
Ручку грязную тяну:
Подавайте, дескать, ну!

В воскресенье – кавалеры,
С ними мы идем в кино.
Угощают выше меры:
Пьем и пиво, и вино.

Карпыч, хоть живет без женки,
Да с любой девицей спит.
Он себе скопил деньжонки,
Да и нам деньгу копит.

Одевает нас богато
В разноцветные наряды.
За мной с некоторых пор
Приударил Игорь – вор.

Эх, живем мы на квартире
(С нами Карпыч), – семь девиц.
А в квартире – пять светлиц.
И счастливей нет нас в мире.

14–15 ноября 1957

Земной уют
1940 – 1978

Девочка

Как тебя мне жалко:
Ты тонка, как палка,
Тонки ноги, руки.

А твои подруги
Толсты и упруги.

Шейка тонка очень.
Тусклый взгляд порочен.

У тебя подруги
Пышны и упруги,
Смелы и нахальны.

Смотришь ты печально,
Под глазами круги,
Как былинки руки,
Талья тонка-тонка.

А подруги звонко
Весело смеются.

К тебе тайно жмутся
Во дворе, в бараке
Юноши во мраке...
Ты слаба до муки...

А твои подруги
Пялят свои груди:
Поглядите, люди!

Голос твой не звонок,
Стан и слаб, и тонок,

Ты тонка, как палка,
И тебя мне жалко.

16 мая 1957

Черт

Это на руку – не верят,
Что я есть.
С удовольствием меня херят,
Вообще в меня не верят,
Что я есть.

Верить в черта – предрассудок,
Вот и всё.
Замутил я им рассудок:
Дескать вера предрассудок,
Вот и всё.

Я нашептываю в ухо:
Делай грех!
Хохочу, держась за брюхо,
И нашептываю в ухо:
Делай грех!

Но в меня, в меня не верят,
Ха-ха-ха!
Просто херят, просто херят,
И не верят, и не верят,
Ха-ха-ха!

29 января 1958

Классификация убийства

Классифицируем убийства.

Вот этих можно, тех нельзя.
Клопы и мухи – не убийство.

Младенца в материнском чреве
Режь – это не убийство.

Рожденного убить нельзя –
За это суд, кошмар – убийство.

Вот на войне убить – почет –
Герой! – и орден за убийство.

Убийство с целью ограбления –
Вот настоящее убийство!

Убийца пойман – и ему
Грозит законное убийство.

Быка зарезать? – сколько хочешь –
Вполне нормальное убийство...

Как эластична для людей
Классификация убийства –

Убей пожалуйста, но знай
Классификацию убийства.

1963

Рыбак

Груб рыбак – он смотрит дико,
Ходит нехотя в развалку.
Если гикнет – жуть от гика.
Любит девку он нахалку.

Растопырив пальцы ловит
Рыб, еще живых, из сети.
И ему не прекословит
Бабий пол. И даже дети.

Исподлобья девка глянет –
Рыбаку плевать на это –
В море ухнет, сеть потянет –
И вот так идет все лето.

А как выпьет – матерится
И икает, как из бочки.
Может также ухитриться
Спеть про алые цветочки.

Девка льнет к нему отменно,
Еженощно спит с ним в лодке...
Море ж бурно, море ж пенно
И в нем плавают селёдки.

23 мая 1968

Убийца

Я учился в университете –
И теперь вот я известный врач.
Зарождаются у женщин дети –
И для них я, вроде бы, палач.

Я убийца: делаю аборты,
Умерщвляю крохотных детей.
Церемониться?! – Какого черта! –
Вырезаю сотни, без затей.

Наблюдит какой-нибудь паскуда –
Ну, а мне – старайся, убивай!
Ликвидирую последствия блуда...
Умертвить? – пожалуйста! давай!

На моей душе младенцев тыща –
Я любого живо порешу. –
Специалист! Ну где такого сыщешь!
Ведь для вас я, граждане, грешу.

Впрочем, есть конечно прибыль тоже.
Кто бесплатно станет убивать?..
Мне-то что?.. А женщины вот что же?
Зародившая – ведь это мать!

24 мая 1968

Старшина

Есть ли Бог? – мне неизвестно –
(Так сказал мне старшина) –
Воевали повсеместно,
Да, была тогда война.

И командовал я ротой,
Слегка ранен в ногу был.
А врагов, пожалуй, сотню
Самолично загубил.

Пленным некуда деваться,
Их с собой не поведу:
Их поставлю я штук двадцать –
Пулеметом проведу.

Всё в порядке, всё готово,
Без особенных хлопот.
И идем, и бьем их снова...
Орден я имею: вот!

Воевали повсеместно...
Да, была тогда война...
Есть ли Бог? – мне неизвестно...
(Так сказал мне старшина.)

1970

Тело и душа

Но ты мне душу предлагаешь –

На кой мне черт душа твоя.

Шиллер

Известно: тело. А душа? –
Душа не стоит ни шиша.

Вот тело: есть на что взглянуть –
И в теле человечья суть.

Вот девушка: как хороша!
Легка, нарядна и свежа.

И тело оной – сущий смак,
И обладать им хочет всяк.

А вот душа ее... Душа? –
Душа не стоит ни шиша.

Душа ее весьма мелка,
От идеала далека.

Вот парень: истый жеребец,
Здоров, силен – блеск! молодец!

И в меру тих и в меру лих,
Завидный, говорят, жених.

Но есть ли у него душа? –
Душа не стоит ни шиша.

Ищи ее – найдешь ли там?
В душе он просто плут и хам.

А вот старик: он слаб и хил,
Но женщинам он очень мил.

Он мил не телом, не душой,
А скопленной большой мошной.

А есть ли у него душа? –
Душа не стоит ни шиша...

А если нищ старик? – ай-ай! –
Скорее в гроб его толкай.

Он в тягость всем, его – куда?
Туда его – туда, туда!

А есть ли у него душа? –
Она не стоит ни шиша.

Его же тело – сущий хлам.
Так вот: ему уж лучше там.

1970

Раздумье

От смерти – только смерти жду.

Князь Вяземский

Жизнь как бред – да – это ясно –
Жизнь как бред.
Кто мы, что? – Живем напрасно
Или нет?

Сгинем, минем после смерти –
И шабаш...
Или дико гикнут черти:
А, ты наш!

А, попался, кончил бремя
Бытия,
Исчерпал земное время
Жития.

Что ж – положены страдания –
Новый бред:
Слышишь дьяволов стенанья
Или нет?

Или нам за наши муки,
За сей бред,
Прозвучат благие звуки,
Глянет свет?

Если ждет нас всех могила,
Все мы прах –
Для чего ж земное было,
Онный страх?

Неизвестность одолела:
Что се «жить»?..
Уничтожиться б всецело –
И не быть.

Пусть все будет, будет, будет,
Как всегда.
Пусть тебя живой забудет
Навсегда;

Пусть все будет: лес и поле,
Города...
А тебя не будет боле
Никогда.

И нигде ты не возникнешь
В безднах лет –
Уничтожишься, поникнешь –
Тебя нет.

Есмь и будет Бог Вселенной,
Вечный Бог.
Ты же сникнешь тенью брэнной
В энный срок.

23–24 мая 1973

Любители жить

Все миряне любят жить,
Вкусно есть и водку пить,
А гульнув, желают драться
И с женой совокупляться.

Для мирян иные люди
Сочинили много жути:
Голод, холод, смертный бой,
Тяжкий труд и труд любой.

Но миряне любят жить,
Вкусно есть и водку пить;
Кроют матом – словно лают –
Их напасти не смущают.

У мирян азарт лихой:
Бабы прыгают блохой,
А уродские старухи
Обсуждают все прорухи:

Судят этих, судят тех,
Не боясь, что это грех.
А потом бредут молиться
К церкви, продолжая злиться.

Мирянин, как помирает –
На кладбище отправляют,
На поминках водку пьют –
И дерутся, и поют.

Вообще лафа мирянам
Разухабистым и рьяным:
Хорошо им водку пить, –
Хорошо мирянам жить!

10 июня 1973

Половая любовь

Любовь половая
Свободна теперь,
Его ты вот любишь –
Так прочих похерь.

Когда ж надоест он –
Найдется другой –
Он будет, конечно,
Совсем не такой.

Другой надоест –
Кобелей до черта. –
Любовь половая
Легка, как мечта.

А можно зараз
Иметь двух или трех.
Покажется мало –
Тогда четырех.

А лучше, кто только
Приглянется ей...
Любовь половая
Свободна, ей-ей.

21 июня 1973

Осень

Лето, видимо, устало,
Порыжели деревья, –
Осень рыжая настала,
Тусклой выглядит трава.

Вот дожди. А дни короче.
Ветр визжит в трубе печной.
Чёрны и унылы ночи.
Тенью бродит домовой.

Домового скука гложет,
Истомился он в тенях.
Он хозяев не тревожит,
Он в мечте о прежних днях:

Ему грезятся былые
Люди, те, что жили тут...
Все прошло! – Теперь иные,
Но и эти все помрут.

А изба пока все та же –
Та же печь, оконце, стол;
Богатырь – картинка – ражий –
Тот же. И дощатый пол.

На полати лезут девки
И уются в полумгле.
Слышны тихие запевки
В избяной дремучей мгле.

Ночь. Уснули в полумраке.
Осень. Темень. Ветра вой.
Лают – где-то там – собаки.
Тенью бродит домовой.

14 августа 1978

Покойник

Покойника приятно видеть –
Он отстрадал, и вот он прах –
Ему не надо ненавидеть
И чувствовать тоску и страх.

Не надо уж ему бороться,
Испытывать земную боль.
Он никогда не улыбнется
На остроумья злую соль.

Он не погонится за блатом
Плотских и материальных благ.
Весь он окутан черным мраком.
Не страшны друг ему и враг.

Прельщаться похотью земною
Его не будет больше плоть.
Покойник, преданный покою,
Еще он не распался хоть,

Но проступает уже тленье –
Да, отжил он – его сожгут.
Ты слышишь роковое пенье? –
Поют живые – там и тут.

И каждый думает сторожко:
И я помру, и я помру –
Осталось жить, поди, немножко
Ему – поникшему нутру.

Живые в крематорий тоже
Меня потащут, как его...
Он ненавидит эти рожи
И сам не знает отчего.

Покойника ж приятно видеть –
Он отстрадал, и вот он прах –
Ему не надо ненавидеть
И чувствовать тоску и страх.

16 августа 1978

Смерть поэта

Я плакал пьяными слезами,
Прощаясь с грешным бытием.
Сей прах – для всех, судите сами, –
Мы смерть как благо воспоем.

Смерть – избавление от плоти.
О, смерть, мучительная хоть,
Живет в разумном, в идиоте,
Благословен лишь Он – Господь.

Что мы? – мы тлен земных видений –
Мы дышим, грешные рабы,
Мы полны происков, сомнений
И изнурительной борьбы.

Господь в величьи недоступном
От века вечен и незрим –
Се нам рабам Его преступным
Века веков непостижим.

Но с древних пор рабы и мрази
Открывши рот поют хвалы,
Скорбят о тленном безобразии
И воют из туманной мглы.

И дьявол тоже щерит пасти
И тянет в черный мрак рабов
К иным страданьям и напастям,
Готовя ужасы оков.

Но милостив Господь от века –
Молитесь, грешные, Ему.
Он пожалеет человека
И отвратит слепую тьму...

Сей прах – для всех, судите сами,
Мы смерть как благо воспоем...
Я плакал пьяными слезами,
Прощаясь с грешным бытием.

30 августа 1978

СОНЕТЫ

1940 – 1971

Труба

Два человека небольшого роста,
Окончив пьянку, ругань и гульбу,
Неторопливо строили трубу.
И труб таких они сложили до ста.

И это им казалось очень просто.
За мастерство благодаря судьбу,
Дымя цыгаркой морщили губу,
И на руках у них была короста.

Но как гигант росла труба. И вот –
Огромная, кирпичная, немая,
Она стояла корпус заслоняя.

Она торчала, паясь в небосвод,
Как чудище уродское нелепа.
И словно перст – она грозила в небо.

1940

Нищие

Прошкандыбала старая старуха
С корявою скрипучею клюкой.
За ней костыль, завязанное ухо,
Спина горбом, спина и грудь доской.

За ними целая беда проруха:
Кто кривобок, кто скрючился дугой;
Иной смердит, иной пузырит брюхо –
Все клянчат, тянутся, томят тоской. –

И руки тянут, пальцы разжимая,
И шамкают, и стонут, и сопят,
И суют маленьких, в тряпье, ребят.

Лавиной прут на белый праздник мая –
Из грязных нор они ползут на свет,
Неся богатым черный ужас бед.

1940

Восставшие

С глухих окраин, от темных смрадных свалок,
Где переулки сумрачны, как ночь, –
Шли, шли и шли. Вопили: «Руки прочь!»
И шаг их был тяжеловесно-валок.

Булыжника, стекла, дреколя, палок
Заготавливали им и мать и дочь,
Чтобы в борьбе, в бою не изнемочь,
Чтобы порыв их не был вял и жалок.

Чтоб зарычав на кровного врага,
Восставшие, как некий зверь стокий,
Отмстили б мрачно, жутко и жестоко.

Чтоб под подковой злого сапога
В кровавой гуще кости захрустели...
Чтоб умереть, но чтоб добиться цели.

1940

Самосуд

На площади толпы большое тело
Все золотилось в солнечных лучах;
Оно то сумрачно и зло гудело,
То ухало: ух-ах! ух-ах! ух-ах!

Росла толпа и медленно пьянела;
В нутре ее царил злорадный страх, –
Там – тело жулика окровенело:
Его лупили, трахали: трах! трах!

И он поник... И хлынули в проулки
И улки, убегая, сотни ног,
Всё ускоряя свой неровный скок.

В проулке, улке топы были гулки –
И топая скрывался в норы зверь
И замыкал свою плотнее дверь.

1940

Соседка

Нам встреча предназначена судьбой:
Я – жертва, ты – палач, из тьмы глядящий.
Теперь в соседстве мы живем с тобой,
С тобой – ужасной, тяжелой и разящей.

С отчаяньем, с мучительной мольбой,
Испуганный, трепещущий, скорбящий –
Я, как и все, представлен на убой
Тебе, за жизнь неотвратимо мстящей.

Так точно кролик, где лежит удав,
Свое большое тело полусжав,
Испуганно на чудище косится.

Он ждет. Он слушает. И близок час,
Когда змея откроет зоркий глаз,
Когда паскудный гад заворочится.

1940

Старый двор

Двор. Нор не счесть. Кривится высь.
Косится старость. Богадельня.
Кошачий «мяв» и крики «брысь» –
И пенье няни «колыбельной».

Жильцы давно подобрались –
Народ всё вольный и бездельный.
И глазки у нее зажглись
Любовью молодости хмельной.

Шарманка (Верди – «Трубадур») –
Глазеют мальчики. Не писан
Закон для дураков и дур:

Пылят, ругаются. Маркиз он –
(Потрепан, правда, пьет.) – Она
Видна у крайнего окна.

1940

ЗЛАЯ ЖИЗНЬ

Венок сонетов (1943)

Юрию Васильеву

1

Жизнь притаилась там и тут,
В вертепах, комнатах, коморках.
Там что-то шепчут, что-то врут
И что-то прячут втихомолку.

Иной и зол, и груб, и плут,
Но прячется за черной шторкой.
Другой считает бег минут
И давится последней коркой.

Кто что-то ищет впопыхах,
Иного обнимает страх
И он тревожится стенам.

Иной горазд вопить «ура»...
И так проходит до утра
Жизнь искаженная и злая.

2

Жизнь искаженная и злая –
Теперь ты мне ясна, ясна.
Вся радость трепетного мая,
Вся упоенная Весна –

Померкли. О, Весна былая!
О, как ты, злая жизнь, грустна!
И я Весну припоминаю,
Как отдаленный призрак сна.

Вот настоящее – земное!
И я другой, и всё иное...
И мой закат багрово-руд.

Гляжу и вижу: всё так жалко:
И хлещет кнут, и лупит палка...
Из-за ворот посмотрит плут.

3

Из-за ворот посмотрит плут,
И взвизгнет девка у забора:
Ее похабно обоймут,
Поволокут – отпустят скоро.

Вот нищий – скряга – он согнут –
Он спрятал грош в гнилую нору –
Его богатство не найдут,
Умрет он в пасмурную пору.

За пазухой разбойный нож –
(Таких в быту не мало рож) –
Он прячется за сруб сарая;

Он ждет, его скрывает мгла...
Он кинется из-за угла...
Но кто-то шмыгнет в двери, лая.

4

Да, кто-то шмыгнет в двери, лая,
Как лает пес из-под ворот.
Потом у притолки, рыдая,
Поймет, что смерть: раскроет рот

И яд медлительно глотая
Погибнет. Богомерзкий род
Себя потешит, услаждая:
Поминки, тризна. Пей, живот!

Попы с большими клобуками
Затопчут память каблуками...
Иль в крематории сожгут?

Родился ты веленьем Рока –
И жди положенного срока:
Тащи на шее смертный жгут.

5

Иной тащит на шее жгут...
Ему предсказано от века:
Его казнят. Да, кат уж тут...
Прочна ли жизнь у человека?

И всё здесь бренно: все помрут
От силы протянув полвека...
Объяты смерти не солгут:
Умрет здоровый и калека.

Все превратится в смертный прах,
Всех отуманит черный страх,
Никто не верит в радость Рая.

Могильный плен – земной уют...
Но все у жизни счастье рвут
Когтями землю разрывая.

6

Когтями землю разрывая
И строя вавилонский прах,
Метутся, злобно уповая
Создать извечное в веках.

Кичась, кривясь, смеясь, играя,
Гоня притворно смерти страх –
Вся эта пагубная стая
Ползет облипшая в грехах.

Там – небоскребы, тут – машины
И электричество, и шины...
(Чего не выдумает плут!)

Иным диктует что-то мода,
Иным чужда уже природа,
Иные чье-то тело рвут.

7

Иные чье-то тело рвут...
В программе: скудость, голод, холод,
Болезни! От болезней мрут...
Рычат машины, глушит молот.

Вот лозунг: «Непосильный труд».
И все равно – он стар иль молод –
Его нудят, его зовут –
И он идет тоской уколот.

Он роет земь, он строит град,
Но нет за то ему наград,
И он трудится изнывая.

Под грозной яростью труда
Иные думают: беда!
Иные мечутся, вызывая.

8

Иные мечутся, взывая,
Но никнет сей усталый крик.
Не просто смерть – умри страдая,
Будь ты хоть молод, хоть старик.

Себя от пут освобождая
Иди скорее напрямик –
Коса ее сверкнет блистая,
Из тьмы ее возникнет лик.

Она положит там, на скатах,
В долинах – бедных и богатых;
И тех, кто соткан из грехов;

И тех, кто тщетно «правды» ищет –
И будет скудно их жилище
Среди заборов, лопухов.

9

Среди заборов, лопухов,
Среди и будней, и докуки,
Зелёной плесени и мхов –
Жизнь залегла, как символ муки.

– Я не могу жить без духов!
– Я крашу ногти – так, от скуки!
– Не понимаю я стихов!
– Мне нравятся в полоску брюки!

– Картоха ноне дорога,
Паси картоху – во находка! –
– Мне Митька злей, ей-ей, врага!

– Мила пивнушка мне и водка! –
Но там, среди людских «верхов» –
Там кто-то спрятался, пухов.

10

Вдруг кто-то спрятался, пухов:
Он мягок, ласков, деликатен:
– Ку-ку, тю-тю – сей Пауков... –
Но Пауков весьма развратен.

.....
.....
.....
.....

Комфорт. И с рук омыта кровь.
Цветы, наряды и любовь...
На окнах спущенные шторы.

Изнежен, но остер, хитер.
И прячется, как истый вор,
Как заяц от зубастой своры.

11

Как заяц от зубастой своры
Скрывается в большом снегу –
Так прячутся ночные воры
Боясь, что их устерегут.

Ночь. Жуть. Огни. Движенья скоры:
– Постереги, брат! – Стерегу! –
Но ходят чуткие дозоры
На том, на этом берегу.

Так! Есть «законные» воришки:
Кассирши, продавцы. Как мышки –
Скребут, скребут без долгих слов.

Есть крупные: воры-вельможи –
И проживают эти рожи
Там – в коробах больших домов.

12

А в коробах больших домов
Таятся тати разной масти –
Блюстители таких основ,
Чтоб не избегнуть ихней пасти.

Бедняк имеет тяжкий ков:
Его преследуют напасти...
Да, этот мир совсем не нов
И жить в сём мире мало сласти!

Убийца, вор и мародер,
Разбойник на большой дороге
И прочи тати многи, многи –

С издавних существуют пор.
И каждый некий из воров
Находит логово и кров.

13

Находят логово и кров...
Но тяжко, жутко быть без крова –
Беда, беда! – проглотит ров
И сытый поглядит сурово.

На протяжении веков
Влачится нищий снова, снова
Под свист распутных кулаков
Ища убежища и крова.

Костыль, горбатая спина,
Спина доской, пустое брюхо;
Вот язва гнойная видна,

А вот завязанное ухо...
Но уготовили им норы
Вампиры, изверги и воры.

14

Вампиры, изверги и воры;
 Убожество; жестокий труд...
 Судьбы извечны приговоры –
 Кто избежит житейских пут?

Пожары, глады, хлады, моры
 То там то тут, то там то тут –
 Нет ни покоя, ни опоры:
 Клонись, под тяжестью согнут!

Жизнь притаилась... То убого
 Она глядит, то зло, то строго:
 Сегодня бьют, а завтра мрут...

Тревожно! Жутко! Одиноко!
 Живи и дожидайся срока...
 Жизнь притаилась здесь и тут.

15

Жизнь притаилась там и тут,
 Но искаженная и злая.
 Из-за ворот посмотрит плут
 И кто-то шмыгнет в двери, лая.

Иной тащит на шее жгут,
 Когтями землю разрывая;
 Иные чье-то тело рвут;
 Иные мечутся, взывая.

Среди заборов, лопухов
 Вдруг кто-то спрячется, пухов,
 Как заяц от зубастой своры.

А в коробах больших домов
 Находят логово и кров
 Вампиры, изверги и воры.

*

Припоминаю осень
Далеких прошлых лет:
Сквозила златом просень,
Сверкал осенний свет.

Теперь не то: несносен
Моторов гул. Уж нет
Той тишины средь сосен,
Что так любил поэт.

Иным окрест все стало:
Приволья стало мало;
Гудит и вышина.

Шоссе. Автомобили.
Столбы. Потоки пыли...
О, где ты, тишина!

14 октября 1951

Нравоучительный сонет

Ты не куришь – всем известно.
Знаю: падох ты до баб –
Потому что волей слаб.
Только слабым быть не лестно.

Ах, не слаб?! – Тогда чудесно!
Не тяни к бабенциям лап,
Как безвольный темный раб –
Ну их к черту, ну их к бесу!

Жизнь и так не велика,
Жить и так совсем не скучно:
Сочиняй сонеты звучно.

А природа! а река!
А весна, зима и лето –
Это что ж, не для поэта?

3 января 1952

В старой провинции

Злющий лай лихих собак,
Тявканье из подворотен;
Покосившийся кабак
Крив, но все-таки дороден.

Сенька – слободской дурак.
Богадельня – сонм уродин...
Ночь, сирени, вешний мрак,
Лик луны – (он с лилией сходен).

Серебристая скамья:
На скамье она и я.
(Я приказчик из лабаза.)

Ах, любовь! – она сладка.
Ах!.. – в моей ее рука...
От любви – увы – нет лазу!

23 марта 1952

Убийство любовницы

Я ее во время оно полюбил,
Я ее во время оно обнимал;
Только муж ее за это погубил.
Только муж ее, ярьась, тогда имал.

Нет, словам ее он не внимал:
Он ее нещадно излупил;
А потом как ухнет – и убил –
И убивши без вести пропал...

Хоронили, помнится, ее
На несчастье горькое мое,
На печаль мою бездомную.

Опустили, помнится, ее
На несчастье горькое мое
Во сырую землю темную.

13 апреля 1952

Сонет

Лето кончилось. Зима
Из-за осени крадется.
Тем, кому удел сума,
Зябнуть, господи, придется.

Ах, зима – она нема.
Эх, зима – зимой всяк жметя:
Мраз заходит и в дома;
Скрип полозьев раздается.

Каждый смертный ждет весну,
Видит сон, уйдя ко сну:
Будто с яркими цветами

Пробирается тропами
С юга нежная весна,
Лучезарна и ясна.

2 октября 1952

Покой

*О покое я мечтаю –
Лишь покойнику покой.*

Генрих Сапгир

Ах как я хочу покоя,
Но не вечного, конечно –
Ибо я люблю земное,
Ибо жить хотел бы вечно.

Жить, увы, нельзя беспечно –
Смертный ужас беспокоит:
Жизнь мгновенна, скоротечна
И все прочее такое.

Но и в жизни этой тоже
Многое порой не гоже:
У иного нет и норки.

Вот толкись среди народа,
А народ, как на урода,
Направляет взор свой зоркий.

2 марта 1953

Часы

Минутка за минуткой,
Глядишь, прошел и час.
Глядишь, иссякли сутки
Вдруг на глазах у нас.

Плывут по морю утки.
Поет на даче бас.
На серо-желтой будке
Размашистое: квас.

Была ты днесь резвушкой,
А ныне ходишь с клюшкой
И нет былой красы.

Да, стала ты старушкой!..
Забавная игрушка:
Какие-то часы!

1945-1953

Старость

Хоть смерть в виду,

А все же надо жить.

А. Фет

Плоть хиреет с каждым годом,
С каждым днем и с каждым часом.
Был красавцем – стал уродом
С красным носом, с хриплым басом.

То ходил свободным ходом,
Торговал в палатке квасом,
Бойко лаялся с народом,
На свиданья бегал часом... –

А теперь? – теперь – ... эх, старость! –
Маломощность и поджарость;
Слабость сердца; задыханья:

То болит – и то, и это –
День иной – не взвидишь света...
Ну и дожил! Наказанье!

17 января 1954

*

Заглядывал в окошки
Понурый человек:
Мне б нежности немножко,
Маленько б сладких нег! –

Увы, увы – ни крошки
Нет счастья мне весь век! –
Дрались на крышах кошки,
Был март и таял снег.

Коты, коты – (поди ты!) –
Любовью были сыты –
Им нравилась любовь.

Крича от дикой страсти
В позывах сладострастья,
Царапалися в кровь.

24 января 1954

В изо-студии

Вот следы былой культуры:
Бюсты, торсы разные.
Это – фавны праздные,
Это, кажется, амурсы.

Это, может быть, лемуры –
(Очень безобразные!)
Это – (дело ясное!) –
Троглодит... (Какой он хмурый!)

И срисовывают эти
Бюсты, торсы разные,
Лики несуразные –

Дети школ. Простые дети.
Пыжутся, стараются,
Сходства добиваются.

21–27 февраля 1954

Зимица

Всё зима, зима, зимица,
Всё мороз, мороз – он яр!
Спит в берлоге медведице,
Из берлоги валит пар.

Застилает земь снежице.
На суку ворона: каар!
Жутки зимние ночищи,
Черт возьми, какой кошмар!

Для чего зиме нас маять?
Эх, скорей бы стало таять,
Всем зима зело грустна.

Людям радостна природа
И хорошая погода,
Людям радостна весна.

1 марта 1954

Сонет-триолет

Что поэзия нам – забава –
Так себе – ни то, ни сё –
Написал стихи – и всё!
Что поэзия нам – забава!
Что нам деньги, что нам слава,
Раз помрем – на что сиё?
Нам поэзия забава –
Так себе – ни то, ни сё!

Вот беда, что мы недужны,
А стихи не больно нужны –
Так себе: стихи – хи-хи!
Раз мы тленны, раз мы бренны –
Лучше быть рабом смиренным
И замаливать грехи.

27 февраля 1954

Решительная девица

Вот и март – кошачий месяц –
Я приветствую его...
Только милый мой: того...
Впрочем, март кошачий месяц.

Кошки любят запах лестниц,
Я же милого сваво...
Вот и март – кошачий месяц –
Я приветствую его.

Милый мой – он нормировщик,
А, возможно, копировщик –
Очень он хорош собой.

Я в Китай поеду скоро –
У меня такой уж норов –
И его возьму с собой.

1 марта 1954

Старка

Я хоть молод – пью я «старку»,
Чтоб состариться скорей.
Очень вкусная, ей-ей!
С наслаждением пью я «старку».

«Старка» эта лучшей марки.
Выпив – прусь к Маруське, к ней:
Дескать молод, а пью «старку»,
Поцелуй меня скорей!

Но Маруська ускользает,
Как ехидная змея...
Тьфу! Пойду в пивнушку я...

Черт с ней! Пусть весь мир узнает:
«Старка» энта – хороша –
От нее горит душа.

12 марта 1954

*

Будь готов к великому страданию,
Ждет тебя великая беда.
Не помогут горькие рыдания,
Не вернуть былого никогда.

Сникла жизнь – благие упования.
Так от века водится всегда.
Мимолетны грёзы и желанья,
Не уйти от муки никуда.

Очередь идет весьма поспешно...
Вот хоронит грешный тех же грешных,
А посмотришь – новые растут.

На земле сей некие маячат
И под джазы пагубные скачут,
Но глядишь – и им пришел капут.

17 марта 1971

СТИХИ
РАЗНЫХ ЛЕТ
1943 – 1978

Из прошлого

Рыба вкусная тарань.
Бочки. Пристань. Паруса.
Босяки – известно – рвань...
Но синеют небеса,
Но белеют паруса,
Лодки нежуются в водах –
Красота какая – ах!

Эх, привольно на реке!
Пароход невдалеке,
А на пристани народ
Хочет сесть на пароход.

Прибыл, прибыл, прибыл груз!
Оборванцы, по местам!
Эй, гляди! Лови арбуз!
Эй, гляди! Клади вон там.

Босяки – известно – рвань,
А уж выпьют – чудеса:
Тут тебе и колбаса,
Рыба вкусная тарань.

Паруса-то, паруса!
Легок тихий ветерок.
Пароход пустил парок.
Пароход гудит. Отплыл.

Волга. Воля. Чаек взлет.
На припеке серый ил.
Волосатый кто-то прет,
Волосатый кто-то – тот,
Что веригами гремел,
Что пришел из-за холма.

У него печаль-тоска.
У него костыль-клюка.
Вот уперся и запел.
Люд притихнул, присмирел.

Голубые небеса,
Пристань, бочки, паруса;
На припеке серый ил;
Чаек, чаек белизна!
Пароход давно отплыл.

Песня прошлого грозна:
«Покарает Темный Спас,
Покидает в бездны вас,
Помрачит седую земь,
Наведет на грады немь...
Горе, горе! – видит Бог». –

Старец грозен, старец строг:
Он веригами гремит,
Он пугает, он томит;
Темен, страшен, бородат,
На груди железный крест.
Бородат и волосат.

Он и сам тому не рад,
Что пришел из-за холма,
Что пришел из дальних мест.
У него висит сума
И звенит железный крест.

Рыба вкусная тарань.
Бочки. Пристань. Паруса.
На окошечке герань,
А поодаль аналой.

Спас косит свои глаза.
Риза вышита иглой, –
Той работа. Красотой
Удивляла всех она –
Всех, кому была видна
Из косящата окна.

У косящата окна
Вышивала. А сирень
Лиловела. А сирень

Серебрилась. А сирень –
Навевала тень сирень.

Ходят, ходят, ходят день.
Ходят, ходят, ходят два.
Ходят, ходят, ходят три.

Теремок. Садок. Сирень.
Сквозь сирень видны едва –
Хошь смотри, хошь не смотри.

Вечерок весенний ал.
Зал в трактире очень мал
И наполнен людом зал.
Вальс Егорыч заиграл.

Ал весенний вечерок.
Клим ступил через порог:
– Ох, с баранками чаёк!
Получай, брат, на чаёк!..

Рыба вкусная тарань...
Спят во мраке паруса...
Босяки – известно – рвань...

Меркнут, меркнут небеса...
А в сиренях, меж ветвей,
Чудо! – свищет соловей.

8 декабря 1943

Ночь

Кривилась витрина.
Мигал светофор.
В нарядной гостиной
Китайский фарфор.

На черном заводе
И скрежет, и визг.
Горел в небосводе
Крутящийся диск.

За серой тоннелью
Журчала вода.
По рельсам гремели
Во тьме поезда.

Сидели. Курили.
Лупили. Ушли.
Убили. Зарыли.
Таскали кули.

Пьянели у стойки
И жрали салат.
Чесался на койке
Спросонья солдат.

1945

Хулителю

Веселая обитель,
Наивные цветы.
О, жизни сей хулитель,
Зачем так мрачен ты?

Тебя всего покрыла
Сеть серых паутин.
Тебе кивают рыла
Из тьмы болотных тин.

Ты в непристойность веришь
И в суеверный бред.
И всё ты херишь, херишь,
Но счастья тебе нет.

Скупа твоя программа
И горек твой устав:
Везде барьер да рама,
И ты живешь устав.

Во всем ты видишь пакость,
Везде ты слышишь лай...
Хулитель, жизни благодать
Для сердца возжелай.

1946

К людям

Люди, вот мои стихотворенья –
Это объективные творенья –
Пользуйтесь, учите наизусть –
Пусть они послужат благу, пусть.

Я писал их вдохновляясь бытом –
Посему не должен быть забытым –
Ибо быт не должен быть забыт,
Так как с жизнью он сугубо слит.

Я писал стихи о вас, о, люди! –
В них оттенки счастья и жути –
В них и радость, и любовь, и грусть...
Пусть они послужат благу – пусть!

1948

Живущим

Ты зачат был во тьме, случайно –
И вот тебе открылось чудо:
Земля неожиданная, вся тайна,
Явилась дивом ниоткуда.

Но снова в ночь уйти придется.
Расстаться с бытием ужасно!
Зачем родился? И сдается,
Что это было все напрасно.

Не разрешит твое сознание
Проблему «вечного покоя».
Ну что ж, пусть бред нам мирозданье –
Раз родился – живи не ноя.

Да и на самом деле: надо ль,
Живя, томиться смертной мукой –
То представлять себя как падаля,
То жалко выть убогой сукой?

Не лучше ль до конца бодриться
И хорохориться, как черти?
И даже, может быть, побриться
Зачем-то, накануне смерти.

26 февраля 1950

Лазоревый цветок

Блаженства райского глоток
За праведность награда.
Растет Лазоревый цветок –
Нездешняя отрада.

Растет цветок волшебно свеж
Лазоревый и странный.
Глаголют: Господи, утешь
Землей обетованной!

Сияет лучезарный рай
Стоцветным огнецветом.
Непостижимый веет май
Несказанным приветом.

Поднялись древние гробы
От края и до края:
Идут смиренные рабы
Вкушать блаженства рая...

А мне за похоть и гульбу
С гармошкой у барака –
Что мне, постылому рабу,
Какие будут блага?

22 марта 1950

Золотое руно

Оскар Рабину

Изнурил себя паскудным табаком,
Отравил себя, на сердце тяжкий ком.

Вот куренье-то, куренье-то оно!
Вот он и табак с названием «Руно».

Золотое, золотое то руно,
Пахнет смаками сугубыми оно.

От него смертельно-сладкий веет дух,
Как от женщины, чьи волосы как пух.

Да пришло мне разлюбезное на ум:
На Петровке продается «табакум».

Нет, не гоже от морилки погибать –
Стал его я регулярно принимать.

А все тянет, тянет, тянет закурить,
«Табакумом» страсти этой не отбить.

Отравился я навечно табаком –
Вновь курю – на сердце ж тяжкий ком.

1950

Серенада

Вот мой плащ и вот гитара,
Шляпа стоит 100 рублей;
Плащ (о, чудище кошмара!) –
Ты-ся-чу!! – (хоть околеи!)

Вот я франт теперь отменный –
Ах, роскошный туалет! –
Стиль изящный, вид надменный,
Я наряден, как поэт.

Но кому ж спеть серенаду
Про карман свой, что свистит?
С милой нет без денег сладу –
Матом нехотя честит.

Выйти б мне на поединок –
Так – в плаще – за милых дам.
Эх, снесу свой плащ на рынок,
Шляпу тоже я продам.

14 апреля 1952

*

Человек жесток в быту –
Он животных трупы жрет,
Он убить таит мечту,
Трупы с жадностью жует.

На войне людей он крошит
Без войны де он не может
И нахально лицемерит
Будто злое все он херит.

12–19–22 апреля 1952

Зимка

Всё бело и светло,
А мороз красит нос,
Хоть сам бел словно мел.

Ночь. Луна. Даль видна
Далеко. Высоко
Лунный лик – солнца блик.

Иней свеж. Зимка, нежь
Золотой красотой,
Яко сказ, грешных нас!

5 января 1952

Ненастье

Ветер взвыл – и воет, воет
Окаянствуя в полях.
Хлещет дождь, просторы моет,
Жутко, Господи, ах, ах!

Бесприютным как ужасно
Мокнуть в мокрых пиджаках,
Между тем как ветер властно
С ног сбивает... ахахах!

Хорошо тем, кто в берлогах,
Кто в берлогах да в норах
Приютился, слава Богу...
Для бродячих – жуть и страх.

Хлещет дождь, просторы моет,
Темень в тяжких облаках...
Ветер воет, воет, воет
Окаянствуя в полях.

6 июля 1952

На этюдах

Памяти П.И. Петровичева

Природа – чудо-юдо,
Как синий бархат тень.
Художник на этюды
Уехал в летний день.

Этюдник и палитра.
Этюд зацвел красой.
Под кустиком поллитра
И булка с колбасой.

25 июля 1952

Лето

Зелень ивы, плеск волны.
Пахнет летом и сосной.
Выплыл к иве Водяной.
Зелень ивы, плеск волны.
Теплым летом все вольны,
И блаженствует иной –
Слыша нежный плеск волны,
Он ложится под сосной.

1952

Огурцы

Поспевают огурцы
Яркие, зеленые.
Ходят-бродят молодцы
В девушек влюбленные.

Там где церковь, где лабаз
Купца Ларионова –
Женский визг и буйный пляс
Молодца влюбленного.

Поспевают огурцы
Солнышком согретые.
В огороды молодцы
Прут гурьбой несметною.

А за тыном слободы
Шири необъятные:
Русь Святая – это ты
Сердцу столь приятная!

Веет запахом полей,
Амбрами медовыми...
– Эй, стучите веселей
Сапогами новыми!

26 июля 1952

*

Всё заборы, заборы
И шоссе, и дома...
Смерть, вишь, ходит дозором
Холодна и нема.

И до вас доберется,
И до нас заодно...
А вот пьяный дерется
Бо ему все равно.

15–28 мая 1952

*

Генриху Сапгиру

В вине немало жути,
Хоть выпив и поют.
Лежат в канавах люди
И мерзостно блюют.

А бес-то – бес хохочет,
Хохочет сатана.
Хохочет и хлопочет
Еще подлить вина.

И напоив морозит,
Толкает под трамвай,
Зачем-то в Икшу возит,
Дает по шее. Ай!!

21 ноября 1952

Критика

В поэзии уместна ложь,
Уместны в ней мечты и грёзы,
Любовь и сладостные слезы...
Но к вам в стихи прокралась вошь,
Прокралась пьянка, поллитровка,
Пролез бандит, за ним воровка.

Какой разврат! Какой позор!
Какая ухарская поза!
Какая будничная проза!
Где ж девушки прелестный взор?
Где ж роза, соловей поющий?.. –
Так говорил мне критик злющий.

14–16 декабря 1952

*

Милый друг, о ангел неземной,
Как мне сладко, милая, с тобой!

Я люблю тебя, мой милый друг!
Без тебя я полон горьких мук!

Слышишь в роще пенье соловья?
Соловей и роза – ты и я...

Жар любви течет в моей крови...
Вот такая лексика любви!

6 сентября 1954

Лимон

Благородный плод лимон.
Желт, красив и кисел он.
От лимона аромат,
Из лимона лимонад
Делать очень ты искусен.
Чай с лимоном очень вкусен.

23 февраля 1954

Пасха

Пруд растаял, снегу масса,
Скушал пасхи, выпил квасу,
Зяблики поют...
Вот земной уют!

В старину, бывало, с звоном –
(Гул идет под небосклоном)
Пасха. – А теперь? –
Древнее похерь! –

Гул моторов, гик железный...
Всё мгновенно, бесполезно...
Зяблики поют...
Вот земной уют!

Трахнет смерть – и нету грезы...
На земле растут березы.
Господи, прости!
Не благовести –

Всё равно – пройдет всё, Боже...
Вот и нет тебя... и что же?..
Зяблики поют...
Вот земной уют!

25 апреля, 13 мая 1954

Радуга

Малиновый, красный, оранжевый, желтый,
Зеленый и сине-лиловый.

Вот радуги яркость звучащая звонко
С какой-то волшебностью новой.

И сердце любитесь, словно впервые,
И видит небесные краски.

И кажется снятся нездешняго мира
Нездешние тайные ласки.

И снится далекое светлое счастье
И так оно радостно-ново:

Малиновый, красный, оранжевый, желтый,
Зеленый и сине-лиловый.

Быть может когда-то там жили, там были
В стране трепетания цвета –

И в радужном блеске звенели просторы
Безмерного света и лета.

И радуга в сердце, и радуга в духе
И радуга в небе. И снова

Малиновый, красный, оранжевый, желтый,
Зеленый и сине-лиловый.

28 июля 1956

Автоматы

Еще поллитра, хрипы, «маты»,
Еще бараки, нищета.
Но в мир вступили автоматы:
Их сеть огромна и густа.
Автоматически проста
И чётка их идет работа.

Вот горница – она пуста –
(Кому какая тут забота?) –
Автоматически включен
Огромный комбинат завода,
Автоматически учтен
Весь день, весь год, все достиженья.
Вот автомат – все может он.

Растут повсюду насажденья
Автоматических станков.
К чему народа размноженье? –
Народ властитель был веков,
Он размножался своевольно...
Явился автомат: довольно!
Теперь властитель он земной...

И содрогнется мир невольно:
Автоматически слепой
Раздастся жуткий взрыв... И сгинут
Миллионы. Автоматов вой
Застынет в небе. В небо кинут
Они потоки смерти. Прах!
Так вот он жребий! Кем он вынут:
Кромешный ужас, смертный страх?!

11 декабря 1957

Голос смерти

Смертные созданы,
С вами наказанье.
Очень вы капризны,
Прямо до комизма.

Не хотите помирать –
Жить хотите и страдать.
Вот когда я разозлюсь,
То до вас я доберусь.

Я устрою вам войну,
На врага взвалю вину,
Пошлю землю защищать,
Чтоб в земле вас погребать.

Ноябрь 1957

Аборт

Ах, ты сделала аборт?
Ты убила дочку, сына?
Черт попутал? Будто, черт? –
Ты ли, черт ли – всё едино.

Ты в себе убила плод...
Что? врачи? – Ну да, конечно...
Ни один ни зверь, ни скот
Не был столь бесчеловечным.

Ты живешь – и трын-трава:
Чисто моешь ручки мыльцем;
В завитушках голова...
На тебе ж печать: убийца.

1959

О стихах

Объяснять стихи не надо –
Все равно там, что и как,
Все понятно в них и так.
Объяснять стихи не надо –
Было б только сердце радо,
Да развеялся бы мрак.
Объяснять стихи не надо –
Все равно там, что и как.

1962

Лекарственные стихи

Папа Верин, анальгин,
Стрептоцид, папаверин,
Калий бромистый, салол,
Борная и димедрол.

Аконитум, пантокрин,
Йодум, ледум, карантин,
Вирапин, апизартрон
Белис-перум, аспирин.

Папа Верин, анальгин,
Кали, нитроглицерин,
Фаликор, калапилут,
Ношпа, гошпа и капут.

9 января 1970

Белая церковь

Злое начало. Зло. Замкнут круг.
Чего им мало? Беда грядёт...
Милая, милая, милый мой друг –
Ангел Господень тебя найдет.

Лужи весенние. Снег исчез.
Небо сияет. Церковь бела.
Там, где черно – там черный лес.
Горе наплыло. Погибель зла.

Но помоги мне Господи! – Страх
Душу томит. А со мною Ты.
Я окаянный овял, очаях
В поисках Светлой Твоей Лепоты.

30 марта 1971 Москва

*

Вы нас поработить хотели,
Но мы Господнии рабы.
И в нашем изнуренном теле
Оплот и скорби, и мольбы.

Мы преисполнились терпенья
И дух наш неземному рад...
Вы ж всплыли темным сновиденьем
И лживость ваша – смертный яд.

10 апреля 1971

Жуткая тишина

Пойдешь туда, сюда ли глянешь –
И думать напряженно станешь,
Как бы проснувшись ото сна:
Была она... а где ж она? –
Там никого, там тишина.

Я выпил водки рано-рано.
В ушах шумит, в уме туманно...
Слабеет жизни тусклый свет...
Я понимаю: ее нет...

9 июля 1971

Комната

Ее нет. Всё так, как было.
Вот та комната, в которой
Много лет она жила.

Вот в углу осталась шубка
С меховым воротником...

Там – убогая могила.
Там кладбище. Там она...

Вот та комната, в которой
Одиноко плачу я...

Шум в ушах... да, это старость...
Там кладбище. Там она.

16 июля 1971

*

Выл осенний ветер,
Выл да завывал.
Завывал, как будто –
Плакал и взывал.

И деревья гнулись,
Падали листья...
Я сидел у печки...
Ну а где же ты?

3 сентября 1971

Смертные

Каждый смертный
Убивает.
Каждый смертный
Бьет врагов.
Каждый смертный
Смертных губит.
Каждый смертный
Сам помрет.

Июнь 1973

*

Все любят наслаждения,
А оные в обрез.
Сугубы вожделения
И их смакует бес.

Зато угрюмой пагубы
Несметное число.
Но мы бодримся – якобы
Нам в жизни повезло.

Покуда мы не свалимся,
Не отлетит душа –
Мы беспардонно хвалимся,
Бахвалимся – и ша.

31 июля 1973

БЕЛЫЕ СТИХИ

Посвящается Леве

1

За окнами сирень –
И любовался я.

Добралась до нее
Паскудная из баб.

И оборвав сирень
Кикимора ушла.

И мой растерян взгляд:
Сирени не видать.

1 мая

2

Я голодал 17 лет,
Ядох буквально с голодухи.

Кругом свирепая война
Неистова была и жутка.

А вот сегодня глада нет,
Но подошла к порогу старость.

Пусть продается в лавках хлеб,
Но жизнь моя теперь очахла.

2 мая

3

Боли в теле надоели,
Опротивели зело.

Я страдаю ежедневно,
Мазью мажу спину я.

И порой едва хожу я,
А в ушах обычный шум.

Впрочем, я болел и раньше,
Даже в младости своей.

3 мая

4

Не вторгайся никуда
И не при, как сукин сын.

Много в мире есть людей
И для всех придет беда.

Жизнь твоя, как миг один –
Стало быть, будь очень тих.

Будь смиренен, так как ты
Краху жизни обречен.

4 мая

5

Знаю: ты отменно ражий –
Прешь туда и прешь сюда.

А беда к тебе придет
Хоть слывешь ты подхалимом.

Много делаешь вреда
Ежедневно ты соседям.

Но на страже грозный Рок –
Он тебя, как тлю, похерит.

5 мая

6

Ты наглец – первый сорт,
Горлопан к тому же ты.

И орешь бесстыдно ты,
Материшься ежечасно.

Груб с женой и груб с детьми.
Экий же ты, право, хваткий!

Первосортный ты наглец,
Гикаешь на всех и всюду.

6 мая

7

Вот весна глядит в окошко
И черемушка цветет.

И сирень уж расцветает,
Но болит моя спина.

Мажу я апизартроном
Спину, а она болит.

За мои грехи – напасти,
Господи, послал ты мне.

7 мая

8

Все мы бренны и сугубы
И сугубо всё зверьё.

Червяки, клопы и мыши,
И миряне – бренны все.

Всем всё слепо, неизвестно
Что и как и почему.

В темноте весь мир, но люди
Знают тайну: есть Господь.

8 мая

9

Я спросил у пса: Что знаешь?
Он ответил: Гав-гав-гав!

У кота спросил я тоже –
Он ответил: Мяу-мяу!

На своем наречьи тайном
Отвечало мне зверьё.

Мирянин ответил внятно:
«Мать твою» – и отошел.

9 мая

10

Я гляжу на лилею –
Сколько в ней красоты!

Ах, кукует кукушка
И поет соловей!

Солнце нежное греет
Миллиарды веков...

Или времени нету
И материя бред?

10 мая

11

Он сугубый фанатик
Убежден черт-те в чем.

И готов он прирезать
Тех, кто мыслит иначе.

Ах, он столько зарезал –
Проповедник он «блага».

Он паршивый фанатик,
Очень вредный и злой.

11 мая

12

Вот майские стихи мои.
Прошу – их напечатай, Лева.

И запятые в них расставь
По усмотренью своему.

Пожалуйста! И приезжай –
Ты у меня бываешь редко.

Ах, у меня болит спина,
Хотя окрест весна и радость.

1973 12 мая

МЯСО

*

Мы из мяса, мы мясные,
Как собаки и коты,
Как быки, как куры, гуси,
Как простые червяки.

Мясо – мясо ест охотно –
Вкусно мясу мясо есть.
Облимант питаться мясом
Людам, свиньям и зверью.

*

Человечье мясо бренно,
Как всех мясо вообще.
Но потомству остается
Сотворенное людьми.

Вот на площади колонна,
Вот тоннели, вот дома;
Крематорий, галерея –
И чего тут только нет.

*

Материализм всех учит
Премудрости своей –
Душа есть функция мяса
И больше ничего.

Истлеет ваше мясо
И всё. А где ж душа?..
На площади колонна
Осталась и торчит.

*

Друзья, лечите мясо,
Оно вот заболело.
Поправить мясо ваше
Врачи мясные могут.

Они дадут лекарства,
В больницу вас положат –
И, смотришь, ваше мясо
Возьмется за работу.

Октябрь–декабрь 1973

*

По радио стихи читали
Однообразные зело.
Поэты сами выступали
Хваля прогресс и хая зло.

Одни стандартно и ретиво
Кричали родине виват,
Другие хныкали плаксиво,
Иной посвистывал как хват.

От сих стихов убого-нудных
Ни радости, ни блага нет,
Бо из стандартных рамок скудных
Не вышел ни один поэт.

18–19 октября 1973

Кара

Любовь плотская грех сугубый.
Ее позыв слепой и грубый:
Она как кара, как недуг,
Она таит обилье мук.

Недаром блуд вершится тайно,
Скрывается необычайно,
И всяк кто это совершит
Потайно знает, что грешит.

Как кара, как позор, как низость
Страшна двух тел раздетых близость.
Соитье их – звериный блуд
Таит в сознании горечь смут,

Ничтожество и униженье,
Духовности униженье...
Любовь – как кара, как недуг,
Она таит обилье мук.

6 ноября 1973

Окно

Сидела у открытого окна.
Отец и мать уехали на дачу.
14 ей лет. И похоть
Ее томила нестерпимо часто.

Увидела мужчину. Побежала.
Догнала. Привела к себе домой
И блуду предалась неудержимо...
Когда ушел, забылась в полусне.

Она рассказывала мне: «С тех пор
Я разным отдаюсь, когда мне надо»...
Была она добра, чиста душою
И что-то было ласковое в ней.

4 ноября 1973

Дьяволица

Ночь из недр земных глядится,
Тайно шарит где-то зло.
Мне приснилась дьяволица
Сладострастная зело.

Мне ее сугубый дьявол,
Как ребенка, хотел дать.
Я в догадках неких плавал:
Взять ее или не взять?

Дьяволица удивилась,
Как узнать ее я смог?
Я молчал. Мне вдруг открылась
Дивья тайна... С нами Бог!

27 ноября 1973

*

Все кончено навеки между нами –
Она давно уже развращена.
Пусть прошлое плывет слепыми снами,
Пусть мне чужой останется она.

На зов ее не отзовусь я боле,
На зов ее письма не напишу.
Довольно мне сугубой тайной боли,
В мечте о ней уж я не согрешу.

И что она? – Она познала разных,
И отдавалась разным сволочам.
Распущенным и несуразно праздным...
Зря я скорбел и плакал по ночам.

26 декабря 1973

*

Любовь все дни была со мной,
Душа нездешнего искала.
Я грезы не искал иной –
Любовь всегда меня ласкала.

И среди бед унылых дней
Мечтая, уходил я к раю.
И грезил я всегда о ней
Безмерных ласк ее желая.

27 апреля 1974

*

Опять зазеленела ель,
Растаял снег, земля ожила.
Опять в лицо дохнул апрель
Очаровательно и мило.

Ну что ж, еще одна весна!
А сколько вёсен уже было...
Проснись ли от земного сна? –
Проснись... Но эта мысль уныла.

1974

*

Твое тело плотью пахло,
Я дышал тобой всю ночь.
Жаром женских излучений
Исцелил свою я плоть.

Мне наутро легче стало,
Хворь моя как бы прошла.
Я вздохнул уже живее
И домой к себе ушел.

И пока я шел, встречались
Люди. Видел я дома
И сады, и тротуары,
И туманный серый пруд.

1974

*

Земля живет. Микробы и бациллы,
Собаки, кошки, блохи и клопы,
Медузы, рыбы, тли и человеки,
Растения, цветы, деревья, мхи –
Все дышит, все живое, все живет.

Кто ползает, кто бегают, кто лазит,
Летает, плавает, не двигаясь растет –
Но дышит жизнью и живет, живет.

Всяк чувствует, что он вершина мира –
Ведь это он, а все иное – так.
Всевышний Бог от века жизнь всю видит
И, может быть, – все для него равны.

12 сентября 1974

*

Дохнула земля лихоедством,
Повисла угрюмая муть.
Я вышел навстречу злодействам
На темные будни взглянуть.

С искусством земного поэта,
Звериный учуявши страх –
И все зафиксировал это
В своих оголенных стихах.

18–20 сентября 1974

*

Я за всех отмолился, о Боже!
И звериный мне видится лик:
Богомерзкие жуткие рожи
Стерегут мой таинственный миг.

Прокрадутся – и сгинут куда-то...
Поглядят – и уйдут в полумрак...
Пошептавшись о чем-то проклято,
Прихоронится аспидный враг.

1 декабря 1974

*

Ночь. На плитку я поставил
Чайник. Буду пить я чай.
Спят соседи, спят собаки.
Жизнь, притихнув, не слышна.

Спать не хочется нисколько.
Да! – бессонница. Зима...
Ночь. Вскипел на плитке чайник.
Выпью чаю в тишине.

Где-то, где-то спит Альбина,
Три Ирины тоже спят.
Ночь. Зима. В больнице Таня
Спит наверно. Я не сплю...

10 декабря 1974

✱

Никого ничем не удивишь.

Народное изречение

Всё мы знаем, всё мы ведаем.
Чем нас можно удивить?
Вот возьмем да пообедаем
И с азартом станем жить.

Знаем мы о нашей бренности:
Умер этот, помер тот.
О своей мы знаем тленности:
Мол, придет и наш черед.

Когда холодно – нам холодно,
Когда жарко – жарко нам.
В дни войны вопим от голода...
Всё известно там – там – там...

22–23 февраля 1975

✱

Я старался уклониться
От соблазна женских тел...
Мне иная доля снится:
Тайный радостный удел.

Там блаженно видят очи,
Там дыханье Божьих благ,
Там – всё день, там нету ночи.
Каждый там красив и наг.

Чары дьявола сугубы;
Сладострастье в оном есть:
Я целую ее губы. –
Это дьявольская месть.

17 июня 1975

Две девушки

Рая и Ада,
Ада и Рая.
Ада из ада,
Рая из рая.

Адская Ада.
Райская Рая.
Аду не надо,
Раю желаю.

Ада из ада.
Рая из рая.
С Раей услада,
Аду же хаю.

25 апреля 1976

*

Много извела лиха я,
Страстно мужчину любя...
Была ты тихая-тихая –
Я полюбила тебя.

Стала ты близкая-близкая –
И вот ты стала моя...
Спаленка тихая, низкая –
И успокоилась я...

28 апреля 1976

*

Нищета и убогость,
И бездомность – беда!
У людей жутка строгость,
Куда деться, куда?

Куда спрятаться, скрыться,
Где укрыться от бед?
Где и как приютиться?..
Ничего тебе нет...

Вот кладбище, могилы –
Там зарыли – там прах...
Ах, я жалкий, я хилый –
И во мне тайный страх.

16 ноября 1976

*

А я к себе никого не пускаю.

Игорь Холин

Надо всех бояться,
Надо всех страшиться –
Могут насмеяться,
Могут ухитриться
Погубить. – И баста! –
Се бывает часто.

Принесут отраву,
Донесут начальству...
Не препятствуй нраву
Ихнему. Нахальство
В них таится часто –
Слопают и баста.

26 декабря 1976 Москва

*

Какие тяжкие дома,
Какие нудные квартиры:
В них кухни, ванны и сортиры.
Какие нудные дома –
Они угрюмы, как тюрьма.
Поэту в них уж не до лиры.
Какие тяжкие дома,
Какие нудные квартиры.

10 января 1977

*

Будь осторожен – не касайся
Сугубо плотских женских тел.
Прикосновений опасайся,
Будь с ними сдержан и несмел.

Пусть плоть ее не привлекает
Твои бессильные мечты.
Чужая плоть тебя измает –
И сникнешь, обескрылен, ты.

20 февраля 1977

Пропажа Бальмонта

Пропал Бальмонт – любимый мой поэт.
А он лежал, я знаю, на рояле.
Увы, увы, Бальмонта книжки нет...
Ужели черти оную украли?

Кто взял ее, кто книжку утаил? –
Я совершенно этого не знаю.
Бальмонт всегда мне был особо мил,
Он нужен мне, его я вспоминаю.

Пропал Бальмонт! О, солнечный поэт!
Я без него осиротел в печали.
Увы, увы – Бальмонта книжки нет.
А ведь она лежала на рояле.

5 марта 1977

Девушка в брюках

Ты мне в глаза глядела
И что-то ты хотела...
Но я ретировался,
Ушел, не попрощался,
В карманы спрятав руки...
Противны были брюки.

28 марта 1977

БЕЛЫЕ СТИХИ

*

Я люблю писать хореем
Белые стихи люблю
Я люблю писать понятно
Для себя и для других

«Прибежали в избу дети
Второпях зовут отца» –
Вот хорей – он гениален –
Его Пушкин написал

*

Кекс противный, кекс невкусный
В магазине я купил.
Ипекают же такое
Да еще и продают!

Наплевать! Займусь стихами.
Полюбился мне хорей.
Он давно мне полюбился –
Первый стих мой был хорей.

Все поэты им писали
Пятистопный же хорей
Написал я, сочиняя
Первые свои стихи.

Но люблю четырехстопный
Также очень я хорей –
Он звучит оптимистично
И прозрачно и легко.

*

Будни жизни надоели,
Опротивели они
Эти жуткие домины
Все насыщены людьми

И по этому проспекту
Прет, и прет, и прет народ,
И гремят автомашины
Те туда, а те сюда

Мне в моей квартире душно
Хоть и тихо в ней. И я
Все рисую бесконечно
Иной раз стихи пишу

Одиночество сугубо
Не с кем слово мне сказать
А на этом на проспекте
И домины, и толпа

*

Жизнь я зорко наблюдаю
По натуре все пишу
Выдумка мне неприятна
Фальшь я тоже не терплю

Жизнь дает свои мне темы
Смачно подаю мирян,
Откровенность многих женщин
Интересна для меня

Всё с природы, по натуре,
Без природы никуда.
Выдумка мне неприятна
И противна очень фальшь

*

С детства я любил искусства –
Рисование и стихи
Любил музыку я страстно
Но науки чужды мне.

К ним влечения не имею
Вот искусства я люблю.
Не могу жить без искусства
Без рисунков и стихов.

Все искусства мне приятны
Всех времен и всех эпох.
Красота нужна в искусстве.
А науки чужды мне.

*

Героизм в искусствах жалок
Ибо всяк герой – злодей.
Эротизм в искусстве сладок –
В эротизме красота.

Все геройские доспехи –
Танки, бомбы и штыки
И геройские убийства –
Это все один шантаж.

А цветы, деревья, травы,
Сладострастные тела –
Так приятны: так красивы
И в искусстве... да и так

*

Да, певец я нищеты
И голодных и холодных:
Умирающих старух,
Обездоленных, убогих.

Я и сам от глададох,
Я и сам от хлада никнул...
Господи, услышь меня,
Помоги рабам несчастным!

*

И Анненский и Пастернак
Писали смутно и сумбурно
Но что-то есть и в их стихах,
Хотя они малопонятны.

Поэты эти не для нас,
Хоть были модны одно время.
Жизнь коротка. И вот поэт
Хотелось бы чтоб был понятен.

Писать сумбурно может всяк
И Щапова да и Лимонов.
Бери перо и напиши –
Недаром ты писать учился.

Вот Пушкин, Лермонтов и Фет,
И Тютчев... Как они прекрасны!
Они нашли сугубый ритм
И ритмику. И смысл, конечно

*

Нам бы каяться в грехах,
Да ведь дьявол всюду шнырит...
Впрочем, каждый, кто живет
Может дьявола обставить.

Дьяволы теперь – того –
Предприимчивость их сникла
Человеки! – вот они
Стали все передовые!

Если надо убивать –
Атомные бомбы в силе.
– Миллиарды перебьем –
Гордо говорят герои.

Чёрт на мелкие грешки
Поднимается: аборт, у
Драки, блуд... Опередил
Человек нечистых этих.

*

Про любовь писать умели
Все поэты с древних лет,
Но теперь у нас в России
Больше пишут про войну.

Эта тема хоть не нова
Но воинственна она.
Убивать или быть убитым –
Это... Это героизм!

1977

Черный шар

Где вы, жившие когда-то
На сем шару, на сей земле?
Миллиарды миллиардов жизней
Давно истлело и ушло.

Но вновь с упорством неизменным
Родятся новые, чтоб жить
И вместе с черною планетой
Лететь неведомо куда.

Летят убийцы, кровопийцы,
А также изверги летят.
Сей шар летит, неся с собою
Всю эту живность на себе.

Летят микробы и бактерии,
И человеки, и скоты,
Летят врачи, искусствоведы,
Ученые и мужики.

Летят бухгалтеры, и девки
Гулящие, и разный сброд.
Летят моря и океаны,
И горы на шару летят.

И небоскребы, и избушки.
И пьяницы с землей летят,
И сифилитики, конечно,
Летят неведомо куда.

Летят живьем – не понимая,
Куда летят, зачем летят?
Живая плоть летит на шаре,
И прах на шаре сем летит.

Зачем, куда летит планета,
Не знает вошь, не знает клоп.
Ученый этого не знает –
Никто не знает ни черта.

А шар летит, неся с собою
Живую плоть и мертвый прах...
Летит, летит, летит куда-то
Огромный жуткий черный шар.

23 июля 1977 Москва

*

Под окном корова долго мочится
У куста горланят петухи.
Расставаться с жизнью мне не хочется
Хоть на сердце тайные грехи.

Господи! – за смертью неизвестное,
Господи! а здесь привычный край.
И природа здесь весной прелестная
И приятен изумрудный май.

Ах, как жаль, что здесь недуги смертные
Посещают смертных – Боже мой!
И страдая помирают смертные
Обретая, будто бы, покой.

1 мая 1978

*

Умирать никто не хочет,
Смерть страшна для всех равно.
Некто жуткое пророчит:
Там безгласно, там темно.

Ну а тут цветы и травы,
И зверье, и человек,
И искусства, и забавы...
Жаль короток жизни век.

2 мая 1978

*

Жизнь прошла. Все прошло невозвратно.
Вот страдания, болезни и прах.
Жизнь, возможно, кому-то приятна,
Но меня мучат боли и страх.

Ежечасно томят меня боли
И глядит неизбежная смерть...
А ведь было дыхание воли
И сияла безгранная твердь.

Были милые, добрые люди...
Ах, я многое очень любил...
Ничего уже больше не будет
Кроме смертных, безмолвных могил.

21 мая 1978

*

Болело сердце и болит.
Сегодня и спина болела.
Се мука тяжкая томит
Бо сникло оскудело тело.

Неизлечима эта боль,
Угрюмы тяжкие страдания –
Вот отложилась в теле соль –
Болезнь сия есмь наказание.

Карают, видно, за грехи
Рок – вот спина и заболела...
Аз боль сию включил в стихи
Покуда плоть не околела.

25 мая 1978

*

Люди сильных, грозных любят –
Им и слава, и почет.
Слабых же охотно губят
Так как слабые не в счет.

Сильный есть судеб вершитель –
Если надо, то убьет.
Сильный слабых удушитель,
Кровушку он слабых пьет.

Все за силу сильных любят,
Их готовы воспевать.
Только смерть и сильных губит –
Хлоп его – и наплевать.

9 июля 1978

РАННИЕ СТИХИ
1915 – 1933

Триолет

Мне будни серые страшны,
Сдирание с живого шкуры,
И человечьи авантюры.
Мне будни серые страшны,
Что мракобесом свершены.
Я на сие гляжу понуро...
Мне будни серые страшны,
Страшны с живых сдиранья шкуры.

1915

*

Печально улыбнуться:
Прощайте, господа!
Заснуть и не проснуться
Уж больше никогда.

И кануть в вечность мира,
И больше уж не быть.
А звездная квартира
Была и будет жить.

И это царство Бога,
Извечных сил чертог...
Не будет жизни срока,
Бо вечен только Бог.

1918

*

Похоронили с барабаном
Под гулкой топ огромных толп.
И в память властному чурбану
На площади воздвигли столб.

И у столба, таскаясь, девка
Однажды ночью померла...
И сволокли ее с издевкой,
И ткнули в яму, в чем была.

1928

*

Никто ничего не знает –
Всех покрывает мрак.
Каждый каждого мает,
Каждый каждого хаает,
Каждый на каждого лаает,
Каждый каждому враг.

Никто никого не любит,
Всех покрывает мрак;
Каждый каждого губит,
Каждый каждому враг.

Только и сладка похоть –
Тело бы к телу прижать:
В сладкой истоме заохать,
Сладкою б дрожью дрожать.

1933 Ухтомская

СУМЕРКИ ДНЕЙ

*

Пусть шумна улица московская,
Пусть жизнь течет в избытке бед –
Я богородица хлыстовская,
На мне печать – небесный свет.

Когда в квартире, где радение,
Я раздеваюсь донага –
Я слышу херувимов пение,
Поющих славу мне века.

Молящиеся приобщаются
Моей несказанной красоты,
И, корчась, в судорогах касаются
Моей распущенной косы.

И вот уж в плясе упоительном
Молящиеся. В теле жуть.
Мне сладострастно соблазнительно
Хлыстом по девушке хлестнуть.

Экстаз растет – все в исступлении,
Томит горячий запах тел...
Вдруг замираю я в томлении –
И взгляд мой мутен, тускло-бел...

1917 Москва

*

Я парикмахер: стригу и брею,
И так проходит мой целый день.
Я отлучиться на час не смею,
Хозяин ходит за мной, как тень.

Замучил город тоской железной:
Автомобили, трамваев звон.
В тоске напрасной и бесполезной
Я вижу детство – желанный сон.

Вот я в деревне, вот я мальчишка,
Играю в бабки, бегу к реке.
Со мной ребята – Сережка, Гришка –
Катаюсь с ними я в челноке.

Все промелькнуло, ушло куда-то,
К былому счастьем дороги нет.
Теперь мне скучно, душа помята,
Хотя еще мне немного лет.

1919 Вологда

НЕУГАСИМАЯ ЛАМПАДА

На горах

В мире горьком и жестоком
Я нашла тоску и страх –
И ушла я в одинокий
Монастырь, что на горах.

Пред угодником склонилась
С испугленною мольбой:
Власяницею покрылась,
Обручилась с тишиной.

Я как узник. За решеткой
Телу воли больше нет.
Лишь молитвы, книги, четки –
Вот теперь в чем вижу свет.

От страстей уйти не поздно,
Замолить могу Христа.
И не может дьявол грозный
Вынести знаменье креста.

И позор любви преступной
Не влечет меня теперь.
К светлой вере недоступной
Мне открыта Богом дверь.

1918 Царицыно

У храма

Подвязав лапотки шли дорогами,
В отдалении слышали глас.
И пришли ко Пречистой убогими
Вечной мукой и скорбью томясь.

У Миколки глаза кровянистые,
У Емелюшки – зверье лицо.
Облегают лохмотья нечистые,
Давит цепи железной кольцо.

И собрались у храма уродцы –
Кто без рук, кто без ног, кто без глаз.
И молились Святой Богородице:
Ты прими исстрадавшихся нас.

Тихо слышалось пенье умильное
И дышала у храма весна...
И одежда их грязная, пыльная
Стала вдруг словно риза ясна.

1919 Вологда

Горными тропами

Горный лес да тропиночки малые,
Ели стали в узорчатый строй.
Ой, иду я в края небывалые,
Что за той за дремучей горой.

За спиною котомка убогая,
Ряска старая узка в плечах;
Дума тихая, тайная, строгая:
Перед Господом радость и страх.

Занимаются зори туманные,
Розы солнца как праведных кровь.
Мне ль – заблудшему, сирому, странному –
Не откроется Божья любовь?

Зацветает меж трав медуница
Нежно-синим цветистым ковром.
И поют серебристые птицы
О блаженном, желанном, ином.

И иду я потайной тропинкою,
А душа и тиха, и чиста.
И люблюсь я каждой былинкою
На пути во Святые Места.

1919 Вологда

Уродцы

Окрест осенние болотца.
Земля родная тут.
Бредут, хромая, два уродца,
Из древности бредут.

От древней Руси, от убогой
Отстали и бредут,
Бредут далекою дорогой –
Земля родная тут.

Чу! – слышен стрекот пулемета
За дремою болот.
За этой тишиной болотной
Стрекочет пулемет.

И вот шоссе. Из серой пыли
Мотора слышен звук.
Пронесются автомобили...
Взрыв!.. и в очах испуг...

Дымят осенние болотца –
Земля родная тут...
Упали замертво уродцы
И больше не бредут.

1920 Глазов

ДЕРЕВНЯ

В избе

Гулко поет да стелется
    За окнами мятель.
Егорка палкой целится
    В какую-то цель.

Котенок мурлычет и нежится,
    Красив и пригож.
Антипыч зевает и чешется –
    Заела вошь.

А зимняя ночь длинная
    Тоской томит.
Изба большая, пустынная,
    Лучина дымит.

Заснули. Егорке сказка
    Снится всю ночь:
Одета нарядно, баско
    Царская дочь.

1921 Сосновка

Смерть Авдотьи

Перед Святой, как нарошно
Изморило Авдотью совсем:
Голова болит, лихорадит, тошно,
Язык от болести нем.

Пришла знахарка – баба большая –
Вспрыснула Авдотью водой:
– Выпей зелье, выпей дорогая! –
Дала и пошла домой.

От зелья Авдотья разболелась пуще:
– Ох, смерть моя, видно, пришла! –
Вся деревня гадала на квасной гуще,
Отчего Авдотья померла.

Авдотью понесли и похоронили,
Родные вернулись домой.
Поминали Авдотью, самогонку пили...
Со святыми ее упокой!

1921 Сосновка

С фронта

Марья была так рада:
Вернулся с фронта сынок.
Ранен осколком снаряда,
Теперь отпущен на срок.

О днях в сырых окопах,
О фронте его рассказ:
– Митюху немец ухлопал,
А Ваську угробил газ.

Сколько всего навидался
В эти лихие года!
С кем только он не встречался,
Сколько страдал он – беда!

В малом угасла и вера:
К молитвам ныне стал глух...
В избенке дымно и серо.
Запел из-под лавки петух.

1921 Сосновка

Весна

Рыжий горластый петух
Орет – весну повещает.
В избе скверный дух,
А за околицей тает.

Чтой-то Матренина мать
Глядит скупю, сурово.
В хлеву почала рожать
Машутка – корова.

Печь все дымит и дымит –
Изба полна смрадом.
Дядя Иван сердит,
Кроет всех матом.

Дедко проснулся от сна,
Смотрит печально.
А за окошком – весна –
Сине-лиловые дали.

1921 Купряты

Вокруг деревни

Объезжало деревню двенадцать баб
В сковороды стуча без меры.
Артамоныч захирел, ослаб –
Помирал он от холеры.

С диким визгом, яростно крича
Не пускали болезнь в деревню.
Девка, в сарафане из кумача,
Голосила всех напевней.

А избенки серые вдали
Серебрились в летнем солнце,
Лишь блестели в золотой пыли
Разноцветные оконцы.

В избах смерть нарушила покой:
На полатях помирали...
У околицы был слышен вой:
Там холеру не пускали.

1921 Купряты

ΠΡΟΖΑ

Автобиография

Я родился 25 июля 1893 года, в Москве. Вся жизнь моя с детства до старости прошла с любовью к искусствам. Отец мой был писатель. Кроме того, он обладал прекрасным голосом и пел. Мать моя была пианисткой и аккомпаниаторшей. Сестра играла и пела. В доме у нас бывали артисты (певцы) и музыканты.

С детских лет я рисовал. Окончил Строгановское училище. Кроме рисунка и живописи, я с 1909 года стал писать стихи и пишу их до сих пор. С 1914 года я сочинял музыку – написал ряд пьес, романсы и оперные сцены «Кирибеевич». Впоследствии, лишившись рояля, я не мог продолжать занятий по музыке и отдался поэзии, рисунку и живописи. Как художник я работал в трех студиях, в Москве, и у меня были очень талантливые ученики (например, Рабин, Васильев и др.). Как поэт я вел литературно-поэтический кружок, в котором было сорок человек. Среди поэтов у меня тоже было много талантливых учеников (напр., Сапгир, Холин, Ермакова, Еремеева и др.).

В 1939 году меня приняли в МОСХ. Время от времени мои работы выставлялись, а в 1963 году хотели сделать мою персональную выставку, и я уже в выставочный зал отвез 130 своих работ, но вместо выставки меня вызвали в МОСХ и исключили из МОСХа без объяснения причины. Я до сих пор не знаю, за что меня исключили. Обратное в МОСХ меня не принимают и тоже не говорят почему.

Как художник я со школьной скамьи был современным художником и понимал, что искусство должно быть творческим и совершенно свободным. Глубоко уважая старинное и старое искусство, я всегда шел в ногу со временем и приветствовал новые течения. Мои ученики были мне благодарны за то, что я направлял их искать новые пути в искусстве.

Я с молодых лет делал картины и рисунки, как у нас называют, «левого плана». И в то время, когда подобного еще не делали, я и мои ученики не отставали от новых течений. Теперь уже в России массы художников пошли по этому пути, но многие меня знают как зачинателя и учителя нового искусства.

Февраль 1975

Родился в Москве 25 июля 1893 года. Отец был писатель, а мать пианистка. Жили в Москве, Перове, Царицыне. Я учился в Строгановском училище – в металлической, ткацко-набивной, скульптурной и декоративной мастерских. Работал декоратором и гримером в трех театрах (в разное время). Был сорок пять лет учителем в школах, техникуме и пионерских домах.

Занимался в основном тремя искусствами – 1) рисованием и живописью, 2) сочинением стихов и 3) сочинением музыки. Играл на рояле. Бывал в России в разных местах: Кишиневе, Киеве, Харькове, Одессе, Нижнем Новгороде, Муроме, Астрахани, Петербурге и многих других городах, например, в Вологде, Глазове, Тюмени и т. д. Зарабатывал на хлеб с четырнадцатилетнего возраста.

Любил искусства. Особенно любил Врубеля, Борисова-Мусатова, Сурикова, Нестерова, Васнецова, Левитана, Шишкина, Замирайло, Буше, Клуэ, передвижников, Глинку, Даргомыжского, Мусоргского, Римского-Корсакова, Чайковского, Бетховена, Баха, Вивальди, Генделя, Моцарта, Гайдна, Шопена, Калининкова, Рахманинова, Шостаковича, Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Бальмонта, Брюсова, Блока и других художников, музыкантов и поэтов. Писателей люблю Льва Толстого, Чехова, Мопассана, Тургенева и других. Из новейших художников мне нравились Пикассо, Матисс, Ренуар, Сёра, Моне и другие.

Любил все творчески новое и оригинальное. А пошрое, банальное и антихудожественное не любил. Любил природу, растения, цветы, добрых людей, талантливых людей, милых женщин. Все злое, вредное и жестокое, например, войну, борьбу, казни, козни, убийства и бездарных наглецов никогда не любил и не люблю. Любил Россию – ее природу, просторы, избушки

и добрый ее народ. Свое стихотворное творчество строил на правде жизни и натуре – не как «должно быть», а как оно есть. В живописи много работал с натуры и много писал и рисовал «от себя», прибегая к деформации и абстрактности. Из МОСХа был выгнан за «левое» направление в 1963 году.

Считаю, что искусство должно быть красивым. Безобразного и так много в жизни. Литература должна быть логичной, правдивой и мастерски сделанной, как у Пушкина и других замечательных поэтов и писателей. Считаю, что автор должен проявлять свое лицо, а не подражать. Считаю, что писать глупые стихи, рисовать дурацкие картины, сочинять идиотскую музыку не следует, т. к. это подло и мерзопакостно. Людям, не одаренным в искусстве, грех пытаться изображать из себя «гениев». Таких грешников расплодилось сейчас как вшей – масса. И от этого искусство завшивело, но это с Божьей помощью пройдет.

3 сентября 1977. Москва

Что я думаю о стихах

Стихи должны быть предельно ясны и понятны.

Стихи должны быть написаны четкими стихотворными ритмами.

Стихи могут быть без рифм, но лучше когда стихи рифмуются.

Стихи должны иметь утонченную и своеобразную лексику.

Стихи должны быть иногда построены на особой своеобразной стихотворной логике.

Стихи, написанные не стихами, а прозой – не стихи, а проза.

Зашифрованность в стихах напоминает воровской жаргон.

Русские стихи должны быть написаны правильным русским языком без провинциализмов, шифров и жаргонов.

В стихах допустимы старинные слова, но это должно иметь основание.

В стихах нельзя употреблять противные слова.

В стихах не следует употреблять нецензурные слова.

Стихотворение должно иметь начало и конец.

Стихотворение должно быть хорошо сделано по форме.

Хорошо когда стихотворение имеет так называемый замок, хотя это не обязательно.

Хорошо когда стихи имеют классическую форму, а именно: сонет, триолет, секстина, рондо, терцины, октава, газелла и т.д.

Никому не понятные стихи, требующие расшифровки, писать не надо.

Бессмысленный и бесформенный набор слов в стихах – можно назвать блудословием.

Шизофренические стихи или подражание шизофреникам в стихах дело гиблое.

В поэзии надо иметь свое лицо, свой язык.

Банальность в поэзии скучна и неинтересна. Пишущему банально следует посоветовать бросить писать стихи.

Пишущему вычурно следует посоветовать бросить эти потуги.

Лирическое стихотворение может быть маленькое – 2-3-4 строфы. Лиро-эпическое – 6-8-12 и т.д. Длинные вирши скучно и долго читать.

Лучше писать короткие стихи, т.к. в них больше смысла и прочесть их можно скоро.

Не выдумка, не нарочитость нужны в стихах, а искренность и правдивость. Все неудавшееся в поэзии надо уничтожать.

В стихах должна быть поэтическая сила, красивое звучание и одушевленность.

Лучше курить и пьянствовать, чем писать слабые бесформенные бессмысленные стихи.

Поэзия, как и всякое искусство, дело святое, поэтому надо, чтоб было хорошо.

Когда поэт начинает читать свои стихи – слушатели ожидают, что он прочтет им про себя. Каково же их недоумение, когда вместо того, чтобы услышать от автора обычное про него самого, они вдруг слышат стихи про них самих. Они начинают ёрзать на стульях, лица их становятся недоумевающими, мрачными, и они сразу же решают, что «это не поэзия». В стихах, которые им читает поэт, они узнают самих себя и то грубоватое мещанство мирян, которое всюду и везде. Женщины и девушки, которые порой ночуют в чужих мужских постелях, вспоминают разные случаи, мужчины, любители выпить и покрыть «матом», тоже узнают себя.

Эта правда жизни смущает, особенно тех, кто привык считать себя знатоком поэзии. Они смущены и в головах их родится протест. «Это не поэзия, – говорят они, – здесь нет ничего поэтического». И одни из этих «ценителей» поэзии говорят: поэзия не должна быть грубой, в ней уместны розы, грёзы и слёзы, а не то, что вы пишете. А другие так говорят: поэзия должна быть патриотичной и поэтичной – надо изображать белые берёзы, ширину страны, в которой живёшь, любовь к родине и борьбу за лучшее будущее. И хором говорят так: что вы нам в нос суёте бандитизм, воровство, жульничество, самоубийство, женский разврат, мужской «мат»; показываете санитарок со вшами, пьяниц с водкой и селёдкой и прочее и прочее. Нет, нет! Поэзия должна быть возвышенная, героическая, зовущая и пропагандирующая светлое будущее.

Но автор не хочет возражать на все это. Просто ему чужда поза, выдумка и фальшь. Плоть и кровь бытия интересует автора стихов. Вас он показывает вам, миряне, по мере сил и способностей.

13–14 июля 1975

Искусство многогранно. Мне бы хотелось говорить о той грани, которая органически свойственна мне.

Художнику следует отбросить все случайное и будничное и стараться брать то, что не вянет от времени.

Элементы вечного в искусстве не могут устареть – устаревает и отходит в прошлое только мода. Мода временна и преходяща, но такие элементы искусства как красота, нежность, утонченность, творческая изысканность, поэтичность – это вечно.

Художник несет в себе мир изящного и изысканного. Грубое – это не для него. Пошлое – это тоже не для него.

Художник не допускает в своем творчестве обывательщину, и ему незачем вовсе отражать будни духа. Он весь праздничен.

Творчество художника ни для чего, как ни для чего цветы, которые расцвели в поле. Они просто цветут, они просто красивы.

Восточные народы пишут и рисуют красиво. Красота у них на первом месте.

Главное гармония. Гармоничности и следует добиваться.

В искусстве все должно быть подчинено логике, все должно быть на месте.

Логика должна быть в построении, рисунке, цвете и фактуре. Если сшито, как говорят, белыми нитками, то тогда нет гармонии, а без гармонии нельзя.

Когда пишете – думайте о красоте – как бы красивее сделать. Грубость не нужна, грубая сила не нужна, резкость тоже не нужна.

Уметь сделать вещь изящно очень трудно, но надо выработать в себе чувство деликатности.

Может быть, рисуя, надо едва касаться карандашом или пером рисунка. Может быть, когда мы пишем красками, следует любоваться мазками, положенными на холст, а не мазать просто так.

Надо стараться делать такие вещи, каких еще не было, чтобы при взгляде на них вы как бы изумлялись.

Все должно быть сделано от чистого сердца. Продажность и фальшь пошлы и унизительны.

Художники-прикладники тоже должны иметь талант и вкус, а то может выйти очень бездушно. Прикладник не должен убеждать себя в эфемерности своей работы – он тоже должен делать добросовестно и талантливо.

Искусство дело святое – надо чувствовать *высшее*, чтобы браться за него, а то не получится.

Художник своим творчеством несет свой и особый, присущий ему мир, отличающий его от других, и в этом его очарование.

Будучи самим собой, художник может увлекаться разными творческими исканиями – это даже надо.

Только два метода в живописи: классический и импрессионистический.

Теперь прошло время, когда художник мог бы искренне, чистосердечно передавать натуру.

Искусство наших дней абстрактно, и художник только в абстрактных вещах может быть искренним.

Абстрактное искусство не обязательно беспредметное, но предметы у абстрактивиста подаются не натурально, а абстрактно. Поль Сезанн тоже абстрактен.

Единство творчества в самом себе – его искусственно не сделаешь, а если повторять самого себя, от этого лучше не будет.

Иногда излишняя похожесть вносит мещанский колорит в портрет. На такие портреты не хочется смотреть.

Не стоит гоняться за сходством. Надо, чтоб было красиво. А тому, кто хочет сходства – путь к фотографу.

Живописцу нужна тематика такая, которая помогает его живописи.

Творчество художника – это тема с вариациями.

Все школы в живописи хороши – было бы талантливо сделано.

Художнику надо свои вещи делать бесхитростно, как это делает ребенок или дикарь.

В искусстве всегда существовало два принципа: один принцип – красоты и свободы творчества – искусство для искусства, другой принцип – суровости, аскетизма и программы – идейное искусство.

Фиксируя действительность, художник творит, а не копирует, т.к. действительность скопировать нельзя.

Мещанство в искусстве – это и есть дилетантизм. Мещане любят дилетантизм, но официальное, казенное искусство никто не любит, даже мещане.

К новому искусству нельзя подходить с мерками старого искусства – получится бессмыслица.

Старое искусство расценивать с позиций нового – тоже нельзя.

Лучше всего понимать и новое и старое искусство.

Классический метод имеет в основе форму и рисунок, а в музыке мелодию. Импрессионистический метод имеет в основе пятно, а в музыке гармонию.

В живописи хорошо старое искусство, но неприятны подделки под старое.

Абстрактного искусства нет и быть не может, потому что мы не можем отвлечься от реальности. Наше бытие обусловлено реальностью, а искусство – плод нашего бытия. Термин «абстракция» надо понимать условно.

Так называемое абстрактное искусство – это такое искусство, в которое художник вкладывает открытые [им] ощущения, при этом находит новые формы.

Абстрактивизм – это новое ощущение бытия, и, конечно, наивно думать, что это только «цех беспредметников».

Прошлое невозвратно – все идет вперед, потому нелепы потуги отставших заставить подлинных художников повернуть вспять.

Искусство служит только искусству.

Только свободное искусство нужно людям, рабское искусство не нужно.

Разве должен художник потрафлять кому бы то ни было?

Искусство дело святое и профанировать им и делать из него торговую лавочку – пакость.

Лучше с голоду подохнуть, чем предать искусство на поруганье.

Черты нового искусства – абстрактны, т.к. само искусство, его формы и цветопластика не имеют характера передачи конкретного.

Пластичность – это то главное, что делает художественное произведение ценным и гармоничным.

Новое искусство является реакцией на реальность старого искусства и идет иными путями к вершинам Духа.

То, что было в старом искусстве неоспоримой догмой – в новом искусстве, зачастую, отрицается.

То, что было в свое время ново, интересно и свежо – у «продолжателей» и подражателей делается мертво и ненужно.

Волна классицизма сменилась волной реализма, которая, в свою очередь, сменилась волной абстракционизма.

Раньше требовалась в рисунке и живописи возможно похожая передача на плоскости трехмерного пространства. Теперь это не обязательно и даже не нужно.

Раньше изучалась перспектива, анатомия, светотень и тому подобное. Теперь это не обязательно.

Раньше художник подбирал нужный ему сюжет (исторический, бытовой и др.), отдавая при этом много времени на изучение костюмов, мимики, телодвижений и обстановки. Теперь это не надо.

Раньше нужна была в картине занимательность, лирика или драма, поэзия или бытовая проза. Теперь это не надо. Теперь средствами живописи не надо передавать поэзию «бабушкиного сада», а сама живопись может быть поэтична, драматична, экзотична, эротична и т.д.

Раньше следовало передавать настроение природы или жизни. Теперь это не обязательно, и само произведение живописи должно собой, своей фактурой, цветом, линиями рисунка вызывать у зрителей эмоции.

Раньше искусство должно было, прежде всего, действовать на интеллект зрителя. Теперь живопись действует на чувство зрителя, а смысловая часть необязательна.

Раньше техника, хотя и занимала у хороших художников видное место, существовала для передачи сюжетов и настроений быта и природы. Теперь техника является тем мастерством, из которого состоит живопись.

Теперь фактура картины или рисунка играет огромную роль, и поэтому художник должен заниматься вопросами фактуры. Фактура – это есть материальная сущность картин, через восприятие которой зритель может познать сокровенное.

Теперь художник должен очень заботиться о выработке своего стиля, т.к. стиль у современного художника является основной частью его творчества. Чужим, взятым напрокат стилем теперь не обойдешься – надо, чтобы стиль явился сущностью личности художника. Но стиль не должен быть надуманным и чуждым автору.

Теперь магичность занимает первое место в живописи. Новая конструкция живописных плоскостей, не имеющих занимательных сюжетов, насыщается концепцией чисто живописной, таящей в себе магическое и дивное.

Магичность в живописи была всегда, но в современной живописи она необходима, она связана с магией мазка, закраски плоскостей, узором рисунка, цветовой структурой и статикой.

Динамизм – это прошлое искусства. Теперь динамизм перешел к фотографии, фиксирующей повседневность. Статика делает художественное произведение торжественным, как хвала Богу, и магичным.

Динамизм суетен и зыбок – он ушел в прошлое вместе с импрессионизмом. Статика торжественна и магична. Статика – это та тайна бытия, где все застыло в вечной

неподвижности, как бы в экстазе молитвенного созерцания.

Экспрессионизм устарел. Уже не хочется карикатур. Уже не хочется издевок. Уже не забавляет сатирическая подача бытовых пошлостей.

Все в искусстве должно исходить из рисунка. Рисунок должен быть мягким, живописным, но четким и определенным. Сумбурность портит картину и делает ее неуютной и растрепанной.

Новое не падает с неба – оно связано со старым, но оно новое, ибо оно современное. Есть новые художники, есть новые школы, но есть и новая эпоха, ренессанс был новой эпохой, реализм тоже.

Теперь новой эпохой является абстрактивизм в широком значении этого слова, а не в цеховом. И абстрактивизм связан с сезаннизмом.

Кто в формах искусства делает не красиво – тот не художник, а ремесленник со скудной будничной душой, а у художника должно все звучать и радоваться, он должен понимать красивое, уметь делать красиво, гармонично и пластично.

Хороший вкус – это то, без чего не может обойтись художник. С плохим, вульгарным вкусом лучше не браться за живопись, точно так же, тем, у кого нет слуха, лучше не петь и не играть на инструментах. Художник с хорошим вкусом овладевает и техникой, т.к. для того, чтобы делать красиво, должна быть техника.

Картина должна быть как икона – в ней должна быть благодать. Она должна быть хорошо обработана и в ее плоскость должно быть вложено тепло сердца и радость творчества. Картина должна излучать таинственное, как бы грезы о несбыточном, о чем-то необъяснимом.

Краткое практическое руководство как научиться рисунку и живописи талантливому ученику

Бездарность учиться живописи не должна, так как ученая бездарность вредна, ибо она засоряет – и таланту от оногo засорения ходу нет.

Кроме сего вред от бездарности таков – отбивает хлеб у художника, халтурит, подхалимствует, потрафляет и вообще пакостит.

Художник творит потому, что не творить он не может. Творчество – это то главное, из-за чего ведется вся работа. Если есть техника, а творчества нет – проку мало.

Если нечего сказать, лучше молчать. Техника идет на поводу у творчества. Наличие творческих сил заставляет работать и вырабатывать технику. Без техники творчество будет косноязычно. Без техники нельзя свободно творить. Усердная работа обязательна.

Для художника творчество и техника едины. Настоящей техники без творчества не бывает, и подлинного творчества без техники тоже не бывает.

Вначале надо понять ученику, что такое живопись, прежде чем начать работу, чтобы не вышло впустую.

Живопись – это разделка плоскости рисунком, цветом и фактурой. Вот тут всё. Вопрос в том, как произвести оную разделку плоскости, сколь совершенна будет при этом цветовая концепция, композиционная структура, рисунок и фактура.

Вот над этим ученику и надо работать. Как взяться за дело?

А вот как. Надо купить себе бумагу, тушь, карандаши и краски.

Надо взять лист бумаги и пером, карандашом или кистью делать штрихи. Первоначально эти штрихи будут зело плохи – дилетантство, неумелость, пошловатость будут комичны. Но смущаться не надо. Надо неуклонно работать,

переть вперед и гнать от себя мешающих работе. Вас интересует, сколько надо сделать листов с эдакими штрихами? Я думаю, при усердии и контроле над собой не меньше 300.

За сим на других листах следует делать точки, мазки, штрихи, крапинки, брызги, заливы, размывы, вливы одной краски в другую. Листов эдак 600.

За оным надо обрабатывать фактуры так: пастозно: темперой, гуашью, маслом, манной кашей, песком, клеем, крупой, кирпичом, железом и т. д. Основанием при этом берется – холст, толстый картон, фанера, штукатурка и тому подобное. Количество таких работ может достигнуть 1000.

Проделав эти работы, надо приступить к разливам. Сначала наливается черная тушь на лист бумаги и за сим поворотами оной делается рисунок. Сначала может не выйти, но потом, сделав такие упражнения раз 20–30, техника будет. Это уже подлинное творчество.

Следующее упражнение заключается в создании творческого рисунка. Надо придумывать оригинальные формы и рисовать их возможно лучше. Но не кривить душой.

Следующее упражнение: компоновать эти формы: делать эскизы, акварели, картины.

С натуры лучше не рисовать и не отвлекаться. Вместо этого надо прощупывать себя: на что, мол, я годен? Что я могу? Где этот самый «я»? В чем мое творчество? Кого оно может порадовать? Не найдется ли и такой, который будет меня критиковать вкривь и вкось?

Почувствовав свою силу, получив технику, ученик перестает быть учеником, он делается художником и творит. Наука его закончена – он творит. Он создает творческие вещи – он художник.

12–13 декабря 1961

Искусство художника

Надо уметь сделать красиво.

Основа искусства – красота.

Красивое искусство понятно человеку.

Красивое искусство полезно человеку.

Человек радуется если видит красивое искусство.

Человек любит красоту.

Видя красивое, в человеке появляется радость
и от этого ему делается хорошо.

Художник чувствует красоту и воплощает ее в искусстве.

Художник находит неожиданную концепцию линий,
которые придают формам свежесть.

Художник передает трепеты цветовых форм и вибраций.

Все светлое, трепетное и радостное –
интересует художника.

Художника интересуют цветы, узоры листьев, небо,
жемчужные переливы моря.

В рисунке художник ищет утонченные ощущения форм.

Художник ищет и находит некую, как бы застывшую
в каком-то самозабвенном экстазе – статичность.

Женский облик с его таинственностью, мистической теплотой – всегда с ним.

Быть может ему свойственно передать не самую женщину, а женственность.

Главная сторона мастерства – сделать свое произведение цельным и художественно-живым.

Каждая линия должна быть живая, каждый мазок должен жить.

Когда все сделано свежо и радостно – тогда все будет гармонично.

Творчество художника близко творчеству природы.

Природа все делает красивым и гармоничным: она украшает изысканными узорами каждый лист, каждый цветок, каждый камень.

23–25 апреля 1970

Старая и новая живопись и рисунок имеют различия в том, что в старой живописи и рисунке изображение предметов имеет так называемую «правильность», т.е. сходство с натурой. То что не было сходно с натурой считалось неправильным. Поэтому рисунки детей, неумелые рисунки примитивистов (в смысле точной передачи натуры), иконопись и фрески, искусства народов, не овладевших «правильностью», древнее искусство – все это порицалось поборниками старого искусства как «не правильное», как примитивное, детское и дикарское.

Базой нового искусства является эта «неправильность» – отсутствие перспективы, поиски формы ради формы, подчинение композиции, изысканность представления, проблематичность цветовых гармоний, утонченность ощущений и стремление к красоте и чистому искусству для искусства.

Правильность, натуралистичность в новом искусстве отходят на второй и на третий план.

На первый план выходит красота, изящество, утонченность и зыбкость переживания. Что из того, что одни глаз нарисован выше другого, что нос помечен чертой, рука не такая, как это в натуре? Истинный мастер и художник делает это не по неумению, а по тому, что в этой концепции форм и линий он достигает той эмоциональности, которая таится в нем.

Импрессионизм и неоимпрессионизм не порывали с «правильностью» натуралистов старой школы – они только натуру одели в более цветное платье. Одевая так натуру, неореалисты хотели дать, как оправдание этой вольности, «научную» основу.

Но вот Поль Сезанн, наитием своей гениальности, порывает со старым искусством и создает новое – деформированное.

Появление Сезанна было подготовлено разочарованием в «правильном» искусстве. Экспрессионизм, стилизм, импрессионизм и неоимпрессионизм – это ступени, по которым искусство подошло к красивому, свободному, не связанному с натурой по рукам и ногам, чистому искусству для искусства.

И стали понятны и древние художники, и дети, и даже так называемые примитивисты.

Новое искусство не интересуется «правильностью», литературщиной, обывательщиной, тенденциозностью, навязыванием разных идей, экспрессионистичностью и карикатурностью.

Новое искусство свободно, оно как цветы, как небо, как радость – прежде всего – красиво, изящно и изысканно. Идея – искусство для искусства – нашла в нем свое воплощение.

17 августа 1972

Картина должна быть красивой. Если некрасивая картина – куда ее? Некрасивые картины лучше уничтожать. В картине должны быть некая магия и волшебство, в противном случае она будет скучна и никчемна. Если художник пишет картину по чьей-нибудь программе – такую картину лучше сжигать. Если художник пишет халтурную картину с целью сбить ее за деньги, чтобы прокормить себя и жену – он, хотя и по нужде, но совершает бесчестие. Такому художнику надо посоветовать поступить на работу, а не поганить искусство. Если художник пишет нарочно злую карикатурную картину – он делает плохо, так как живописное искусство святое и оно злым быть не может. Карикатура, экспрессионизм – направления утилитарные, тенденциозные. Художники, которые этим занимаются – несчастные художники, если они талантливы.

Живопись требует огромной работы и таланта. Делать красиво труднее всего. Для этого надо иметь вкус, особое чувство понимать красивое и иметь красивую душу. Когда скучный человек со скучной душой берется за живопись – у него выходит скучно, даже если у него есть рисовальные способности.

Объектами для картин не могут быть противные вещи и люди, так как это будет не в согласии с праздником творчества.

В наши дни объявились миллионы технических художников – чисто и ловко делающих свои вещи, но совершенно бездушно, пошло и противно. Эти художники, не имея дара Божия, иной раз смекают, что они новаторы, и это их мнение очень ошибочно.

10 апреля 1974

Ощущение красоты – это эротическое чувство. Стремление же к энергичности, воинственности, борьбе, – это чувство антиэстетическое, и люди, стремящиеся к этому, либо чужды восприятию красоты, эстетизма, либо равнодушны к этому.

И в искусствах таятся два начала – начало эроса и красоты и начало энергии, борьбы и победы. Искусство красоты, эротическое искусство – лишено энергии борьбы, т.к. его сущность – это поиски, нахождение [красивого] и любование красивым. Это высшее наслаждение. Художникам эстетам умеющим наслаждаться красивым обычно неприятно в искусстве антиэстетическое направление энергии, борьбы и тому подобное и они с безразличностью отворачиваются от подобного искусства.

Художники, презирающие эстетизм, эротизм, красоту, искусство для искусства, искусство для красоты, – готовы с лица земли стереть Баха, Бетховена, Шопена, Врубеля, Борисова-Мусатова, Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока и Бальмонта. Эти художники – художники энергии, борьбы, экспрессивности – считают, что эстетизм не для них и что он вреден для людей, а нужна смелость, отвага, энергия и борьба до последнего издыхания.

Вот эти два течения в искусстве были, есть и будут. Но существуют люди и даже художники, для которых все равно какое искусство. Про них обычно говорят: «Ну, эти и нашим и вашим».

Декабрь 1974

Краткое руководство как надо смотреть живопись, рисунок и скульптуру

Смотрящий должен, смотря на произведение искусства, задать себе только два вопроса:

1. Красиво это или не красиво?
2. Нравится или не нравится?

Эти два вопроса не будут определять сущность художественного произведения вообще, т.к. «вообще» не существует, а существует признание того или иного произведения как бездарного, посредственного, талантливого и гениального индивидуально.

Художественное произведение не всегда открывается людям, но постепенно оно завоевывает сердца и умы наиболее восприимчивых людей, которые открывшееся им начинают хвалить и автора этих вещей считают талантом и даже гением. Вот это большинство чутких к искусству людей, которое связано со временем их появления, открывает и делает как бы незыблемыми имена великих и талантливых художников, настолько незыблемых, иногда в мировом масштабе, что всякое непонимание их, уже признанных и понятых чуткими к искусству людьми (иногда на протяжении многих поколений), делает[ся] нелепым [...]

Несмотря на это вышеозначенные два вопроса остаются в силе:

1. Красиво или не красиво?
2. Нравится или не нравится?

Предположим, что у этого субъекта такой вкус, что ему не нравятся Лев Толстой, Чайковский, Бетховен и Рафаэль. Подобный субъект, если он не дикарь, может сказать так: «я знаю, что это признанные таланты и гении, но знаете, они мне не нравятся, я нахожу, что у них не красиво». Этот же субъект вправе добавить так: «Конечно, это признанные и великие художники, но мне гораздо больше нравятся Иванов, Петров, Сидоров и Карпов, потому что у них красивее».

В таком суждении нет наглости, но есть смелость и самостоятельность. И так каждый, смотрящий искусство, может смело сказать:

1. Это красиво или это не красиво.
2. Это мне нравится или это мне не нравится, так как это касается не «признанных», а еще «непризнанных», и каждый волен их признать или не признать.

Но наравне с этими двумя вопросами, многие считающие себя специалистами по искусству изобрели целую сеть нелепейших вопросов. Например, такие:

1. Модно это или не модно?
2. Современно это или не современно?
3. Ново это или старо?
4. Пестро это или не пестро?
5. Точками это или не точками?
6. Понятно это или не понятно?
7. Своеобразно это или безлично?
8. Колоритно или не колоритно?
9. Хорошо или плохо?
10. Дорого это или дешево?

И так далее. Эти люди с этими и прочими вопросами создали дикую путаницу и называют себя знатоками и искусствоведами, везде вклиниваются, объясняют, критикуют.

А между тем пусть каждый смотрит на произведение искусства и решает для себя (для него, конечно):

1. Красиво Это или не красиво?
2. Нравится Это ему или не нравится?

1-2 февраля 1975

О своей живописи и рисунке

Были некие отклонения, как бы «проба пера», но в основном, по прошествии лет, четкость стиля определяется. Вот она:

1. Стремление сделать красиво.
2. Стремление сделать классично.
3. Стремление сделать аскетично.

Красота в моем искусстве – это эрос, эстетика, изящество, колорит, цветовое наитие, изысканность форм, распланировка линий.

Классичность в моем искусстве – это предельная ясность воплощения, как бы некая наивность и прямота показа.

Аскетичность у меня состоит в том, чтобы смириться и терпеливо отойти от соблазнов прихоти, показа непристойного, рассказа ненужного, навязыванья мирского.

10 июля 1975

Я имею в виду музыку, живопись и скульптуры. Мы имеем привычку к старому искусству, которое имеет традиции, к которому пригляделись и сочли его за неопровержимую истину, нарушение которой не признается. Целый ряд старых техник из прошлого кажется неоспоримым. То что сделано более технически ловко – то считается более удачным. Этому художники долго и упорно учатся, так как достигнуть этого очень трудоемко. Ловкость рук, меткость глаза кажутся зрителю совершенством. Это кажется красивым. Нетрадиционное свободное искусство принимается в штыки, отвергается и охавается. Все время идет борьба между старыми традициями в искусстве и попытками творить беспардонно и свободно. Нарушение в искусстве привычного хаается и кроется матом. Сезанн, Гоген, Ван Гог – очень робко вводили в старое искусство свободу и новизну и были зело охаяны и не признаны, так как их попытки свободы в искусстве встретили решительный отпор. Должно пройти было много времени, чтобы их новизна была оценена. Традиции, шаблоны, стили, школы – теперь, для современного искусства, не обязательны и даже вредны. Это признание традиций реакционно – искусство должно быть свободным, кто как хочет, кто как может. То что когда-то было хорошо – теперь у современных художников звучит пошло, банально и бездушно. Старые традиции для нового, свободного искусства кончились. Будьте сами собой без навыков, традиций, старых стилей. Будьте новыми, не делая из этой новизны схоластики.

3 апреля 1977

Хилый старичок

Хилый старичок был. В силу добра уверовал оный старичок и, думая про это, умилялся.

Вышел он во двор и видит – два мальчика яростно дерутся.

– Милые дети, – сказал старичок, – не надо драться, вы убьете друг друга.

Остановились мальчики и говорят:

– Проваливай, старый хрен, пока цел.

И снова принялись драться. Тут выскочил дежурный начальник в яловых сапогах, дал одному в ухо, другому в зубы и потащил в участок.

– Больше не будем! – закричали мальчики, но было уже поздно.

А старичок пошел по переулку глухому. Выскочили двое из-за угла, закричали:

– Сымай пальто!

Не испугался хилый старичок и говорит:

– Милые братья, если вам надо пальто – берите. Но я слаб и хил, могу простудиться и помереть, и это будет на вашей совести.

Сняли с него пальто те двое, дали по шее и скрылись.

Вышел хилый старичок на площадь, а там стояли солдаты, готовые ехать на фронт колошматить врага.

Подошел к ним хилый старичок и говорит:

– Ребятюшки! Убивать грешно и противно человеческой совести. Бросайте оружие, идите в дома свои.

Загоготали солдаты, смешно им это показалось.

В это время сыскной агент подошел к хилому старичку, сгреб за шиворот и к главному доставил. Доложил сыскной агент главному, что и как. Главный говорит:

– Тюкните его побыстрее, только без шума.

Его и тюкнули.

В Блохину Таньку влюбился Сашка Колотильников, который был шофером. Он предложил ей с ним жить. Она не захотела, так как была еще девка шестнадцати лет. Он стал преследовать и грозиться. Она не соглашалась.

Раз она шла по узкому проулку, на коромысле воду несла. Заборы тянулись с обеих сторон. Вдруг Сашка на машине. Он стал по проулку вилять в погоне за Танькой... Она едва увертывалась.

Наконец он ее настиг и задавил насмерть. Этого никто не видел, и он скрылся.

Два варианта

Писатель начал свой рассказ из колхозной жизни так:

«Спиридонов, председатель колхоза “Вперед к победе”, проснулся, голова у него трещала после вчерашней попойки. Икнув, он матерно выругался и крикнул:

– Эльвира, готов чайник?

Рябая девка Эльвира, в подтыканной юбке и в мужских резиновых сапогах, что-то свирепо буркнула.

За окном избы мычали голодные коровы. Моросил дождь. Было уныло.

– Эх-ма, – сказал Спиридонов, – душа горит.

Добавя к этим словам еще несколько матерных выражений, он стал одеваться».

Нет, так не ладно получается, – сказал сам себе писатель, – так не пойдет. Он зачеркнул написанное и стал писать так:

«Спиридонов, председатель колхоза “Вперед к победе”, проснулся. За окном его нового дома, сделанного по последнему слову передовой техники, сияло солнце. Бодро мычали здоровые сытые колхозные коровы, весело и бодро пели рослые колхозные петухи, кудахтали добротные куры, готовые своими яйцами и цыплятами переполнить закрома горячо любимой родины...»

– Вот так-то оно лучше будет, – сказал сам себе писатель и облегченно вздохнул.

Жили люди.

Зима приближалась, а дров купить им было негде – за деньги не продавались, а выдавались кой-кому из главных. А они были просто люди.

Жил мужик.

Работал он на складе возчиком. Денег у мужика этого не было, а выпить он любил.

Увидал этот мужик, что у людей дров к зиме нет, пришел к ним и говорит: «Я вам дрова на зиму привезу, а вы мне 300 рублей за это гоните».

Обрадовались люди, согласились, – мир не без добрых людей. Пошел мужик на склад, украл четыре кубометра дров, погрузил на машину и привез. А люди радовались: «Теперь не замерзнем!» А мужик, получив деньги, натрескался как свинья и был доволен.

А начальники не заметили пропажи дров, а то бы они мужика этого затартарили лет на двадцать, как это полагается.

10 ноября 1956

Васька Жеребцов

(сказка)

Катичке

Жил-был Васька Жеребцов. Проживал он в бараке, а супротив, в другом бараке, жила Машка Пирожкова. У Машки Пирожковой коса была длинная-предлинная. Вот Васька Жеребцов и смекнул: косу бы ейную отрезать и из волосьев наделать лес для ловли рыбы в пруду.

А дело было так: пошел Васька Жеребцов на пруд и увидал там Ваньку Блохина и Митьку Подштанникова. Оба они сидели, рыбу ловили. – Вот бы мне рыбки половить, – сказал им Васька Жеребцов. – Где лесу достать только? – А ты волос раздобудь бабьих, и сам сплети лесу, – сказал Ванька Блохин.

Тут Жеребцова словно осенило. Ничего не сказав, он бросился домой к баракам. Прибежав, он схватил ножницы и стал ходить по двору, Машку выглядывать.

– Ейные косы аккурат подойдут, – думал Васька Жеребцов. Но Машка Пирожкова подозрительно глядела из окна на Ваську и даже сказала бабушке своей:

– Ишь, Васька ходит!

С опаской вышла Машка Пирожкова во двор и стала прогуливаться. Бросился к ней Васька Жеребцов, разверз острые ножницы и рукой ляпнул – хотел косу отрезать. Шарахнулась Машка, завизжала, закричала истошно, убежала она в свой барак. Спряталась.

На другой день бабушка говорит Машке:

– Иди пройтиться.

Машка пугается, не идет. А тут к ним пришла соседка, старушка Кобелева, и говорит тако:

– Ты почто пужаешься Ваську? Ты яво обмани, запрячь власы под косынку, дескать, в палихмахтерской остриглась.

Так Машка Пирожкова и сделала.

Подлетел к ней Васька Жеребцов, а она ему:

– Иди в палихмахтерскую, там моя коса.

Влетел в парикмахерскую Васька.

– Давай сюды косу Машкину!

А парикмахер ему косу Машкину не дает, а легонько выталкивает его. Разъярился тогда Васька, стал сошвыривать парикмахерские предметы на пол. Тогда парикмахер крикнул:

– Не приходила сюды Машка стричься! – и ударил Ваську Жеребцова по кумполу, а затем вытолкал.

Машка Пирожкова, пока Васьки не было, нагулялась вдосталь, а засим села она у оконца косящата, косу из-под косынки вызволила и сидит посмеивается, Ваське в окно ужимки делает.

Разозлился Васька Жеребцов на это, хотел стекло кирпичом разляпать, да раздумал...

Рассказала Машка Пирожкова отцу-матери про то, как Жеребцов косу ей отрезать хотел.

Подумали, подумали они, наняли подводу, да и переехали в другое место на новую фатеру.

23 сентября 1955

Вещи

Старые картины, книги, статуи, вещи, дома, церкви, крепостные стены – это следы ушедшей в вечность жизни. Жизнь прошла, а следы ее остались. Люди умерли, а вещи остались. Вот они, эти вещи. Смотрите на них, трогайте их руками, пишите о них разные рассказы.

Той жизни нет.

Остались только вещи.

15 декабря 1955

Нет, я не смог выбросить рубашку, которую подарила мне лет десять назад Оличка.

Это было свыше моих сил.

Я выстирал эту рубашку – эту прекрасную серую мною любимую рубашку – и она, совершенно целая, приобрела после стирки превосходный вид.

Я никогда, за всю жизнь, не покупал себе рубашку – я не знаю как это делается. В детстве, отрочестве и юности у меня были рубашки – их давала мне мамочка. А потом мне дарила их Оличка. И вот эта серая рубашка, которую я выстирал и выгладил – это Оличка подарила.

Есть у меня рубашка подаренная Вале́й, подаренная Гале́й, подаренная Катенькой, подаренная Еленой.

5 сентября 1974

Какая странная вещь – вещи! Ну, если это только просто пыль, сор, бумажки, консервные, стеклянные и прочие банки, поломанные стулья и прочие предметы; если это грязные обветшавшие тряпки и прочее, что не очень жалко выбросить, что уж явно – только мешает – ну тогда туда-сюда с этим еще можно расстаться.

Ну, а вот если более ценные вещи, например, кровати, еще крепкие табуретки, поношенные пиджаки и брюки, которые еще могут пригодиться, изобилие посуды – рюмки, чашки, стаканы, кастрюльки, сковородки и тому подобное; как это бросить? – это ведь очень нужно – это может пригодиться. Нет, нет – это надо хранить, беречь, копить!

Но самое страшное – это «ценные вещи»! – картины, гравюры, рамки, статуэтки, фарфор, фаянс, бронза, зеркала, драгоценные ткани и прочее. В общем, всё это вещи, и причем в огромном количестве, которые собираются и не дают человеку жить. Они убивают его, они умерщвляют его. Он за ними следит, обслуживает их, учитывает, классифицирует, вытирает с них пыль. А самое страшное то, что их «жалко», их «нельзя» выбросить на помойку и лишь с трудом можно кому-либо отдать, т.к. другому они «не нужны» и он их не берёт. Еще труднее их продать, т.к. они «ценные» и каждый скупится их покупать, а хочет получить даром.

А книги! Боже мой, какой тяжелый груз – книги! Ценные книги, нужные книги, необходимые книги, любимые книги, просто книги, книги, книги. Как трудно расстаться с этими книгами! И как они тяжелы! Их надо хранить. Для них нужно помещение. Нужны шкафы, полки, стёкла. От них исходит пыль, от них душно и их нельзя выбросить.

Ладно если удастся с себя сбросить этот «нужный ценный груз» и передать его некоему милому человеку

или с болью в спине притащить в лавку, где «сегодня не принимают, принесите во вторник», а потом продать эти «ценные книги» за бесценок в этой самой лавке.

Лучше не иметь вещей! Хорошо бы просто жить на такой теплой тихой планете, где нет ни ветра, ни дождя – и ходить совсем нагишом, любоваться на дивные растения и плоды, которые ничьи, а просто Божьи, и просто цветут и растут. Любоваться на пейзажи, на прекрасных нимф, дышать чудным радостным воздухом – и бесконечно жить и чувствовать некое дыхание Духа Святого.

8 декабря 1974. Ночь

У нас и у вас есть вещи. Но ведь это только миллионная (если не меньше) часть вещей и разновидностей вещей, которые существуют у других людей, в музеях, кунсткамерах и в разных странах. И вот мы страшно ценим и дорожим теми вещами, что есть у нас, и нам, порой, невозможно с ними расстаться. А, между тем, те миллиарды вещей (не наших), которых у нас нет, существуют, но мы к ним относимся равнодушно, хотя знаем, что среди них есть очень ценные вещи. Но мы не хотим их иметь, мы знаем, что они *не наши*, и нас это не тревожит. Конечно, есть среди людей такие, которые хотят всё захватить, всё прикарманить, всё цапнуть; такие люди, правда, встречаются очень редко. Основное правило у человека: «Своего не отдам – чужого не надо». Но раз «чужого не надо», то для чего так уж дорожить своим? – Не лучше ли, чтобы себя чувствовать более легко и свободно, постепенно и по возможности отделяться от этого «своего» – раздавая оное милым людям, а худое просто выбрасывая.

У человека (совсем без вещей он не может жить в нашем мире) должно быть возможно меньше этого груза. И к этому надо сознательно стремиться. По возможности, надо быть свободным от вещей. Тогда будет легче жить.

8 декабря 1974. Утро.

Некоторые думают, что стихи, сказки и прочее, что я пишу – это вещи. Некоторые думают, что рисунки, гравюры, картины, что я рисую – это вещи. Нет, это не вещи – это мое творчество. Но есть ли у меня вещи? Да, есть. Вот, например, – мою кровать, два санаторских белых шкафчика и табуретку – Оличка получила когда работала в санатории. Ни Олички, ни санатория нет, а вещи остались. Вот два шкафа – один для книг, другой для посуды – их привез мне и Оличке Оскар Рабин десять лет тому назад, когда переезжал на Преображенку из Лианозова. Проигрыватель купил я сам на свои кровные, а приемник Лёва и Оскар, очень давно, подарили Оличке на рождение. Вот стул и две табуретки. Их подарила девушка Марина. Возможно, еще есть что-то, но такое мелкое, что и не запишешь.

Почти все вещи, имеющиеся у меня, или кем-то подарены или от чего-то остались. Но так хорошо, что их у меня мало.

1 января 1975

Кладбищенский эпизод

Ходил человек по кладбищу. Он был меланхолик и любил присоединяться к похоронным процессиям и провожать покойников. Однажды был такой случай: принесли покойника к вырытой могиле. Тут была довольно большая толпа провожающих, т.к. умерший был не простой смертный, а ответственный работник. Человек, ходивший по кладбищу, тоже присоединился к толпе. Вдруг он увидел, что по дну вырытой могилы бегают и мечется мышь. Он понял, что сейчас вот в эту могилу опустят покойника, и гроб раздавит эту мышь, или, еще хуже, ее живую засыпят землей. Этот человек не стал долго думать: он прыгнул в могилу и стал в ней ловить мышь. Мышь от него очень проворно убежала, но когда он все-таки ее поймал – она от отчаяния больно укусила его за палец, но он успел ее выбросить из могилы. Не тут-то было: ответственная работница – одна из провожающих покойника – бесцеремонно раздавила ее каблуком.

20 декабря 1974

По учению церквей – так: Земля – Ад – Рай. На Земле нагрешил – иди в Ад, не нагрешил – отправляйся в Рай. А у язычников было так: земля – это, если хотите, рай для человека, побыв в коем – всё равно нагрешил ли ты или не нагрешил – отправляйся в Ад – царство теней, к Плутону и его супруге Прозерпине. Земной рай, земная жизнь кончилась. А вот рая никакого не было – был Олимп – обиталище богов. Боги, если им что-нибудь нравилось на земле, делали очень просто: обращались в золотые монеты и беременили Данаю, скрытую в подземелье; обращались в лебедей и совокуплялись с Ледой – это им ничего не стоило. А в то же время и Плутон посылал чертей из Аида в «земной рай», где жили живые, еще не умершие люди, чтобы там напакостить, ускоряя отбытие из «земного рая».

В древние времена жил некий Орфей. Занимался он тем, что играл на лютне и пел. В те далекие времена, когда не было Чайковского, Бетховена и Шопена, брэнчанье на лютне и пенье Орфея казались потрясающе красивыми и ценными. Народ, звери, рыбы и птицы заслушивались и были в восторге. Даже сам Аполлон прислушивался к этому пенью и игре на лютне.

Не мудрено, что и Эвридике это пенье понравилось настолько, что она отдалась Орфею и стала его женой. Орфей же, сугубо влюбившись в Эвридику, стал петь и брэнчать на лютне еще более энергично. Но черти плутоновы не дремали – им надоело это пенье Орфея и они решили его аннулировать. С этой целью один из чертей обратился в ядовитого змея; и такую нежную и хорошенькую Эвридику бесцеремонно тяпнул за ногу, впусив в нее свой смертоносный яд, отчего Эвридика умерла и отошла в царство теней, в Аид.

Такую хорошенькую нежную Эвридику следовало бы поместить в Рай, но Рай тогда еще не было – он появился значительно позже.

Но черти просчитались – вместо того, чтобы после смерти Эвридики Орфею замолчать, он стал петь еще громче. Кроме того, он, надоев своим пеньем Харону, добился того, что Харон перевез его в Аид, и он, зная мягкосердечье женщин, не пошел к Плутону, а подъехал к его жене Прозерпине. Прозерпина, увидев молодого красивого мужчину, который пел ей о своем горе, решила выпросить у Плутона выдачу Эвридики Орфею. Плутон, зная, что это неправильно, долго упирался, но, наконец, согласился на том, что когда Орфей будет итти, а Эвридика следом за ним, – чтобы он не оглядывался – иначе все дело пойдет насмарку. На том и порешили: впереди шел Орфей с лютней, а за ним тень Эвридики, еле зримая.

Но черти тут маху не дали – зная, что Орфею нельзя оглядываться, они, гнусно хихикая, стали щекотать и щипать тень Эвридики и она от ихних противных прикосновений к ее тени взвизгивала. Орфею эти взвизгивания Эвридики показались ужасными и он обернулся, чтобы этих проклятых чертей оглоушить своей лютней – и все пропало: бедная нежная, хорошенькая, добрая Эвридика осталась в Аиде в виде тени на вечные времена.

21 декабря 1974

Иоганн Себастьян Бах – выходец из народа. Детство и юность его прошли в большой бедности, и он с молодых лет возненавидел буржуазию и царизм. Хотя отец его и родные работали на заводе, Иоганн Себастьян Бах, ввиду имевшихся у него в наличности музыкальных способностей, стал сочинять музыку. Он с неприязнью относился к церковникам и ханжам и хотел посвятить себя гражданской музыке, сочинять народные оперы и песни, используя при этом исключительно народный, горячо любимой родины, фольклор. Сильно бедствуя, ему для поддержки своей жизни пришлось обратиться к попам и монахам, чтобы там играть на органе в ихней церкви. Попы и монахи носом чувствовали, что Бах им враждебен, что он борется за народ, и поэтому всячески притесняли его, заставляя сочинять мессы и кантаты. «Мне бы оперу сочинить на народные темы и в основу положить бы освобождение народа от захватчиков, а мне приходится писать мессы и кантаты» – не раз говаривал Иоганн Себастьян Бах. Но за ним следили. Иногда делали у него на квартире обыск, желая найти среди месс и кантат революционную песню, призывающую бедноту к избиению кулаков и попов. Обыск оканчивался ничем, так как Иоганн Себастьян Бах тщательно прятал все революционное, но по вечерам, тайком от жандармов он все-таки ходил в бедняцкие районы и там разбрасывал в виде прокламаций свои гениальные революционные песни, которые бедняки и оборвыши быстро выучивали и, собираясь группами, выходили на площадь и пели эти песни, где их заслушивался простой народ. Крикнув несколько раз «Ура!» (по-немецки слово «ура» произносится как «уря»), они расходились по своим лачугам, так как из-за углов показывались становые и урядники.

Иоганн Себастьян Бах, чувствуя, что его труд даром не пропал, сочинял новую вольнолюбивую песню. Затем он шел в Церковь и там на органе исполнял свою мессу. Мальчики пели. Молящиеся молились.

Вот новые данные из новой биографии Иоганна Себастьяна Баха.

Вежливый милиционер

Я шел с Северного. Подойдя к дому, я увидел милиционера – он вылил помой и с пустым ведром пересек мне дорогу. Но не дал мне пройти и сказал: «Я с пустым ведром пересек вам дорогу», – и тут же он шагнул обратно с пустым ведром. Мне пришлось переходить дорогу, которую он дважды перешел с пустым ведром, но он был доволен и сказал: «Теперь идите – я аннулировал переход с пустым ведром».

1974

Переход

На этом переходе в восемнадцать моих шагов мчатся автомобили всех сортов. Приходится, чтобы перейти, дожидаться 5–10 минут. Шофёры особенно лихо любят тут мчаться. Я иногда видел раздавленных собак на этом переходе.

Сегодня я увидел там раздавленную молодую женщину. Когда я подходил к переходу, то заметил, что и с той и с другой стороны медленно двигались огромные шеренги автомашин. Когда я подошел к переходу, я увидел большую желтую машину с надписью «Милиция» и нескольких милиционеров. На шоссе лежала мёртвая окровавленная молодая женщина, прикрытая белой тканью, на концы которой были положены большие камни. Густые коричневые волосы были видны. На шоссе была кровь, которая вилась струйками.

Милиционер задержал медленно идущие машины, и я перешел через шоссе мимо этой женщины. Меня охватил какой-то нервный трепет и мне стало ужасно жалко эту женщину. Я стал за нее молиться Богу. Я даже заплакал. На обратном пути я видел, как отъезжала больничная машина с погруженной на нее мертвой молодой женщиной. Место на шоссе, где она лежала и была ее кровь, уже посыпали песком. Я перешел шоссе, где еще стояла милицейская машина, и сказал главному милиционеру: «Тут всегда несутся машины, и надо бы повесить красный и зеленый светофор, т.к. переходить в этом месте очень опасно». Он очень вежливо мне ответил: «Это не наше дело, мы тут ни при чем».

30 сентября 1975

Что самое страшное

У человека и зверей самое страшное
Лицо – морда. Оно глядит, разевает пасть,
Скалит зубы, чавкает, чамкает,
Говорит, хохочет, лает, мычит, ржет,
Корчит сладострастные и плаксивые гримасы;
Являет ненависть, злобу, ярость.

А потом: живот – выпуклый, округленный, –
И в нем жуткая клоака движущихся кишок и прочего.

А потом: половые органы. Они страшны своей
Наивной загадочностью, в которой скрыто таится
Продолжение рода. Они маскируются, стыдятся,
Пока у них не пробудится неистовство.
Как страшны они!

Страшно тело: зады и груди (особенно у матерых женщин).
Но самое страшное: лицо – морда – рыло.

1975

Младые девки с корзиночками в лес пошли. Собирали ягоды, а ягод было много. Набрали полные корзины, собрались все вместе и, чтобы отдохнуть, сели на жердочку. А севши, стали они ногами босыми болтать. Болтали, болтали и перепутали ноги-то. Вечереть стало, и надо бы домой в деревню итти, а итти не могут – каждая не поймет, где ее ноги. Что тут делать, стали девки аукать. Аукали, аукали, и выходит из дрёми лесной леший старик и прямо к девкам.

– Дедушка, что делать, нам домой иттить пора, а мы ноги перепутали!

– Дело поправимое, – сказал леший старик, – сейчас!

Тут он взял палочку и стал их бить по голым пяткам: как ударит какую по пятке – она сразу ноги свои находит, соскакивает с жердочки, берёт свою корзину и идет к деревне, а лешему старику говорит: «Спасибо, дедушка!»

19 января 1975

Однажды, придя в лавку, Иванов увидел четвертинку «Русской горькой» за 2 р. 14 к. Дьявол опьянения посоветовал ему купить ее. Иванов отсчитал деньги – 2 р. 14 к., но положил их обратно в кошелек и отошел от зла. Отойдя, Иванов, искушаемый Дьяволом опьянения, снова вернулся, чтобы купить четвертинку, и снова отошел от соблазна и пошел домой. Он даже подумал: Ангел-хранитель спас меня от искушения.

Когда же он подошел к дому – навстречу выбежала девушка двадцати лет и сказала: «Вы меня не узнаете?» Он узнал ее и вошел с нею в горницу.

Соблазн Дьявола женской плоти был неотвратимее, чем соблазн Дьявола опьянения.

20–24 мая 1975

Чувства плоти

Плоти человека в основном даны шесть внешних чувств: осязание, зрение, слух, вкус, обоняние и половое чувство.

Болезни, форсированное злоупотребление этими чувствами и старость – ослабляют, а порой уничтожают эти чувства – иногда частично, иногда полностью.

Осязание самое стойкое чувство.

Зрение и слух менее стойкие: видел – теперь ослеп, слышал – теперь оглох. Вкус тоже может снизиться, но совсем пропасть не может, т.к. он связан с питанием организма. Потеря вкуса (если человек еще не умирает) может быть пониженной и временной. Самыми непрочными чувствами являются обоняние и половое чувство. Обоняние может пропасть от старости или от недуга. Что касается полового чувства – оно кратко-временно, т.к. имеет целью продолжение рода, а когда эта надобность, с возрастом, кончается – это чувство сильно ослабевает и пропадает.

Пропадает половое чувство еще и от злоупотребления. Например, третья часть мужчин не может к 40-ка годам не только зародить ребенка, но и совокупиться. Женщины к 40-ка годам отцветают, и их возможность родить пропадает, а совокупления делаются бременем, или если есть, то как «воспоминание своей молодости». Проститутки же почти не чувствуют удовольствия при совокуплении, а многим это не приятно, но делают они это для заработка.

Кокетливый человек, лишенный чувства обоняния, может сказать: «ах, как чудно пахнут эти ландыши». Так и молодящаяся женщина в 40–50 лет при совокуплении может показать (искусственно, конечно) свою сугубую девственность.

Может человек, потерявший зрение, «прослыть за гения художника», если он это умеет сделать. Но законы

природы – старость, болезни, недуги – делают в основном свое дело.

Как в каждом правиле могут быть исключения – могут существовать и старики, сохранившие все чувства плоти, благодаря ли наследственности или не злоупотреблениям и разным причинам. Но это редко.

21 марта 1977

Неудачный звонок

Ах, я был тогда совсем молодой. Некий Евграфыч устроил меня конторщиком на завод «Динамо».

Моя обязанность состояла в том, что я должен был звонить в разные учреждения, заводы, артели, предприятия – и то заказывать, то справляться, то узнавать – по тем данным, что были у меня под рукой. В отличие от прочих конторщиков в других учреждениях, я получал не 30 рублей, как они, а целых 50. На 50 рублей в те далекие времена можно было купить целый костюм (брюки, пиджак и жилет) шерстяной, пальто (очень хорошее) и штiblеты. А на продукты было так: 200 мешков картофеля – каждый мешок по 3 пуда, или 50 пудов роскошной настоящей пшеничной муки без всякой кукурузы. Водки бутыл в то время стоила всего 40 копеек.

Когда я получил первую зарплату – 50 рублей, то сосед по столу некий конторщик Мазуран сказал мне: «Вот мы сейчас с вами сначала пойдем выпьем и закусим, а потом на всю ночь отправимся к девочкам». Но нет – я был в те поры еще очень застенчив, наивен и тих.

Водку я еще ни разу не пил, а к «девочкам», хотя и чувствовал влечение, боялся близко подойти.

Мазуран был крайне недоволен моим отказом на полученные 50 рублей выпить и идти к девочкам, но я остался тверд и непоколебим. Взяв с собой полученные, заработанные 50 рублей, я отправился домой.

Но вот какое несчастье чуть было не случилось со мной. Бесчисленные звонки по телефону разных предприятий и учреждений – ответы на них – и вдруг какой-то непонятный говор по телефону. Я ничего не понял и что-то непонятное ответил. Через несколько минут в наш отдел вошел солидный немец Кальхедт. Оказалось, это один из директоров завода «Динамо». Я его видел первый раз. Он был грозен и сказал: «Кто звонил мне, я этого не потерпел». Все служащие

молчали. Он продолжал: «Я звонил и мне не ответил, кто? Я не потерпел этого! Я буду отказывать!»

Он, рассерженный, ушел.

Слава Богу, на этот раз дело обошлось благополучно, и я остался конторщиком «Динамо» и целый год получал по 50 рублей.

По вечерам я ходил в университет Шанявского, где учился три года на историко-философском факультете.

25 марта 1977

Как я сделался делопроизводителем

Начальника, где я и четыре девушки работали, звали Сруль Есильсон. Служащие из других отделов не могли выговорить его фамилию и звали его, между собой, товарищем «без кальсон». Сруль имел важный начальственный вид и когда говорил: «чаю!» – одна из девушек бросалась и приносила ему стакан чаю. Раз все девушки ушли обедать. Есильсон, видя меня, сказал: «чаю». Я молчал и не двигался с места. Тогда Сруль грозно сказал: «я вам велел принести мне чаю». Я ему ответил: «принесите мне чаю, я чай пить хочу». Есильсон убежал к директору.

Директор Иванов вызвал меня и сказал: «вы переводитесь на работу без начальника, в качестве делопроизводителя».

Такое повышение меня очень обрадовало.

24 марта 1977

Была бабка старая и одинокая шестидесяти лет. От смертной тоски и одиночества она стала на дворах собирать голодных кошек, и набрала их пять. Кормила и гладила.

А был мужик-кошатник с фургоном. Он ездил и по дворам собирал кошек, которых сдавал на кошбазу, где их вспрыскивали и сдирали с них шкуру для меховых женских пальто.

Эта бабка знала про это и потому своих кошек не выпускала из комнаты, а сделала им уборную из плоского ящика с землей. Но однажды одна кошка выбежала во двор, а там был этот мужик-кошатник. Он схватил бабкину кошку и сунул ее в фургон.

Бабка выбежала с пятью рублями и стала давать их мужику-кошатнику, чтобы он отдал ей ее кошку. Мужик-кошатник деньги взял, толкнул бабку, и бабка эта упала и сломала себе бедро. А мужик-кошатник уехал.

Бабку отвезли в больницу. Врачи сказали: можно бы операцию сделать, да стоит ли возиться с этой старушенцией – она «свое отжила».

К бабке в больницу пришла соседка, и бабка сказала, что она надеется на исцеление, и была довольна.

На другой день соседка опять пришла проведать бабку, но бабка была мертва. Ее вспрыкнули смертельным ядом.

17 июня 1977

1. Вступление

Не систематически, не последовательно, а так, что вспомнится, – так вот, я решил сделать запись о Филарете Ивановиче Чернове, моем друге и замечательном поэте-лирике, родившемся в 1877 г. в городе Коврове и умершем 4 декабря, в 8 часов утра, в 1940 году в Москве.

2. Келия

Узкая комната, диван, маленький письменный столик, где обедают и пьют чай, табуретка и стул – вот и вся обстановка комнаты, где проживал Филарет Чернов в Москве в Малом Факельном переулке.

Стены комнаты были сплошь покрыты вырезками картинок из «Нивы», «Родины», «Пробуждения» и прочих иллюстрированных журналов. Все эти вырезки крепко приклеивались к стене, одна к другой, и получалось нечто вроде обоев. Комната всегда была чисто прибрана, на оконце стояли цветы герани и бегонии, около письменного стола виднелся бюст из серой глины хозяина этой комнаты Филарета Чернова. Комната напоминала келию.

3. Голуби

Вся небольшая площадка, с бульжной мостовой, двигалась, переливалась серо-радужными переливами – это было как-то странно, почти нереально. Среди площадки стояла баба с корзинкой семян, и когда кто-либо, любивший интересные зрелища, покупал у этой бабы семя и бросал на мостовую – эта живая колеблющаяся мостовая бурлила тысячью сизарей, и это было очаровательно. Филарет Иванович, весь загоревшийся, с блестящими глазами, быстро пошел к зрелищу. Я поспешил за ним.

– Вот жизнь, какая радость жизни здесь, – сказал он, – и как много здесь русского, старинного!

4. Первый раз

Я помню (это было в Перове), отец однажды приехал не один, с ним приехало двое.

Один был солидный и большой – это был замечательный певец Александр Григорьевич Ляхович. Другой был молодой, широкоплечий, плотный человек с каким-то рысьим взглядом и негладкой кожей на лице – это был Филарет Иванович Чернов.

Я тогда был еще очень мал, но помню, как эти двое произвели на меня большое впечатление.

Да, Чернов тогда же читал свои стихи.

Я это помню... Я первый раз тогда увидел его.

5. Конец

О, слово странное «конец»,

Конец – нет жизни боле.

Е. К.

И вот конец!

Конец наступил 4 декабря 1940 года. Кремация 7 декабря в 12 часов.

Он умер в психиатрической больнице.

Я зашел как-то на квартиру к Чернову.

Необычный случай: Чернова не было дома.

Через неделю я снова зашел: мне сказали, что его нет дома.

Я заходил через известные промежутки, и каждый раз его не оказывалось дома.

Однажды жена сына Чернова пригласила меня в комнату и рассказала следующее:

Последний раз запой продолжался больше обычного (обычно он пил 5 дней, после чего наступала мучительная реакция).

Мученья после запоя были на этот раз нестерпимыми. Эти мученья были настолько тяжелы и невыносимы, что Чернов пробовал несколько раз вешаться.

Повеситься ему не удалось: его отправили в дом умалишенных.

В доме умалишенных он долго страдал.
Он упросил жену, Нюру, взять его из больницы,
но тоска была так невыносима, что он принял
за старое: вешаться.

Пришлось второй раз отправить в психиатрическую
лечебницу.

Через год он умер.

6. Запой

«Глубокоуважаемый Леонид Иванович, обращаюсь к Вам с большой просьбой, в надежде, что Вы сделаете все от Вас возможное, чтобы выручить меня из безвыходного материального положения, о каком Вы и не представляете. Вам, вероятно, не безызвестно, что в последний мой несчастный запой я был какими-то ворами обобран совершенно, буквально до нижнего белья, и брошен в канаву, где едва не утонул».

Так писал Филарет Чернов моему отцу.

Мне он неоднократно и подробно рассказывал о своих запоях. Ночлежки, Хитровка, участки, канавы, троттуары, мостовые и проч. – вот те места, где в беспамятстве опьянения находился он во время запоя.

После запоя обыкновенно наступала мучительная реакция. Было настолько тяжело, что, по его словам, ему хотелось наложить на себя руки.

Помню, как однажды, когда он обедал у нас в Царицыне, он за обедом выпил две рюмки водки.

На другой день отец сообщил, что Чернов запил.

Незадолго до смерти мы с ним были у художника Мещерского, – Чернов там выпил вина, и после этого он запил, и эти запои уже продолжались до последнего, вышеупомянутого запоя.

Однажды я вошел к нему – он лежал со сломанной ногой. Выяснилось: хотел идти за водкой, жена Нюра не пускала, тогда он бросился из окна.

Отец Чернова был в городе Коврове заведующим водочного предприятия, где делали спирт и водку. Он страдал жестоким запоем, который продолжался по месяцам. Во время таких запоев отец Чернова выбегал из города, бежал по дорогам, полям, лесам – ему казалось, что за ним гонятся черти.

Говоря о своем запое, Филарет Иванович всегда связывал это с наследственностью.

7. Мнительность

Если во время запоев Чернов не жалел себя, и подчас смерть ему была даже желанна, то в дни трезвости им овладевал сильный испуг перед смертью: он кутался, носил пальто и калоши даже в жаркую погоду, наблюдал, чтобы все форточки были закрыты, и сидел в своей горлице-келии тепло одетый, в валенках и т.д.

Он любил уют.

8. Рак

Однажды, когда у него заболел живот – он подумал, что это рак. Он пришел в ужас. Но ему казалось, что его поэзия может погибнуть, что он не успеет написать должного количества, чтобы утвердить себя в мире, как поэта. Тогда он рассчитал, что рак длится около года и за это время он сумеет написать энное количество стихотворений. И вот он принялся усердно, не теряя драгоценного времени, сочинять стихи.

В последние годы жизни ему самому это казалось странным.

– Мне сейчас решительно все равно, что будет с моими стихами после моей смерти, останутся они или пропадут, – говорил он.

И уже больше не писал стихов.

9. Уничтожение стихов

Иногда Филарет Чернов начинал уничтожать свои стихи. Делал это он с каким-то мучительно-сладоэротическим чувством. Все то, что ему казалось лишним или слабым, он уничтожал. И уничтожая свои стихи, он часто уничтожал исключительно сильные вещи. Потом он писал новые стихи с новым подъемом, с новым вдохновением. Он уничтожал письма, которые он получал, рукописи других поэтов, книги и т.д.

Какое-то садистическое чувство владело им при этом уничтожении, и он, рассказывая мне, как он это делает, всегда себя не только оправдывал при этом, но и находил, что это так и надо делать.

– Я написал свыше 5 тысяч стихотворений, – говорил он, – и так мало у меня осталось.

– Я иногда, – говорил он, – садился и неделями писал, писал, писал. Писал по сотне стихотворений, какое-то безумие, припадок творчества овладевал мною, и я писал, писал. Потом я уничтожил написанное.

10. Бездна

Однажды Чернов приехал к нам на дачу в Царицыно. Мы пошли с ним к моим теткам, которые жили на втором этаже маленькой дачки с балкончиком, выходящим на крохотный овражек. Чернов вышел на этот балкончик, заглянул в овражек – и вдруг быстро отскочил, крикнув испуганно: «Бездна!!»

11. Цилиндр

Когда мы жили на даче в Перове, Чернов часто приезжал к нам. Он был тогда молод и одевался очень нарядно. У него были длинные волосы, спускающиеся на плечи, на голове у него был надет цилиндр. Весь вид его был тогда крайне оригинальный.

12. Аннушка

В Перове у нас жила девушка лет 26. Чернов часами сидел с нею на террасе и что-то тихо-тихо шептал ей. Я помню его горящие глаза, от него веяло страстью. Эту девушку звали Аннушка, она сильно хромала на одну ногу, и вся она была земная, вся влекущая земной плотью, и я, будучи еще ребенком, ощущал в беседах с нею Чернова какую-то непонятную мне тогда напряженность, что-то влекущее и жуткое. Когда я к ним приближался, Аннушка говорила мне: «Деточка, не мешай, видишь, мы разговариваем».

Мне это было неприятно, и я отходил от них.

13. Детство

Эх, какое детство было у Филарета Ивановича Чернова! Он любил свое детство, любил рассказывать о нем, и рассказывал подолгу и с увлечением.

В центре его детства стояла его мать. Мать свою он страшно любил и воспоминание о матери осталось в нем

на всю жизнь, как что-то лучезарное и бесконечно теплое. Вся нежность души его связана с матерью, все лучшие чувства его хранили как драгоценность – мать.

Всё громче детства голоса,
Всё ярче милых лица,
Младенческие небеса,
Младенчество мне снится.

Босоногий мальчик бегал по городу Коврову, с увлечением играя с прочими мальчишками этого города.

Многое рассказывал Чернов, многое вспоминал, и все мечтал написать большую, интересную книгу о своей жизни, о своем детстве.

14. Цыганка

А вот когда Чернову было 12 лет от роду, готовились к свадьбе в доме отца, выдавали кого-то замуж. Родственницы понаехали для приготовлений к свадьбе, шитья приданого и проч. И стало людно у Черновых. Чернов спал на женской половине на полу и постель стелил свою рядом с спавшей около него цыганкой, тоже имевшей какое-то отношение к свадьбе и к дому Черновых.

И однажды ночью получилось так, что цыганка, лежащая рядом, по соседству, соблазнила мальчика. Их ласки продолжались довольно долго, но вот однажды отец позвал Филарета и запретил ему спать на женской половине.

Как страстно и настойчиво преследовал и умолял он цыганку! Напрасно – она... Она, видимо, больше не смела продолжать начатое, видимо, отец и с нею имел разговор.

15. Кухарки

Любовная страсть у Чернова была огромна. Начав любовную близость с женщиной в детстве, с 12-летнего возраста – он пронес ее через всю жизнь до старости.

Он уже не мог остановиться, и объектами его страсти, пока он жил в родительском доме, были кухарки, служившие у Черновых.

Он подробно рассказывал мне о своей страсти к женщинам на протяжении всей своей жизни и всегда говорил при этом, что его поэтические увлечения питались этой страстью, этой жадной любви и сближений.

16. Изнасилования

Но порою его страсть доходила до звериности, до иступления. Он рассказал мне однажды, как он на протяжении своей жизни пытался изнасиловать и изнасиловал несколько женщин.

17. Монастырь

Бабушка Чернова и его мать были очень набожны, и эту набожность, наивную веру, воспринял от них Филарет Чернов; и когда он был молод, захотелось ему уйти от мирских бед, в монастырь, укрыться там и грехи замолить свои.

Взяли его в монастырь, поставили келейником при отце игумене, и жил там Чернов, Богу молился, горницу отца игумена убирал, посох подавал ему, лампы управлял и жил сначала мирно.

Но бес начал мучить Чернова – и решил он, что пресвятая богородица вовсе не богородица, а так себе вроде девки гулящей. И стал он ересь эту на берегу озера двум монахам рассказывать.

Не понравилось это монахам. Столкнули они его в воду и чуть не утопили. Едва спасся.

18. Пьянка

В монастыре иной раз начиналась гульба да пьянка. Филарет Чернов участие тут принимал большое. Да все сходило тихо-мирно, отцы были люди тихие, смиренные, наивные, молодежь не шибко преследовали.

19. Убийство

Но когда кончилось дело убийством, позвали Филарета Чернова к монастырским начальникам и попросили удалиться из монастыря. И пошел, пошел он по дорогам и все боялся, все опасался, как бы это послушники в лесу не подстерегли его да не убили бы в отместку за убитого.

И все представлялась ему вчерашняя попойка, и как это он все за топор хватиться хотел, и потом была драка, и кровь, лужа крови, и человек в рясе с окровавленной головой.

И припоминал он, как его схватили, связали и отвели к игумену...

И шел он, и боялся, и глядел на темный лес.

Шел в мир...

Этим кончилось пребывание Чернова в монастыре.

20. В Москве

В Москве Филарет Иванович устроился конторщиком. Всю свою жизнь до революции он работал в Службе Сборов Московско-Курской железной дороги в качестве конторщика. Поступив на жел. дорогу, Чернов познакомился с моим отцом, Леонидом Ивановичем Кропивницким, человеком очень культурным, любящим искусство, обладавшим прекрасным голосом, умевшим исключительно хорошо читать стихи, понимавшим и ценившим поэзию.

Отец был писателем, прозаиком, напечатавшим несколько рассказов. После его смерти остались рукописи в количестве 30, которые я сдал в Литературный музей на Волхонке Бонч-Бруевичу.

Чернов в дни своей молодости крайне нуждался в поддержке опытного, культурного руководителя, т. к. он образования не получил, окончив только начальную школу.

Отец мой для Чернова явился именно таким руководителем. Обнаружив в Чернове поэтический дар, Леонид Иванович зорко следил за развитием его таланта.

Я припоминаю, как он частенько приносил его рукописи, исправлял их, писал о них отзывы и поправлял бесчисленные грамматические ошибки.

А Чернов все рос и рос как поэт и, будучи очень способным и умным человеком, быстро научился и правописанию, и подлинно поэтическому отношению к творчеству, и технике стиха.

Когда отец однажды спел ему какой-то романс, Чернов был так поражен этим, что написал и посвятил отцу следующее стихотворение:

Ты запел... Голос твой зазвучал,
Полились невеселые звуки –
Я в них много любви услышал
И страстей преждевременных муки.

Ты всё пел и всё пел... Я стоял,
Пораженный могучей душою –
Голос твой, замирая, рыдал
И сливался с сердечной тоскою.

21. Почерк

В результате упорной и длительной работы над почерком, Филарет Чернов достиг изумительных результатов в писанин букв и слов. В то время как у большинства пишущих существует какое-то наплевательское отношение к тому, как они пишут, а иной так пишет, что сам черт там ничего не разберет, Чернов, обладая хорошим вкусом и стремлением к уютности, шаг за шагом выработывал свой почерк – и достиг блестящих результатов. Сначала он писал, как многие – ахово, но начав работать над своим почерком, он стал писать с наклоном в обратную сторону, затем прямо, затем косо, и наконец опять прямо. Сначала он писал крупно, потом страшно мелко и наконец, выработал тот стиль почерка, которым писал все время. Он ненавидел расхлябанные, бесшабашные почерка и часто говорил:

– Смотрите, как этот субъект размахнулся, он не жалеет бумагу. То, что он здесь написал на целой странице, у меня бы уместилось на осьмушке страницы. А вот, поглядите эту рукопись – ничего не разберешь. Ах, какая небрежность, как противно смотреть на это! – И он рассказывал, как однажды из одной редакции, где обычно непринятые рукописи уничтожались, ему прислали обратно его непринятые стихи и написали: «Так хорошо написанную рукопись мы не решились уничтожить и высылаем Вам обратно».

22. Н. Н. Яновская

Войдя в наше семейство, Чернов познакомился с сестрой моей матери, Надеждой Николаевной Яновской, впоследствии носившей фамилию своего мужа Матвеева.

Яновская была для Чернова единственной и притом беззаветной любовью, которую он пронес через всю свою жизнь.

К ней относится масса посвященных ей стихотворений.

Моя любовь уже не на земле, –
Она ушла в эфирность созерцанья.
Тень светлая ложится на челе,
Тень светлая от самого страданья.

Или:

Ты приснилась мне зыбкой и нежной,
Как туман предрассветный,
Я любил безнадежно,
Я любил безответно.

23. Письмо

Глубокоуважаемая Надежда Николаевна!

Посылаю мои скромные стихи или, вернее, часть души моей. Вы – чуткая, вы – нежная, поймете, как будет невыразимо-болезненно всякое постороннее прикосновение к тому, что для меня так сокровенно-интимно. Говорю вам открыто и прямо: я вас люблю! И право любить вас – это мое право, и вы его у меня не можете отнять.

Ваше право только не ответить на мое чувство, как вы уже раз не ответили на него. Ваше право еще больше: вы можете не принять и моих тайных признаний. Пусть так: моя любовь уже привыкла быть безнадежной!

Вот я написал это письмо, и мне страшно посылать его: я боюсь, что оно будет последним.

Ваш раб и поэт

Филарет Чернов.

Я жду: откликнетесь ли вы?! Но не пугайтесь, не на любовь мою, конечно... На письмо...

24. Марья Васильевна

Любя Н.Н., Чернов решил устроить свою семейную жизнь, и женился на девице Марье Васильевне, от которой имел двоих детей: сына и дочь.

Я никогда не был знаком с Марьей Васильевной. Приходя к нему, я проходил в его комнату и только с ним проводил время, но издали я видел какую-то старуху, бродившую по комнатам. Она плохо видела и плохо слышала; потом она и вовсе оглохла и ослепла. Печальная участь была у нее. Детей его я тоже не знал, видел мельком и даже не запомнил их.

25. Девушка

Когда я еще был очень молод и к Чернову не ходил, отец рассказывал, как Чернов завел роман с какой-то девушкой, которая сильно полюбила Чернова, и как он был к ней бессердечен и как это печально для нее кончилось. Для него, видимо, это было одно из бесчисленных любовных приключений.

26. Нюра

Однажды, зайдя к Чернову, я в его комнате нашел молодую женщину лет 25. Чернов сказал:

– Познакомьтесь – это Нюра, моя сожительница, моя жена.

Мы познакомились. Чернов вышел. Нюра сказала:

– Он такой культурный мужчина и поэт, мне тоже надо культивироваться.

Она, как рассказал мне Чернов, была нянкой у ребенка дочери и жила тут же. Однажды Чернов, невзирая на присутствие в этой своей квартире Марьи Васильевны, сына и дочери и проч. родственников, предложил Нюре стать его второй женой.

Она согласилась, переехала в его комнату, и они стали жить вместе.

Этот поступок Чернова вызвал крайнее неудовольствие не только всей его семьи, но и некоторых его знакомых и друзей, которые, видимо, были шокированы подобным. Но лично я, зная вообще довольно подробно об его связях и увлечениях по «бабьей части» – отнесся к этому факту как к вполне нормальному для Чернова.

Нюра, хотя и была простой нянкой, стала быстро, как она сказала, «культивироваться». Она писала грамотно, читала хорошо, выучилась печатать на машинке и была очень неглупа.

Чернов жил с ней, несмотря на огромную разницу в годах, очень хорошо, и был доволен ею. Она была довольна им. Они жили дружно.

Впоследствии, говорят, ее постигла печальная участь – она утонула в море, по пути в Эстонию, куда вскоре после смерти Чернова уехала на службу.

27. Печать

Я помню, когда я был мальчиком, отец приносил иногда журналы, где были напечатаны стихи Чернова.

Он посылал свои стихи в редакции разных журналов, где иной раз их печатали, и таким образом, у него, по разным журналам, напечатано большое количество стихотворений, но издать свои стихи отдельной книжкой ему не удалось.

Поэтому, хотя многие читали его стихи и помнят его имя – Филарет Чернов, но немногие имеют о нем представление как о серьезном, глубоком и замечательном поэте. Но я надеюсь, что рано или поздно его стихи будут изданы, и тогда вместо малоизвестного поэта появится крупное поэтическое имя: Филарет Чернов.

28. Знакомые и друзья Филарета Чернова

Чернов, не будучи особенно общителен, имел несколько человек знакомых и друзей, которые его посещали и с которыми он долго беседовал.

Я помню, как не раз заставлял у него какого-то старика, бывшего машиниста на железной дороге и изобретателя-самоучку. Этот машинист имел красавицу жену, отличавшуюся каким-то необузданно-страстным темпераментом. Чернов про нее много и подробно рассказывал. Машинист, видимо, мнил себя гением в области изобретений и иногда приносил с собой какие-то изделия, изобретенные им.

Чернов с интересом их рассматривал, потом говорил:

– Это для меня китайская грамота.

Заходил также старик-врач, с которым Чернов познакомился где-то в бане. Этот врач не выносил куренья, говорил только о себе и считал, что он самый умный и значительный человек в мире.

Бывали у Чернова иной раз какие-то писатели и поэты, читавшие ему и мне свои произведения. Чернов все это терпеливо слушал и обсуждал прочитанное.

Он был литконсультантом, и ему, видимо, было привычным делом часами разбираться во всем этом.

Из его друзей мне были известны двое: Александр Васильевич Ковалев и Василий Петрович Мазурин.

Говоря о Ковалеве, Чернов всегда хорошо о нем отзывался и высоко ценил, как незаурядного человека.

Мазурин я видел два раза. Он на меня произвел большое впечатление. Мне показалось, что я вижу перед собой не просто человека, а какого-то святого. Его удивительная улыбка, что-то кроткое, радостное, что было так необыкновенно, – все это как бы светилось светом нездешним. Чернов о нем был очень высокого мнения и как о человеке, и как о поэте (Мазурин был поэтом, написавшим лирические стихи и поэму-драму). Он всегда говорил, когда я беседовал с ним о Мазурине: «Вот этот человек достиг огромной высоты, чистоты и святости, а я ведь весь в грехе, весь в земной плоти, весь в страсти и похоти. Но я не желал бы с ним поменяться».

И он говорил о земле, о ее мутном, сладком и тяжелом земном упоении.

Я сын земли, рожден земным теплом,
И жажду я бессмертия в земном.

29. Машина

Однажды мы шли с Филаретом Ивановичем по улице и увидели толпу народа, собравшуюся вокруг чего-то.

Чернов пошел туда посмотреть, в чем дело, но быстро вернулся обратно и разочарованно сказал: машина.

Он был равнодушен к машинам, он, видимо, желал увидеть там какую-то человеческую трагедию. Его интересовал человек со всеми его горестями, трагедиями и радостями. Но толпа около сломанного мотоцикла росла: туда откуда-то бежали мальчишки, молодые и пожилые мужчины. Все, толкая друг друга, с сосредоточенными лицами, возбужденными, горящими глазами – с наслаждением смотрели, как надували шины и что-то еще делали. Мы пошли дальше.

30. Шестнадцать лет

В 1909 году мне было 16 лет. Помню, была замечательная золотая осень. Я сидел и читал стихи из «Журнала для всех». Тогда впервые я прочел там стихи Валерия Брюсова, Бальмонта, Блока, Вячеслава Иванова, Сергея Городецкого.

Все это мне так понравилось, что я тут же стал сочинять стихи. Стихи мои имели большой успех среди нашего семейства, и, месяца через два моей работы по сочинению стихов, отец повез лучшие из них показать Чернову.

Но, увы, – Чернов не только не одобрил их, но не признал во мне ни малейших способностей в области поэзии.

Такое отношение ко мне как к поэту у Чернова продолжалось до 1937 года.

31. 1937 год

Оставаясь беспощадным к моей поэзии до 1937 года, Чернов в 1937 году к моим стихам, пишущимся с этого года, решительно меняет позицию, занятую им.

Как теперь помню его взволнованно ходящим по своей узкой горнице в Факельном переулке и горячо говорящим мне следующее:

– Я проглядел вас. Я думал, что вы не поэт. Я глубоко ошибся. Вы не только поэт, но то, что вы делаете, это настолько необыкновенно, настолько непохоже на то, что было сделано в поэзии всех времен и народов, что я крайне поражен. Изумительная острота!

И он долго ходил и говорил, и потом собственноручно отпечатал на машинке 40 стихотворений моих.

Я тоже был изумлен такой неожиданностью. Но мне это было приятно.

Переменив свое мнение обо мне как о поэте, Чернов не переставал интересоваться моими стихами и с жадностью слушал все, что я ему читал.

32. Лирика

Эпическая лирика – так сказать, лирическая баллада – этот вид творчества у Филарета Чернова отсутствует.

Лирика воплощений и показа, как нечто объективное – тоже почти отсутствует в его поэзии.

Образная лирика, где идея как бы иллюстрируется образами, где чувство базируется на образах, – это более часто встречается у Филарета Чернова, но не является характерным для него, а скорее чем-то побочным.

Лирика «Я» – вот тот вид лирики, который для Филарета Чернова является основным и на основе которого он строит все свое поэтическое творчество.

В центре мироощущения и миропонимания стоит «Я». Реалистический показ видимого, воплощение в кого-то и во что-то – все это не важно для Филарета Чернова.

Важно «Я», а объективность важна только постольку, поскольку это «Я» получило от объективности какое-то впечатление и должно как-то реагировать.

Это впечатление от реальности может быть искаженным, преувеличенным, условным – Филарету Чернову все равно.

Он весь в себе, в своем «Я» – и вся поэзия его является выявлением этого своего «Я».

Не могу от себя оторваться, –
К ближним нет в моем сердце любви. –
В мою душу, как в бездну, глядятся
Безутешные мысли мои.

Но люблю безутешность родную,
Одинокость родную люблю, –
Эту скорбь, словно бездна, глухую.
Эту темную душу мою.

Так люблю я себя бесконечно,
Так безумно жалею о том,
Что не в силах я царствовать вечно
В одиночестве страшном своем.

Если поэт воплощенного образа выступает перед читателем как бы под маской:

Поэт, наденьте маску,
Под маской легче жить...

то Филарет Чернов появляется с открытым лицом, без маски, как бы в оголенном виде, каким мать родила.

Сущность его поэзии заключается в глубине его «Я». Объективность им воспринимается как нечто синтетическое, и на долю его анализа падает его «Я». В анализе своего «Я» Филарет Чернов неистощим – он в этом своем «Я» усматривает все новые и новые грани и оттенки – и совокупность этих граней и оттенков в результате дает своеобразный монолит его поэзии, поэзии, присущей Филарету Чернову и только ему.

Было бы несправедливо расценить поэзию Филарета Чернова как нечто безысходно-мрачное, безнадежное, безвыходное, подобное таким стихам, как стихи Никитина, Апухтина, Огарева и других.

Поэзия Чернова экстатичная, полная внутренней энергии и подъема, а это, стало быть, исключает нечто упадочное, расслабленное или буднично-безнадежное.

Именно этой будничности в поэзии Филарета Чернова нет, нет скорби о будничном бытии и тоски будней.

Скорбь его – иного порядка – утрата религиозной наивности, атеистичность духа и ума его, неизвестность сущности мира – вот та канва, на основе которой вырастает его скорбная мысль и трагическое звучание его стихов.

Экстатичность же его поэзии делает та непонятная ему и скрытая энергия каких-то необъяснимых сил, которая присуща каждому большому поэтическому вдохновению.

И без меня высоко голубело,
И без меня шли звезды в высоте,
И трепетало молодое тело
В земных восторгах на кресте.

И я пришел, и землю лобызая,
Распял, как все, младую жизнь свою.
О, Господи, чудес твоих алкая,
Я принял радость страшную твою!

33. «В темном круге»

«В темном круге» – это сборник стихов Филарета Чернова, написанный им в самый зрелый период его таланта и составляющий как бы кульминацию его творчества. Главное, что здесь больше всего бросается в глаза, – это личность поэта. Здесь все начинается Филаретом Черновым как поэтической личностью, и все им же оканчивается.

Если в иных стихах, иных периодов, можно подчас усмотреть отражение звучаний таких поэтов, как Александр Блок, Есенин, Клюев, Фет, Тютчев, Лермонтов, даже Надсон и другие любимые им поэты, то в «Темном круге» – и он сам это понимал – он выразил себя на 100 %.

Филарет Чернов редко явно кому подражал, он боялся подражания, но часто, почти независимо от себя, он как бы имитировал настроения и звучанья таких поэтов, которых любил и которыми увлекался.

Несмотря на это, личность Филарета Чернова чувствуется везде, – но «В темном круге» – это именно тот потолок, которого достиг Филарет Чернов, и за пределы которого он уже больше не смог подняться.

Поэзия вообще каждого поэта имеет свой потолок. Возможно, что какому-то поэту так и не удалось достигнуть своего потолка, но Филарет Чернов выполнил возложенное на него «волею судеб» дело – и его «Темный круг» – прямое доказательство этого.

Стихи Филарета Чернова «В темном круге» и с формальной стороны достигли вершины. Здесь уже чувствуется рука мастера. Он умеет найти нужную ему лексику, четкость формы и т.д.

Стиль сборника «В темном круге» носит на себе философский колорит.

Несомненно, это глубоко пессимистические стихи. Душа поэта как бы замкнута в темный круг, выхода из коего нет.

Я в темном круге будней и печали:
Мучительно из тьмы моей смотреть
На призрачно-обманчивые дали,
И крыльев нет к обманам полететь.

Бескрылая душа моя убога,
Как сгнивший столб у брошенных дорог.
И если душ таких у Бога много,
Как жизнь скучна, и как печален Бог!

Вот стихи, имеющие чисто внешний, схематический характер. Но под этой формулировкой таится подлинное «я» – экстатический Филарет Чернов, для которого личина будней и мнимой бескрылости уже не характерна.

Бесконечность, беспредельность,
В сердце – ужас и смятенье.
Жизнь – великая бесцельность,
Мир – плывущее виденье.

Или:

Да... больше нечего сказать!
Пылая в бездне несказанной,
Зачем слова? К чему взывать?
О, кто нас может услышать
В сей бездне горестной и странной!

34. Россия

Россия в поэзии Филарета Чернова хотя чем-то и связана с Блоком и Есениным, тем не менее имеет своеобразный черновский колорит.

Все его монастыри, странники, богомолки, келейники, юродивые – всё это особое, вытекающее из того же «Я» Филарета Чернова, из его нереального, субъективного восприятия. И в то же время, поскольку сам Филарет Чернов в прошлом был близок по своему положению странникам России, – ему удалось передать дух ушедшей старой России, ее странствующих людей, ее монастырей.

Люблю монастырей я сумрачный покой
За тихую, пустынную оградой, –
Их корпусов высокий ряд немой,
Их келейки с Распятьем и лампадой.

Или:

Монастырские звоны... сиянье
Куполов и крестов золотых –
Всё влечет на святое скитанье –
У лампад освятиться святых.

Деревни, крестьяне, Микола – все это звучит у Филарета Чернова по-своему, хотя кое-что созвучно и Блоку, и Есенину, и Клюеву.

35. Нежность

Нежность чувств и их выражение в стихах были свойственны музе Филарета Чернова. Иногда эта нежность звучала мягко и просто, иногда впадала в какую-то слащавость, правда, едва заметную.

Филарет Чернов считал, что без элемента этой нежности поэзия его много бы потеряла, но эта поэтическая нежность была ему свойственна в более ранний период. Стихи его зрелости суровы, мрачны и экстатичны.

36. Заключение

Филарет Чернов – поэт предреволюционной эпохи, современность наших дней ему была мало понятна. Он весь в прошлом как поэт. Беря свое начало из поэтического прошлого и завершая свой путь периодом Александра Блока, Филарет Чернов даже не делает попыток сказать еще что-то, создать новый стиль, почувствовать новую современность.

Он почти кончает писать стихи, пробует перейти на прозу, критику и т.д.

Путь его как поэта завершен был за много лет до его смерти.

Он говорил мне часто:

– Если бы я снова начал писать, я написал бы совсем иначе: я бы все построил на чисто научных принципах, ввел бы в свои стихи новую технику, новую лексику и т.д.

Но надо полагать, это было бы гораздо хуже.

Значение лирики Филарета Чернова для людей, любящих поэзию, может быть велико и существенно, т.к.

личность поэта оригинальна и самостоятельна, звучанье его стихов интересно и сильно, а мировоззрение его характерно для прошлого.

Сентябрь 1947 – 1 февраля 1948

100 советов самому себе

1. Будь смиренен и не злись.
2. Всегда кайся, ибо ты грешен, как и все.
3. Старайся все время помнить, что надо быть добрым.
4. Будь не упрямым, а умным.
5. Не бойся, но и не храбрись.
6. Уклоняйся от спора.
7. Никогда не спорь, но и не соглашайся, если ты видишь, что это не так.
8. Ни о ком дурно не говори, ибо тот, кому ты дурно говоришь о другом, – такой же.
9. Когда что-либо не можешь – не берись, скажи: не могу.
10. Не отрицай того, что ты не понимаешь, скажи: не понимаю.
11. Не стесняйся чегонибудь не знать – скажи: я этого не знаю.
12. Не старайся узнать то, что тебе совсем не нужно.
13. Избегай советовать.
14. Избегай настаивать на своем.
15. Помни правило: «Уйди от зла, и сотворишь благо».

16. Не критикуй – всякая критика ошибочна и одностороння.
17. Помни, что охаять легче всего.
18. Если очень плохо – молчи и не охаивай.
19. Старайся похвалить то, что не очень плохо.
20. Избегай сказать и сделать что-нибудь лишнее.
21. Не входи в раж, не хвались, будь смиренен.
22. Быть смиренным очень трудно, но ты будь им.
23. Будь сдержан и осторожен с другими, – не остри, не бахвалься, не говори лишнего.
24. Лавируй среди земной скверны и уклоняйся от гибели.
25. Не будь суетлив и многословен.
26. Не будь слишком откровенен, не все хотят твои откровенности слушать.
27. Не будь лжив.
28. Не старайся ни у кого что-либо выпытать. Каждый сам скажет то, что ему надо сказать.
29. Спрашивай, но не допытывайся.
30. Отвечай, но не говори при этом лишнего.
31. С угрюмым и молчаливым – молчи и жди, что он скажет.
32. С болтливым будь терпелив – пусть выболтается и уйдет.

33. С нормальным сдержанно беседуй о том о сем.
34. Делай что полагается, добросовестно и как можно лучше.
35. То, что не полагается – того не делай.
36. Старайся не мечтать о плохом.
37. Лучше вообще не мечтай.
38. С тобой не соглашаются, тебя оспаривают, но ты не обращай на это никакого внимания.
39. Пусть будет всё как есть – ничего не старайся изменить.
40. Ничего не делай опрометчиво.
41. Не будь с людьми запанибрата, но и не гордись перед ними.
42. Будь терпелив.
43. Не думай, что ты лучше других, а потому и не нападай на других.
44. Остерегайся, но не трусь.
45. Переноси беды и думай при этом, что все пройдет.
46. Избегай лишних привязанностей – они тебя только замучат.
47. Лучше ничего не делать, чем делать ошибки.
48. С детьми, слабоумными и шизофрениками говори совершенно серьезно, чтобы они не обиделись.
49. Борись со своей вспыльчивостью.

50. Всегда помни: Бог не выдаст – свинья не съест.
51. Будь с женщинами спокоен и сдержан.
52. Не гонись за известностью – все равно умрешь.
53. Помни, что найти друга так же невозможно, как полететь на луну, а потому не стремись к этому.
54. Не будь прямолинейным – это обижает людей. Люди любят туманность и извилистость.
55. Помни, что людям больше нравится непонятное – и поэтому не старайся быть чересчур прямолинейным и понятным.
56. Люди правду не любят, а любят выдумку. Выдумывай, но старайся это делать не лживо и талантливо.
57. Приманка женщины – ее пол, но будь стоек, бойся сближений.
58. Изучай церковные книги – там ты найдешь много ценного для своей жизни.
59. Если встретишь ведьму – зачуйся и скажи молитву.
60. Не впадай с людьми в благодушное состояние – тут-то тебя и прихлопнут.
61. Помни, что зверь спит в каждом человеке.
62. Не будь злопамятен, но и не относись чересчур благодушно к показавшему тебе звериное лицо.
63. Опасайся лиходея и избегай его.
64. Будь зорким и осмотрительным.

65. Следи за собой, а то вляпаешься в злое дело.
66. Не смиряйся, но и не возмущайся на мракобесов – это рок.
67. Лавируй, уклоняйся от скверны, не торопись сближаться с людьми и итти на их приманки.
68. Будь с людьми сдержанно строг – люди любят строгое к ним отношение.
70. Помни, что всё тебя подстерегает и ждет твоей гибели, а потому будь зорким и осмотрительным.
71. И любовь и ненависть тяжелы и губительны, а потому старайся никого не любить и никого не ненавидеть.
72. Помни, что и любовь и ненависть проявление темперамента, а ты должен обуздывать свой темперамент.
73. Предоставь каждому быть таким, каков он есть, но не лезь к нему, если он опасен.
74. Старайся в дружбу не входить, если не хочешь неприятностей.
75. Вообще ни к кому не лезь, а если кто придет к тебе, скажи: здравствуйте.
76. Не думай, что ты настолько хорош, что тебя могут любить и жалеть.
77. Помни, что каждому ценен только он сам.
78. Если ты кого и жалеешь, то не показывай ему это, а то он обидится.
79. Лучшее отношение к людям – это не делать им зла.

80. Советую тебе добро делать осмотрительно, а то иной так тебе отплатит за твое добро, что ты ахнешь.
81. Письма и записки пиши только в случае крайней необходимости.
82. Не думай, что если ты людям оставишь после себя много всякой всячины – они будут очень довольны. Уничтожай своевременно все лишнее.
83. Имей у себя только то, что тебе крайне необходимо, а все прочее бросай или сжигай.
84. Всякой всячины не раздаривай – лучше сжигай в печке.
85. Когда даришь, то знай, что зачастую тот, кому ты даришь, думает: «На тебе, боже, что мне не гоже». А потому, если тебе «не гоже», не давай другому, а сжигай.
86. Если у тебя что-либо выпрашивают, а ты не хочешь дать – не давай, а то дашь и будешь испытывать неприязнь к тому, кто у тебя кланчил.
87. Если ты даешь против своего желания – старайся применить к себе неприязнь к тому, кому дал, и обвини себя в своей слабости.
88. Мало ли кто что хочет – скажи: нет, – если тебе это не надо. Плохого не будет.
89. И сам ничего не проси, ничего не желай лишнего.
90. Не гонись ни за чем – ничего не надо. Будь свободен.
91. Мало ли кто чем там обзаводится лишним – тебе этого не надо – будь свободен.
92. Нужна только жизнь и здоровье, а за разной ерундой не гонись.

93. На капризных и упрямых людей не обращай внимания. Не трудись им доказывать, убеждать, уговаривать.
94. Если ты не виноват, а на тебя сердятся – не обращай внимания.
95. Если ты виноват – не бойся сказать: извините.
96. Жизнь, как говорят, всему научит, но помни – надо быть смышленным учеником.
97. Не надейся на себя.
98. Не рассчитывай на других.
99. Ничего не жди.
100. Жди только смерть – она придет.

1964

1. Злобность пороков, но и добродушие тоже пороки.
2. Найти себе любовницу дело плёвое, если ты из себя представляешь лакомый кусочек, т. е. если ты комфортабелен, знаменит, богат или нагл. Еще лучше, если ты своим видом вызываешь у женщин похотливые позы.
3. Если же ты беден, хил, стар, не авторитетен – мечтанья брось.
3. Как бы ты безумно не любил – на тебя наплюёт женщина, если ей тебя не надо.
4. Мужчине нужна женщина, а женщине ребенок.
5. Проституткам ребенок не нужен – им нужны мужчины, водка и папиросы.
6. Каждый любит для себя, а не для того кого любит.
7. Молодая девушка лучше молодой женщины, а старая дева хуже старой женщины.
8. Если женщина не захочет – на ней не женишься.
9. Поэзия только в несчастной любви.
10. Теперь проститутки не знают, что они проститутки, – им кажется, что они служащие или учащиеся.
11. После того, как любовь переходит в похабство – наступает разрыв.

12. Сладострастие – чувство, сладкое для тела, и мучительное для души.
13. Ты обманулся в дружеском к тебе отношении данной женщины, ты замечаешь ее влечение к другим мужчинам и ты ревнуешь. Но зачем? Разве можешь ты ее насильно заставить любить тебя? Разве смеешь ты заставить ее не любить других?
14. Право жены на мужа и мужа на жену – ужасная подлость. Любить, как говорят, насильно нельзя.
15. Брак – это сделка, а не любовь.
16. Изменять можно.
17. Почти каждая молодая девушка и женщина хочет разврата, но скрывает свое хотенье под маской добродетели.
18. Если женщине попадается спец по развратной части, почти любая женщина с радостью с ним предается любовстрастию.
Мужчины же другого сорта не могут рассчитывать на успех. Эти мужчины должны жениться.
Наглость, бесстыдство, распутство и цинизм – очаровывают женщин. На эту удочку они идут. Но это надо уметь. Но разве все это умеют? Хотят, да не умеют.
19. В любви надо действовать смело.
20. Что этой красивой женщине до тебя? Твоя любовь, твои страдания ей не интересны. Ты думал о ней как о высшем благе, ты боялся коснуться ее одежды, а она с твоими же знакомыми, ловкими хамистыми хитрющими мордами совокуплялась в свое удовольствие сколько ей было надо.

21. Любовь поэта заставляет идеализировать женщину, а она просто самка, имеющая половые органы для размножения. И когда ей приспичит – она совокупится с тем, кому она уже не так-то, может, и интересна. А ты так боялся до нее дотронуться и к лику святых причислил ее.
22. Любовь хороша до тех пор пока ты не добрался до сокровенного места у женщины, пока всё полно предчувствий, нежности, таинственности, несбыточности и красоты. Но когда уже ты, как говорят, достиг цели – тогда любовь делается бесцельной, скучной, неинтересной, и если ты, при этом, не любил женщину дружеской любовью – то и грязной.
23. Любит душа, а не тело. Тело только выполняет любовные функции.
24. Любовь это и есть жалость; если не жалеешь – значит не любишь. Похоть только краткое удовольствие, и тут жалости нет и любви нет.
25. Любовь – это страданье, а не развлечение.
26. О любви хорошо только мечтать, а когда она становится явью, тогда страшно.
27. Чтобы нравиться женщинам, надо иметь так называемую мужскую силу – она решает вопрос.
28. Любовь полов – это разгул похоти.
29. Как ни тяжела любовь тому, кто любит и кого не любят, но без любви нельзя.
30. Ревность порок, но отсутствие ревности всегда там, где любовь не полноценна.

О разном

1. Человек, доживший до семидесяти лет, чувствует себя как приговоренный к смерти.
2. Когда один пошляк нападает на другого пошляка, хочется встать на сторону более слабого пошляка, ибо слабый пошляк противен, а сильный омерзителен.
3. Наглomu человеку хочется сказать:
За других не распределяй, ничего своего другому насильно не навязывай, не будь нахалом. Мало ли во что ты поверил, а другой в это не верит и не хочет в это верить.
4. Противна в жизни фальшь и предвзятость, а этого так много.
5. Если упадет на голову кирпич – защититься от него уже поздно – надо пропадать.
6. Дурак, который понимает, что он дурак – это еще не круглый дурак. Круглый дурак думает, что он умный.
7. Каким надо быть наглецом, чтобы всё решать и распределять за других и уверять при этом, что они так хотят сами, зная, что они так не хотят.
8. Спор – это словесная драка.
9. Чудес не бывает, так как всё сплошное чудо.

1964

О

Е.Л. Кропивницком

Лев Кропивницкий 10 московских художников (фрагмент)

<...> Дружеские отношения и родственные связи. Духовное единство. Близость взглядов на искусство. Это неудивительно – его создавали вместе. Может быть, даже художники не одни делали это. Все время рядом шли поэты. Пожалуй, общий импульс был дан одновременно живописью и поэзией. Сложная связь двух искусств взаимно их обогатила. У некоторых это сочеталось в одном лице – они художники и поэты одновременно. Каждый художник знает и ценит стихи друзей-поэтов. Каждый поэт знает и ценит живопись друзей-художников. Кстати, у некоторых из них и учитель один. Это Евгений Кропивницкий. Мастер старшего поколения, ученик знаменитых Серова и Коровина, он родился в 1893 г., но до сих пор сохранил молодость души, необычайную трудоспособность, неиссякаемую любовь к искусству. Художник, поэт, композитор, мыслитель, талантливый педагог и, можно сказать, основатель целой династии художников «Лианозовской группы»: Ольга Потапова – его жена, Валентина Кропивницкая – дочь, Лев Кропивницкий – сын, Оскар Рабин – зять. Совсем как семейные школы эпохи Ренессанса. Только если тогда все строго придерживались «школы» своего главы, то здесь напротив – кажется, трудно найти художников более разных, чем эти пять членов одной семьи.

Евгений Кропивницкий на протяжении всей своей семидесятидвухлетней жизни ищет. И неизменно находит. И щедро дарит свои находки другим. Есть немало его учеников – и в живописи, и в поэзии, – которые построили себя лишь на одной ноте из полифонических богатств его творчества.

Сам он не из тех, кто бесконечно повторяет себя. Живой, активный, непрерывно трансформирующийся язык его работ неожиданно создает целую феерию блестящих открытий, следующих одно за другим. То он

пользуется пуристически строгими приемами – его полотна сдержанны, почти монохромны; то вдруг они расцветают какими-то пантеистическими красочными звучаниями, а плотная эмаль фактуры становится насыщенной и трепетной. Он работает маслом, темперой, гуашью, акварелью, пастелью, цветной и черной тушью, фломастерами, сангиной, цветными и черными карандашами, пастами, авторучками; пользуется разливами краски, наклейками, припечатками, накатыванием, созданием фактур методом накладывания картонов, тканей, листьев и трав; он работает в гравюре и монотипии; он пользуется кистями, мастихинами, палочками, перьями и всевозможными изобретенными им приспособлениями. Часто смешивая самые различные, казалось бы, не уживающиеся между собой техники и приемы, он добивается их сочетаниями новых интересных эффектов.

Если Е. Кропивницкий не работает над беспредметными композициями (слово «абстрактный» он понимает по-своему, расширяя его значение), то круг тем, к которым он обращается, очень разнообразен. Часто это натюрморты, я бы сказал – полуабстрактные. Иногда это картины на темы древнерусской мифологии, изображающие «леших», «домовых», «водяных» и пр., или это своеобразные пейзажи на тему «оголенность» – в них художник передает свои предвидения будущего земли. Он имеет в виду оголенность и обедненность человеческого «я», психики, этики, эмоции. Он тревожится за судьбу людей. Этот цикл, не чуждый эсхатологических настроений, связывается со строками его стихотворения «Автоматы» (1957):

Явился автомат:
 Довольно!
 Теперь властитель он земной.
 И содрогнется мир неволью:
 Автоматически слепой
 Раздастся жуткий взрыв...
 И сгинут
 Миллионы.
 Автоматов вой
 Застынет в небе.

В небо кинут
Они потоки смерти.
Прах!
Так вот он жребий!
Кем он вынут:
Кромешный ужас,
Смертный страх?!

Он нашел очень специфический, оригинальный художественный образ девочки, девушки, женщины. Условный, «абстрактный», – как называет его сам художник. Если исходить из смысла слова, то, видимо, он не ошибается.

Этим портретам присуще одно настроение, один характер. Они не индивидуализированы. Как видно, здесь не обошлось и без влияния русской иконописи с ее чистотой и одухотворенностью, с ее условностью и плоскостностью.

Но, конечно, в первую очередь виден художник в его магической озаренности высоким смыслом искусства, а не малозначащие различия натуры.

Стихи Кропивницкого ближе к конкретной повседневности жизни, и, несмотря на их философскую наполненность, в целом это вещи другого строя, написанные в ином ключе. Все же хочется связать с отвлеченными портретами девушек строки:

Как тебя мне жалко:
Ты тонка, как палка;
Тонки ноги, руки...
Шейка тонка очень.
Тусклый взгляд порочен...
Смотришь ты печально,
Под глазами круги,
Как былинки руки...

Кропивницкий прекрасно видит все стороны жизни, часто очень неприглядные, но ему незнакомы пессимизм, уныние, мрачность. Напротив – почти во всех его работах чувствуется никогда не изменяющее ему ощущение радости бытия. Должно быть, это и дает художнику силы для жизни и творчества.

Лев Кропивницкий Истоки

Евгений Леонидович Кропивницкий родился в Москве 25 июля 1893 года в семье железнодорожного чиновника. В ней с давних пор существовала стойкая литературно-художественная традиция. Один из родственников, Марко Кропивницкий, был известным украинским драматургом и актером. Отец Е.Л. печатал в периодике рассказы и повести, мать сочиняла детские стихи. В 20-е и 30-е годы их печатали журналы «Мурзилка», «Зорька», «Искорка».

Е. Л. с детства определил свое призвание художника. В 1904 году поступил в Строгановское училище и окончил его в 1911 году. В 1915–1918 гг. он учился в Университете Шанявского на факультете истории. Стихи, а чуть позже и музыку Е. Л. начал писать с ранней юности. Сохранились отпечатанные ноты романса «Снова весна» – стихи и музыка Кропивницкого. Всегда стесненный убогими жилищными условиями, Е.Л. не смог сохранить свои, как сейчас помню, огромные кубистические и экспрессионистские холсты. Зато сохранилось более тысячи стихов, не занимавших много места. Правда, поэт, всегда требовательный к себе, многое, считая неудачным, уничтожил. Боюсь, что это составляло около двух третей написанного.

Поэзия была для Е.Л., по-видимому, чем-то более сокровенным, чем изобразительное искусство. Он охотно выставлял картины, даже вступил в Союз художников, (откуда его после посещения Хрущевым знаменитой выставки на Манеже исключили!), но никогда даже не пытался где-либо напечатать свои стихи. Изредка кому-то из доброжелателей удавалось «протащить» одно-два стихотворения в какое-нибудь издание. <...>

Сказать по совести, поэт не придавал большого значения своему официальному статусу. Его вполне устраивала ситуация узкого круга читателей – учеников,

родных, поклонников новой поэзии. Со временем ширилась его популярность среди наиболее подготовленной части интеллигенции. Он не представлял себя в мутном потоке официально санкционированного и великолепно оплачиваемого графоманства, считавшегося в те годы поэзией. Человек редкостной духовной свободы, он, естественно, никогда бы не пошел на сделку с собственной совестью. Многие ученики Е.Л. вполне восприняли его философию независимости Художника и Искусства и остались таковыми по сей день.

– Как-то собрались мы у Евгения Леонидовича дома, – вспоминает один из них. – Кто-то взглянул в окно и ахнул: «Никак под окном шпик крутится!» Учитель, давно не обращавший внимание на подобное, пожал плечами: «Ах, как мне жаль наше бедное государство! Неужто оно боится меня – больного, хилого старика!» Все рассмеялись, а шпики будто ветром сдуло.

Конечно, гостеприимный хозяин не был застрахован от того, что и среди его посетителей могут оказаться «сыскные агенты». Его это скорее смешило. Скрывать ему было нечего. Таиться, прятаться и хитрить – тоже. Да, ему это было чуждо и, по всей вероятности, непонятно. Он никогда не понимал тех, для кого искусство, поэзия, живопись были лишь ступенькой карьеры, кормушкой, ради которой можно изворачиваться и подличать.

Одно из его высказываний многим врезалось в память:

– Лучше с голоду подохнуть, чем отдать искусство на поругание!

Валентина Кропивницкая Из воспоминаний

Евгений Леонидович Кропивницкий родился 25 июля 1893 года в Москве. Отец его был служащим на железной дороге. Он увлекался литературой, писал рассказы, которые часто печатал в существующих в те времена журналах. Он также обладал красивым сильным голосом, был очень музыкален. В доме его часто устраивались литературные и музыкальные вечера. Мать Евгения Леонидовича Ольга Николаевна Кропивницкая (урожденная Яновская) была прекрасной пианисткой. На семейных вечерах она аккомпанировала мужу и другим певцам. Кроме того, она писала стихи, которые печатались в детских журналах.

Евгений Леонидович с юности писал стихи, сочинял музыку, много рисовал. Учился он в Строгановском художественном училище. Прикладные искусства, которые преподавались в училище, его мало интересовали. Любил он только живопись. По окончании Строгановского училища он много работал в живописи, увлекался новыми в то время направлениями в искусстве. Работал в театрах. Был декоратором, бутафором, гримером, преподавал рисование в школах. Одновременно учился в Университете. <...>

В годы гражданской войны семья Кропивницких поехала в Вологду. Там Евгений Леонидович познакомился с Ольгой Ананьевной Потаповой, которая стала его женой. Помимо службы в вологодских библиотеках Ольга Ананьевна занималась музыкой и живописью, и это их сблизило. Какое-то время они скитались по северу России, потом уехали в Сибирь, жили в Тюмени, где Евгений Леонидович преподавал живопись в школе, занимался в изо-студии, работал в театрах, участвовал на выставках тюменских художников. Вернувшись в Москву в 1923 году, семья поселилась в Тучкове под Москвой. Там Евгений Леонидович работал в «Лесной

школе» (в детском оздоровительном санатории). За восемь лет работы с детьми этой школы он создал там большой музей детского творчества.

В 20-х годах Евгений Леонидович увлекался разными направлениями в искусстве. Я помню, как на стенах нашей большой комнаты менялись экспозиции его картин. Одно время были радостные, светлые импрессионистические пейзажи. Их сменили работы в стиле пуантилизма, потом кубизма. Затем помню экспрессионистическую серию. Особенно меня поражала картина «Из-за угла». Жуткие рожи двух вооруженных бандитов в клетчатых кепках выглядывали из-за угла мрачного дома. Другая картина – «Футболисты» – была написана яркими красками. Помню также его иллюстрации к сказкам Пушкина, к народным сказкам, выполненные в стиле, близком Билибину.

В 1932–34 годах мы жили в Ухтомской, где отец преподавал рисование в школе; затем он перешел преподавать в московских «Домах пионеров» – Таганского, потом Ленинградского районов. Художественные студии в домах пионеров посещали ребята способные, любящие искусство. Заниматься с ними было Евгению Леонидовичу интересно. В 1934 году мы переехали в Долгопрудную, где Евгений Леонидович прожил почти 40 лет. Как всегда он много времени отдавал живописи. Писал в этот период с натуры, главным образом пейзажи. Много бывал на этюдах.

В 1939 году Евгений Леонидович поступил в Союз Московских Художников (МОСХ). Кроме занятий в студиях, иногда приходилось ему брать дополнительную работу. Это была работа оформительская. Помню, два его больших панно, написанные к октябрьским торжествам, украшали вход на Тишинский рынок. Этой работы отец не любил и делал ее только в случае крайней нужды.

В 1936–38 годах Евгений Леонидович вместе с Ольгой Ананьевной посещал «Педагогическую школу Мосгороно». Кажется, это требовалось в обязательном порядке для всех московских учителей рисования. Отец пригласил преподавать живопись в этой школе своего учителя Германа Васильевича Федорова. Рисунок

преподавал там художник Билит, который, познакомившись с моими родителями, стал иногда бывать у них. В этой же школе родители подружились с художниками Юрием Осиповичем Мещерским и Владимиром Васильевичем Белопольским. Они приезжали к нам довольно часто, ходили вместе с отцом на этюды. Оба они были замечательные живописцы. Юрий Осипович работал также в книжной графике.

<...>

Работая в Доме пионеров Ленинградского района, Евгений Леонидович сблизился с поэтом Арсением Алексеевичем Альвингом. Альвинг принадлежал к плеяде поэтов предреволюционных лет. Он был другом Бальмонта, знал многих других поэтов того времени, познакомил Евгения Леонидовича с поэтом Юрием Верховским. Себя Арсений Алексеевич называл последним символистом. Альвинг привозил тетради своих стихов, читал стихи вслух и потом переписывал для отца наиболее понравившиеся ему стихотворения. В доме пионеров он руководил литературной студией. В санатории, где в то время работала Ольга Ананьевна, он читал больным детям лекции о Лермонтове, о Гоголе и других русских писателях.

Арсений Алексеевич умер в Москве в 1942 году. Отец был очень опечален его смертью.

В первые военные годы Евгений Леонидович много болел, жить было трудно. Дом пионеров, где он работал, закрылся, т.к. детей в Москве уже не было. От одолевавших его болезней, от голода он очень ослаб и однажды на улице потерял сознание и попал под машину. После выздоровления осталась небольшая хромота.

Постепенно в Доме пионеров стали возобновляться занятия кружков. В 1945–46 годах отец вел там кроме художественной студии еще и литературный кружок, заменив Альвинга <...>. Послевоенные годы были особенно плодотворны для Евгения Леонидовича как поэта. В официальных журналах и книжных издательствах он не печатался. Отдельные циклы стихов он переписывал от руки, переплетал небольшими книжками и часто дарил такие сборники друзьям. В кружке поэтов и прозаиков дома пионеров было много

талантливых учеников, таких как Генрих Сапгир, Галя Еремеева (Корнилова), Мила Ермакова (Давыдова), Анатолий Сендык и др. Всего человек 15–20. Многие из них бывали у Евгения Леонидовича в Долгопрудной. Читали ему свои новые стихи, вместе читали любимых поэтов, ходили на прогулки. Отец читал им свои стихи, рассказывал о поэтах, художниках, о жизни. Многие студийцы приезжали к отцу и после закрытия литературной студии, которая просуществовала до разгрома Ждановым журналов «Звезда» и «Ленинград».

В доме у Евгения Леонидовича часто бывали и ученики-художники. <...>

Из «таганских» студийцев помню талантливого юношу Витю Кулакова. Он часто бывал у отца. С ним приезжали и другие ученики: Рябов, Титов, Хромов. Вместе с Евгением Леонидовичем шли на этюды и возвращались только к вечеру. Ольга Ананьевна приготавливала что-нибудь закусить. Все были усталые, голодные, но было не до еды. Расставляли этюды по всей комнате: на кроватях, на стульях, ставили на пол, прислоняя их к ножкам стульев. Получалась целая выставка и начиналось обсуждение. Ученики очень ценили мнение преподавателя, но и сами высказывались и критиковали работы. Витя Кулаков погиб на фронте. Что стало с другими ребятами – не знаю.

Из следующей группы таганских студийцев бывали у отца Юрий Васильев, Геннадий Чучелов, Николай Никитин. Все они стали художниками.

Из студии Ленинградского района отец особенно отличал Давида Шмуйловича, он потом стал скульптором, и Оскара Рабина, ставшего художником. Оскар пришел в студию еще во время войны. Было ему тогда лет 15. Он был сиротой, очень нуждался, голодал. Папа дома много рассказывал о нем как об очень талантливом ученике.

Помню, зашла я в студию за отцом, чтобы вместе ехать домой. Я в то время уже работала на Долгопрудненском заводе. Редко попадала в Москву. <...> В огромной комнате-студии <...> сидел и рисовал только один мальчик лет восьми. В помещении холод был лютый. Мальчик рисовал сидя в шубке, шапке и варежках.

У окна мой отец беседовал с каким-то юношей. Я подошла. Папа познакомил нас. Это был Оскар Рабин. По рассказам отца я представляла себе этого ученика бледным исхудалым подростком. А тут был, как показалось мне, совсем взрослый молодой человек. Он посмотрел на меня сквозь большие очки очень строго и продолжал беседу с отцом. Я села с книжкой дожидаться конца урока.

Оскар Рабин вскоре уехал в Ригу, где учился в Академии Художеств. Вернувшись в Москву, он стал бывать у нас в доме, и мы подружились с ним на всю жизнь.

Летом 1949 года стал часто приходиться к отцу начинающий поэт Игорь Холин. Он был уже взрослым человеком. Заинтересовавшись поэзией, он стал брать из библиотеки, где работала Ольга Ананьевна, книги стихов, сказал, что сам пробует сочинять. Мама познакомила его с Евгением Леонидовичем, и Холин стал у него учиться писать стихи. Все ранние стихи Холина написаны под сильным влиянием его учителя. Когда, отбыв военную службу, вернулся в Москву Генрих Сапгир, Евгений Леонидович познакомил его с Холиным, и они стали друзьями. Оба часто приезжали в Долгопрудную, навещая своего учителя.

В 1962 году Союз Художников (МОСХ) пригласил Евгения Леонидовича устроить его творческий вечер с выставкой его работ. Был напечатан приглашительный билет с портретом Евгения Леонидовича, с каталогом его произведений с 1949 по 1962 год. (Больше 100 названий картин, рисунков, акварелей.) Все работы были оформлены, привезены в помещение МОСХа на Ермолаевский (Дом художника: улица Жолтовского, 17) и развешены в залах. Но ни вечер, ни выставка так и не состоялись. В это время в «Манеже» была развернута огромная выставка, посвященная 30-летию МОСХа. Посмотреть выставку приехал Хрущев и обрушился на художников школы Белютина, на Эрнста Неизвестного и на ряд других художников. Был большой скандал, после которого вечер Евгения Леонидовича отменили, выставку его работ запретили, а его самого исключили из МОСХа за формализм. Выставка этих работ состоялась

потом частным образом в нашем доме в Лианозове. Другую выставку Евгения Леонидовича устроил в своей квартире композитор Андрей Волконский. Исключение из МОСХа мало огорчило моего отца. От его членства в этой организации он ничего не имел. Поэтому, когда через какое-то время его решили восстановить, он особенного энтузиазма по этому поводу не проявлял.

Существует легенда о том, что на собрании, где ставился вопрос о его восстановлении, его попросили назвать своих любимых художников. И он будто бы назвал Сурикова и Кандинского. Надо сказать, что к творчеству Кандинского Евгений Леонидович был вполне равнодушен, и если действительно назвал его в числе своих любимых художников, то лишь для того, чтобы разрядить чиновничью скуку этого собрания. Какую это вызовет реакцию, он знал заранее. Но другое дело Суриков. Суриков был одним из любимых его художников. Очень высоко ценил он Врубеля, Борисова-Мусатова. Временами увлекался самыми разными художниками. Помню, какое-то время очень хвалил Соломаткина. В другое время очаровал его Похитонов. Но он и вообще любил живопись, и многие художники старого и нового времени были ему дороги. В поэзии более других любил он Пушкина, Тютчева, Фета; в музыке Мусоргского, а из писателей Льва Толстого.

В МОСХе Евгения Леонидовича так и не восстановили. В дополнение к обвинению в формализме его обвинили в создании им «Лианозовской группы». Но это абсурд! Никаких групп Евгений Леонидович не создавал никогда. Поэтому, отвечая правлению МОСХа, он написал: «В “Лианозовскую группу” входят моя жена Оля, дочь Валя, сын Лев, зять Оскар, внучка Катя и внук Саша». Внукам тогда было десять и тринадцать лет. В Лианозове тогда жила я с мужем художником Оскаром Рабиным и нашими детьми. В 50–60-е годы многие молодые художники искали новые пути в искусстве. Художники Владимир Немухин, Николай Вечтомов, Лидия Мастеркова, брат мой Лев Кропивницкий, Борис Свешников и другие собирались у нас в Лианозове, обсуждали проблемы современного искусства, говорили, спорили об искусстве Запада, выставки которого стали

проходить в Москве. Эти выставки производили на нас огромное впечатление. Многие из того, что мы видели на них впервые, Евгений Леонидович знал с 10–20-х годов. Он рассказывал о художественной жизни тех лет, о различных направлениях в искусстве, о художественных выставках, обществах, группах художников. <...>

Будучи уже пожилым человеком, Евгений Леонидович продолжал жить активной творческой жизнью. С натуры в этот период он почти не работал. Им создавались серии условных женских портретов, композиции на разные темы, городские циклы, картины с фантастическими сюжетами. Был у него пейзажный цикл картин, который называл он «оголённость». Работал в самых разных техниках: живопись, рисунок, монотипия, гравюра и другие. К нему по-прежнему приезжали ученики и поклонники его живописи и поэзии. Он охотно беседовал, показывал свои работы, читал стихи.

Большим другом его стал художник Борис Петрович Свешников. Часто бывали художники Трипольский, Заневская; поэты Сапгир, Холин, Всеволод Некрасов, молодой поэт Володя Максимов, тогда студент философского факультета МГУ, и многие другие, чьих имен теперь не припомню.

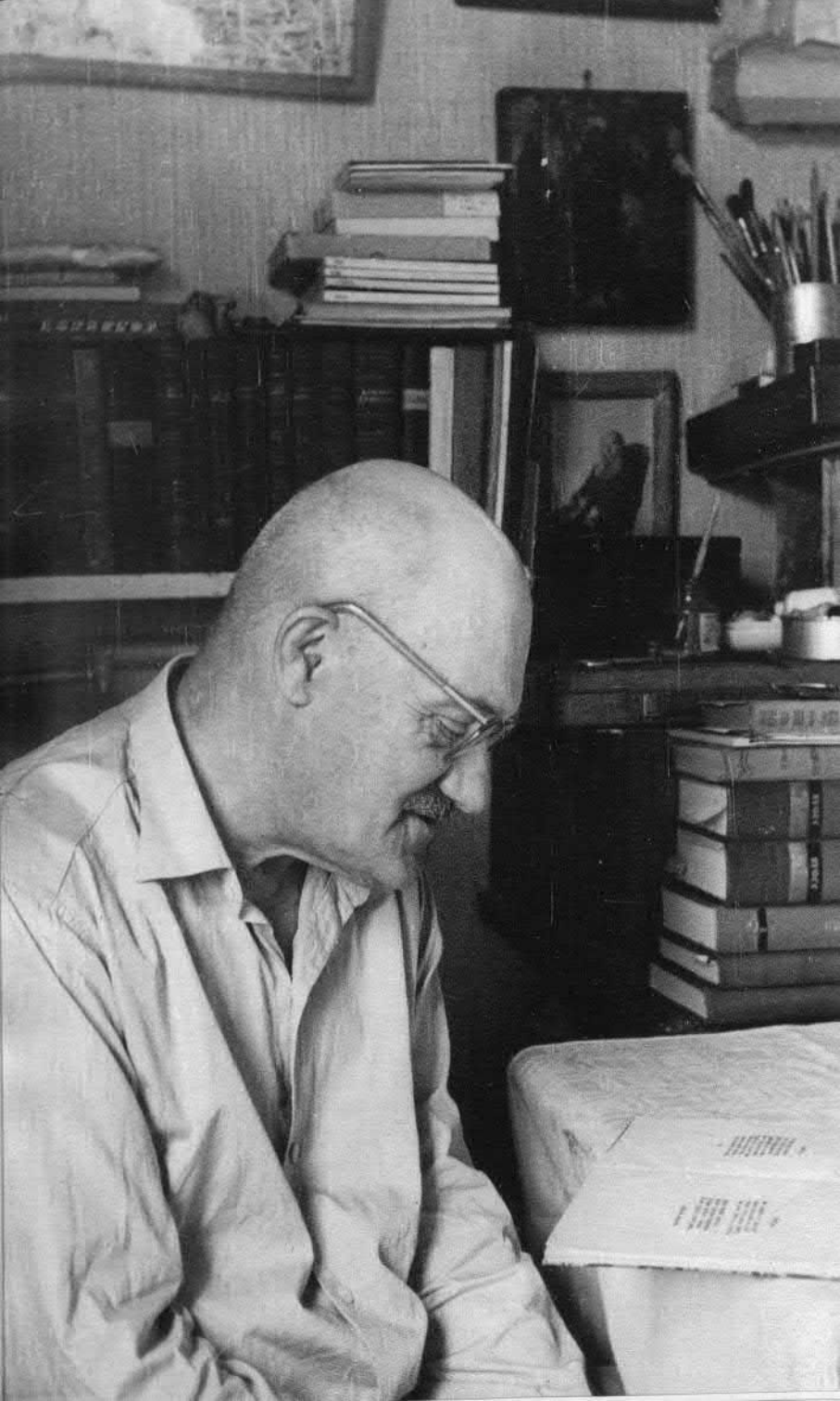
С 1965 года наша семья переехала из Лианозова в Москву (ул. Б.Черкизовская, 8–21) на «Преображенку», где отчасти продолжались лианозовские традиции. Евгений Леонидович часто бывал у нас, участвовал в наших выставках, устраиваемых вопреки желанию начальства. Он был участником выставки в клубе «Дружба», в Измайловском парке, в доме культуры на ВДНХ, в некоторых закрытых научных институтах. Официальные художественные организации его по-прежнему не выставляли. После смерти Ольги Ананьевны в 1971 году, Евгений Леонидович какое-то время жил в Долгопрудной один. Потом дом, где он жил, решили сломать и его переселили в город Долгопрудный. Он поселился в большом многоэтажном доме на 8-м этаже, где чувствовал себя одиноко и неудобно. Тогда Лев снял ему квартиру в Москве (Комсомольский пр-т, 46).

В 1978 году мой муж Оскар Рабин, наш сын художник Александр Рабин и я вынуждены были уехать за границу и поселились в Париже. Отец писал нам о своей жизни, о настигающих его болезнях. Когда одному ему стало жить трудно, брат мой Лев взял его к себе. Евгений Леонидович умер 19 января 1979 года в возрасте 85 лет. Прах его покоится на Лианозовском лесном кладбище, где прежде была похоронена Ольга Ананьевна.

За всю свою жизнь, отданную искусству, он не имел на родине ни одной персональной выставки, кроме квартирных, ни одной книги стихов. В 1977 году Александр Глезер во Франции, в своем издательстве «Третья волна», напечатал небольшой сборник его стихов «Печально улыбнуться». Это было большой радостью для Евгения Леонидовича. Те несколько экземпляров книги, которые Глезер смог ему переправить, он очень ценил.

<...>

Многие работы моего отца находятся в частных коллекциях в России и на Западе. Кое-что из них хранится теперь в «Русском Музее» в Санкт-Петербурге, в Третьяковской галерее, в музее Zimmerli в США и др.

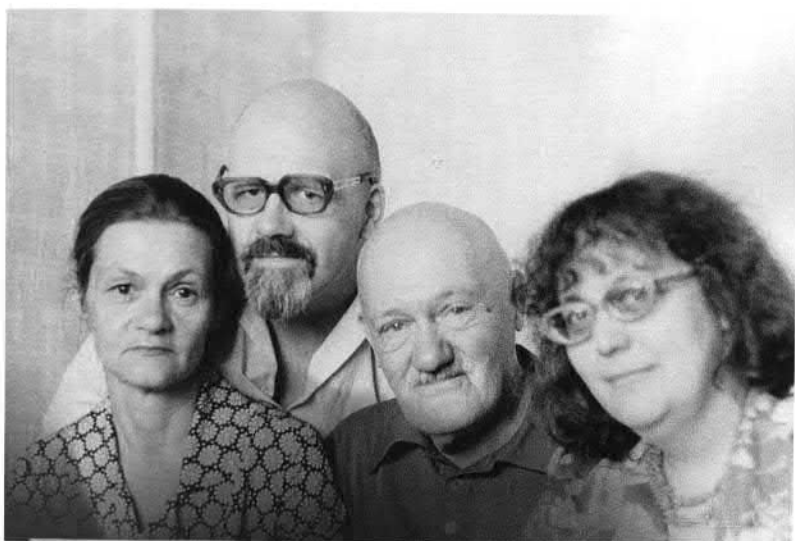

Е.Л. Кропивницкий, Оскар Рабин,
Валентина Кропивницкая, внуки Катя и Саша.
Середина 1950-х.

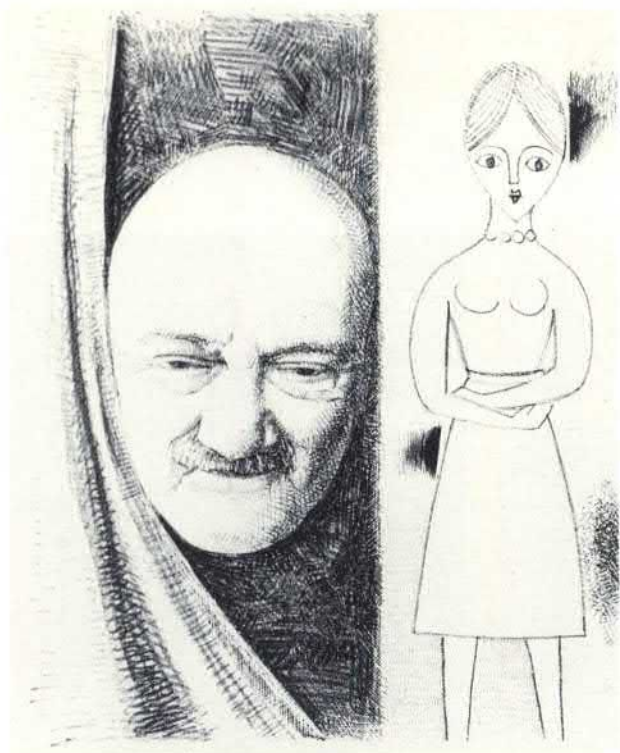
<
Е.Л. Кропивницкий.
Фото Е. Нуговича. 1960-е.

В.Е. Кропивницкая, Л.Е. Кропивницкий,
Е.Л. Кропивницкий, Г.Д. Кропивницкая.
1970-е.

Л.Е. Кропивницкий. Портрет отца.
Литография. 1975.

<
Е.Л. Кропивницкий.
Фото Е. Нутовича. 1960-е.

Е.Л. Кропивницкий. Вид из моего окна.
Картон, масло. 1956.

Е.Л. Кропивницкий.
Дом, в котором я живу с 1934 г. в Долгопрудной.
Картон, темпера. 1953.

Е.Л. Кропивницкий. Три девушки.
Рисунок. 11 июня 1969.

>
Е.Л. Кропивницкий. Рисунок. 1973.

E. H. P. 1973

Е.Л. Кропивницкий. Осень.
Картон, темпера. 1957.
Из коллекции В. Немухина.

Е.Л. Кропивницкий. Вино и фрукты.
Холст, масло. 1961.
Из коллекции Г. Сапгира.

Красса Браунскири
Умас 1978г.

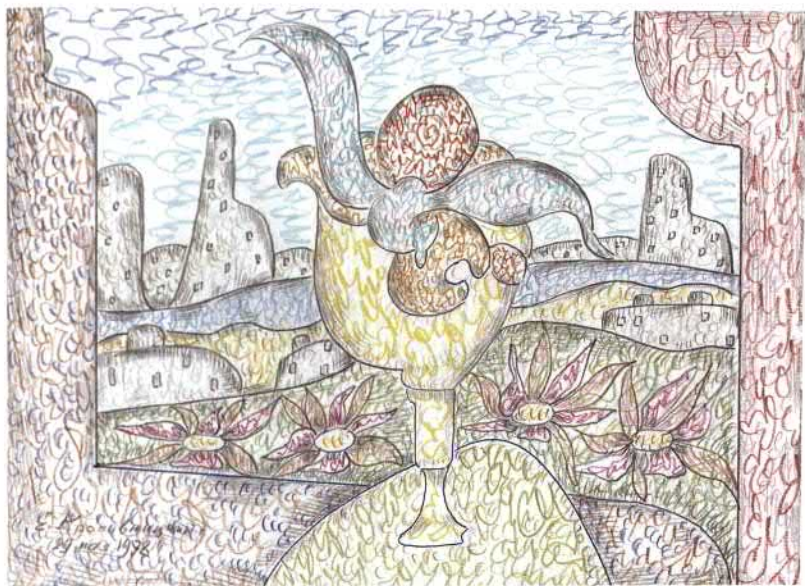
Е.Л. Кропивницкий. Девушка и кот.
Рисунок. 1963–1969.

<
Е.Л. Кропивницкий. Рисунок. 27 мая 1978.

Е.Л. Кропивницький. Дівушки у воды.
Картон, темпера. 1976.

Е.Л. Кропивницкий. Рисунок. 29 мая 1978.

Генрих Сапгир Учитель

Не люблю это слово, но Учитель с большой буквы – совсем другое дело. Его мы выбираем сами, потому что мы в нем нуждаемся. Особенно на первых порах в любой деятельности. И воровать тоже надо учиться у кого-то, иначе – дилетантизм и вообще нехорошее, часто кровавое дело получается. А там, где требуется исключительная тонкость и знание, например, словесность или строительство самолетов, дилетант не терпим.

Евгений Леонидович Кропивницкий, ровесник Маяковского, – художник, поэт и композитор, профессионально учился живописи и рисунку и закончил Императорское Строгановское училище. Стихам учился у поэтов серебряного века, которых любил и изучал. Дальше учился сам. И в живописи, и в сочинении стихов достиг высоких результатов. От сезаннизма и литературности он пришел к эстетизму и примитивизму. Естественно, при помощи любви-любования и присущей ему иронии рисуя окружающий мир и выражая тем свою личность. В композиции, мне кажется, он не проявил такой оригинальности, оставаясь последователем Мусоргского. Во всяком случае, я слышал, что Глазунов, композитор, конечно, высоко оценил его оперу «Кирибеевич» на сюжет Лермонтова. Но что говорить, когда я познакомился с Учителем, он жил в такой бедности, что фортепьяно в его барачную горницу просто бы не поместилось.

Бедность, почти нищета сопутствовала его жизни и моей молодости, что нам нисколько не мешало быть счастливыми в дружбе и искусстве.

«Сколько себя я помню, начиная с революции я все время голодал и холодал, – говорил он. – Если бы вы могли увидеть, Генрих, какой была Москва в начале века! Она гремела телегами и дымила авто, пестрела яркими красками церквей и вывесок. И пахла то кожей, то щами, то железом. Жизнь была полна. А потом –

потом всё опустело, к тридцатым стало серым и ровным».

Да, еще во время войны мы зачастую шли обедать в бывший ресторан «Спорт» – Учитель и Ученик по его талонам на усиленное дополнительное питание – УДП. «Умрешь днем позже», – говорили мы. Ему они полагались как преподавателю изостудии Дома пионеров Ленинградского района. Он вообще всю жизнь учил детей живописи и рисунку, зарплата небольшая, но много ему и не надо было.

То же и в искусстве. Он ограничил свой словарь, убирал лишние эпитеты и метафоры. Обобщил рисунок, не допускал пестроты и красоты. Такая была вокруг жизнь – некрасивая и достоверная. Эстетика и этика сугубой бедности. «Оголенность» – так он называл целый цикл своих подмосковных пейзажей. Там на холме торчал какой-нибудь барак под березкой. А из земли росли не розы и нарциссы, а трубы и проволока. Новая эстетика.

Вот и пришли к Учителю мы – его Ученики, поэты и художники. Насколько возможно среди общего бедствия, это была идиллия. Походы по окрестным лесам и полям с этюдником (он еще рисовал с натуры) и книгой какого-нибудь поэта. Обычно Учитель рисовал, а Ученик читал вслух. А вокруг покачивалось пьяное Подмосковье. Или на берегу Клязьминского водохранилища. Все леса и парки там исхожены нашей компанией. Потому что компания юных и любящих искусство вокруг него, как я понимаю, была всегда. Он был Учитель по призванию. Подобно какому-нибудь китайскому мудрецу. У него даже лоб был как у Сократа. Подмосковный Сократ. Но, в отличие от Ксантиппы, Ольга Ананьевна Потапова была удивительно добра и симпатична. Художница и теософка. Евгений Леонидович очень любил свою Олечку.

Она даже в шутку переделывала его стихи:

... А без крова пропадай,

Без еды – капут.

Ты протянешь руку: дай!

А тебя попрут.

«И тебе дадут», – читала Ольга Ананьевна с улыбкой. В нашей России – правда и то, и другое.

Генрих Сапгир

*Евгению Леонидовичу Кропивницкому
в день его 75-летия*

Война. И все-таки весна.
За рамой грустного окна –
На небе синие заливы.
Даль лиловеет, собирая
Давно знакомые сараи.
Какое счастье! Суп из молодой крапивы!
Туманится сознание...
Ликует и пирует
Голодная компания!
Досталось по четыре ложки.
О боже! На второе –
Лепешки из гнилой картошки!
Мы делим порции свои,
В ладошки собирая крошки.
Клюем, как воробьи,
Хозяева и гости.
Под перышками – кожа,
Под кожей сразу – кости.
И всё же...
Мы выжили, черт побери!
Мы живы, что ни говори.
Мы совершенно пьяны
И пищей и весной.
Заварим в стаканы
Чай плодоовощной.
За свое здоровье –
Кипяток с морковью!
Сыта сегодня печь и та.
Стихи приятно почитать.
Валерий Брюсов, Пушкин, Дельвиг,
Арсений Алексеевич Альвинг...
Зимою на Центральном рынке
Его видали, говорят.
– Купите ватник! – Вот ботинки!
– На хлеб меняю шоколад!

Пенсне как будто запотело...
Продать его? Пустое дело...
Там наверху живет Верховский...
Дремал. И снился яр московский...
– Ах, извините, не дожил!
Не то бы стансы вам сложил.

Страшнее сна не выдумать,
Евгений Леонидович.
И все ж... остались –
Мы да вы.
Мы черту в зубы не достались!
Какое мужество прожить в России век!
А говорят, слаб человек.

5 сент. О Евгении Леонидовиче Кропивницком. Мой учитель. 73 года. Познакомился с ним в 1949 году. 17 лет прошло с тех пор. Он кончил Строгановское училище в 1911 году. Кажется, прикладной факультет, или класс, как раньше называли. На войне не был ни на той, ни на этой. Грыжа. Много голодал. Во время революции уехал в Вологду с отцом и матерью. От голода. Но там тоже голод оказался. Уехали в Удмуртию и там тоже голод. Познакомился с Потаповой. Женился. Вернулся в Москву. В Вологде читал лекции по музыке. 10 лет после училища живописью не занимался, сочинял музыку. Рисовать стал, познакомившись с Потаповой. В училище занимался скульптурой. Работал учителем рисования. Бухгалтером. Конторщиком. Долгие годы преподавал живопись в дворцах пионеров г. Москвы. Ждановском и Ленинградском. Член МОСХа. Потом исключен в 1964 или 1965 году. Скоро, наверное, восстановят. Знаком был с Арсением Альвингом, Филаретом Черновым, с Юрием Верховским – поэты. И с многими художниками. Дети: дочь Валя, жена Оскара Рабина. И сын Лев. Художник. Сейчас на пенсии. Все то, что я изложил здесь – все со слов самого Кропивницкого. Последние 25–30 лет он живет в Долгопрудной. Возле самых прудов. Недалеко от усадьбы. Комнатушка маленькая. Тесная. Без удобств. Вода на улице. Печь топится дровами. В 1936 году – вероятно, под влиянием Филарета Чернова – стал усиленно заниматься стихами, которые писал с детства. Но, вероятно, стихи были бледными.

В 1936 году он нашел себя.

Небольшой, но очень колоритный поэт с определенным своим лицом. Жизнь маленьких людей. Бытовые миниатюры. Очень точные, очень четкие. Яркие.

Вот пристань. И ходко
Идут пароходы.
Моторная лодка
Разрезала воды.
В палатке красotka
И надпись «Крем-сода».
И пиво, и водка,
И много народа.

Я не хочу сказать, что это наиболее типичское стихотворение – нет. Просто первое пришедшее в голову мне сейчас.

Есть у него и другие стихи.

Философские. <...> Основной пунктик этой «философии» – «Мы все помрем». – Глупо, но факт. Однажды я попытался сказать ему об этом. Но кончилось тем, что он порвал со мной всякие отношения. В течение года мы не встречались. Теперь я просто помалкиваю, если мне что не нравится. И все равно это замечательный поэт. Свежий и новый даже теперь, в 1966 году. Однако поэзия для него второстепенное. Главное живопись. Тут он мастер непревзойденный. Один из числа лучших художников. Таких как Шагал, Тышлер, П. Кузнецов, Ларионов. С особой любовью он пишет женские головки. И женщин вообще. Тут он достиг необычайных высот. В живописи за что он ни возьмется, все получается здорово. Даже абстракции.

<...>

Любит старых мастеров и не любит современной живописи. Даже своего зятя Оскара Рабина не признаёт. Нет, на словах он признаёт, даже хвалит иногда. Но все это игра. Любит он и передвижников. И импрессионистов. Сюрреализм и экспрессионизм чужды ему. И это не только в живописи, но и в поэзии. Ни Хлебникова, ни Пастернака, ни Цветаевой – он не признаёт.

Живет он скромно. Пользуется самыми малыми земными благами. Одевается скромно. Мяса в основном не ест. Может быть, потому что нет зубов.

Выглядит свежим, несмотря на то, что часто болеет. Очень подвижен. Часто ездит в Москву. Ходит на все художественные выставки. Даже на плохие. Недавно

ходил смотреть Шурпина, художника бездарного. Удивительная прыть для его возраста. Недавно он приезжал ко мне в Икшу. Не застал, поехал в Москву к Сапгиру. Вот как. Это в 73 года. Позавидуешь. Учеников у него было много. В живописи: Юра Васильев и Оскар Рабин. В поэзии я и Сапгир.

Я обязан Кропивницкому всем. Когда я пришел к нему впервые, я не знал ничего. Всякое отсутствие культуры. Он рассказывал мне о поэтах, о художниках. Читал стихи, водил на выставки. Он не курит, не пьёт. Очень часто влюбляется в девушек. Последняя его любовь Лиля Осмёркина. <...> Что он в ней нашел, не знаю. Страдал невероятно. Теперь это все, кажется, кончилось. Слава Богу.

Ростом он не высок. Хромает (попал под машину во время войны. Упал от голода на шоссе). Глаза голубые, ясные. Голова лыса.

Говорит спокойно, негромко. Сам о себе он говорит, что он раздражителен. Но я этого не наблюдал. В основном он человек добрый. Однако я подозреваю, что злым он тоже может быть.

Блок, Сологуб, Брюсов, Бальмонт – любимые его поэты. Из 19 века Пушкин и Тютчев.

1966

Всеволод Некрасов

Евгению Леонидовичу

Ольге Ананьевне

Тут и ель
И сосна
И береза сама
Тут и куст
Тут и лес
Тут и хвоя и лист
Тут и зим
Тут и лет
И – чужак человек –
И чего только нет

А чего
Только
Нет

Нету тут
Чинары

Если тут
Чего нет
Значит
И не надо

Комментарий

В основу структуры поэтического раздела положены авторские списки стихотворений по годам, книгам, сборникам и циклам, составленные не ранее 1977 года и находящиеся в РГАЛИ (ф. 3135, ед. хр. 120 и 121). Правда, стихи в этих списках классифицированы только до 1970 года. Поэтому в нашей классификации учтены составы авторских книг разных лет – как по вышеуказанным спискам, так и по тем из них, которые нам удалось посмотреть. Надо сказать, что авторская классификация не является абсолютно однозначной. Некоторые стихотворения попадают в разных авторских сборниках, так сказать, в разные компании, т.е. занимают как бы промежуточное положение. В то же время большинство классифицированных стихотворений устойчиво группируются в различных сборниках. Таким образом, эта авторская классификация отражает реальное устройство поэтического мира Е. Л.

Кропивницкий не относился к поэтам, всю жизнь пишущим одну книгу, и которых естественно издавать в хронологическом порядке. В основной период своего творчества он параллельно писал несколько книг, делая при этом и регулярные вылазки в сторону, пробы нового материала и стиля. Составитель позволил себе экстраполировать авторские списки на основании наличия ряда стихотворений 70-х в авторских книгах, включающих более ранние стихи, в основном относящиеся к одной из книг; а также явного типологического сходства.

Стихи в рамках авторских подразделений даются в основном выборочно. В одной из тетрадей перечислено 1305 стихотворений. На самом деле их еще больше, т.к. имеются стихи, не вошедшие в этот список. Таким образом, в нашу книгу вошло около половины известных стихотворений.

Внутри сборников стихотворения расположены, как правило, в хронологическом порядке. Исключением является сборник «Кусты – и это».

Основными источниками текстов являются авторские рукописные сборники. Эти сборники все разные; и стихи в них часто различаются – пунктуация, перестановки, сокращения и расширения. Характерная особенность – наличие/отсутствие заголовка в разных вариантах одного и того же стихотворения. Нами сохраняются некоторые особенности авторской пунктуации и орфографии.

Другой источник – машинописные сборники. Сам Е. Л., насколько можно судить, пишущей машинкой не пользовался.

На большинстве этих сборников указано, кем они перепечатаны. Здесь мы встречаем такие имена, как Л. Кропивницкий, И. Холин, Г. Сапгир, Э. Лимонов, К. Гуревич (Сапгир), Катя Ильина, Г. Ткаченко, В.А. Тарасенко и др. По-видимому, все машинописные сборники воспроизводят рукописный авторский оригинал.

Аналогичное положение с источниками текстов прозы.

Материалы для книги предоставлены Г.Д. и Н.Л.

Кропивницкими, В.Е. Кропивницкой, Е.М. Кропивницкой, Ю.Б. Орлицким, Н.А. Шмельковой.

Использованы также материалы, хранящиеся в РГАЛИ (ф. Е.Л. Кропивницкого – № 3135), и различные публикации.

Раздел «Кусты – и это» **Книги первой** (с.с.18–63) печатается по машинописной копии Ю.Б. Орлицкого с оригинала из архива Генриха Сапгира, находящегося сейчас в Русском архиве Института Восточной Европы в Бремене. Мы сохраняем все 28 авторских циклов, но не все входящие в них стихотворения. Циклы ЦВЕТЫ, ХОЛОДНАЯ ВЕСНА, ЛАЗУРЬ имеют посвящение «Памяти Отца».

Приводим предисловие из «Книги первой /Стихи /Ожерелье /и / Кусты – и это / (общий сборник по годам) /1935–1963»:

Стихи этой книжки связаны с ощущениями жизни и переживаниями моей юности и молодости.

Радость жизни, была тогда в сердце моем. Красота и очарованья природы – входили в душу. Трагические планы жизни – страдания, земные ужасы, болезни, жуткие лики быта тогда не воспринимались как главное, и душа моя была упоена тем прекрасным, что имеет жизнь наравне с буднями, болезнями и страданиями.

Но это все в прошлом.

Я рад, что свежесть этих переживаний я, уже в зрелом возрасте, отобразил здесь.

Кошачий месяц. Синий-синий... (с.27). Ср. *Март (Месяц синий...)* – стихотворение 1939 г., отнесенное к кн.2 (с.113).

Рубку леса производят... (с.28). Филарет Чернов (1878–1940) – поэт, друг Е.Л. См. о нем с.580 и далее.

Природа вешняя ясна... (с.30). Вариант:

Арсению Альвингу

Природа вешняя ясна.
Опять пришла весна. Смотрите!
Смотрите: солнышко, весна!
Вы любите весну, скажите?

Идите в синие поля,
Где таянье большого снега,
Где пробуждается земля
Для зверя и для человека.

Смотрите: солнышко, весна!
Весна! Вы видите? Смотрите!
Весна прозрачна и ясна...
Берите кепку и идите!

*Глядеть в зеленую бутылку... (с.35) добавлено составителем,
т.к. есть в другом сборнике с тем же названием.*

Песня дикаря (Еду, еду по пути...) (с.38). Вариант:

Еду, еду по пути.
Туча, туча, уходи!

Распустились ландыши.
Заяц прыгает пушист.

Вот мой новый самострел.
Я от зноя запотел.

Вот курганы впереди.
Туча, туча, уходи!

Блеет белая коза.
Надвигается гроза.

Туча сделалась темней.
Ускользнул с дороги змей.

Еду, еду по пути.
Туча, туча, уходи!

1940

Острота моих напевов... (с.63) Приводим более пространный вариант из рукописного сборника:

Поэт

Острота его напевов
Специфична и свежа.
Кольхаясь и дрожа,
Острота его напевов
Сеет сеvy сочных сеvов,
Новым радостям служа.
Острота его напевов
Специфична и свежа.

Всю шаблонность он похерил,
На стандартах виден крест.
Он светло глядит окрест.
Он шаблонность всю похерил,
Он себя сто раз проверил –
Нет ли где банальных мест?
Всю шаблонность он похерил,
На стандартах виден крест.

О халтуре беспардонной
Говорит с насмешкой он –
(У него игривый тон).
О халтуре беспардонной
Подхалимно-монотонной
Говорит без гнева он.
О халтуре беспардонной
Говорит с усмешкой он.

Для него вся жизнь как благо
Смачной прихоти земной:
Он любитcя весной.
Для него вся жизнь как благо:

Лес, поля, речная влага,
Небо с синей глубиной –
Всё ему – и жизнь, и благо
Смачной прихоти земной.

Осенняя ночь (Ночь. Боярская усадьба...) (с.72).
Один из вариантов:

Ночь. Боярская усадьба.
Тишина.
Лунный блеск. Седая осень.
Тишина.

Совий визг и снова, снова
Тишина.
Чу! – кикимора... Блеск кики...
Тишина.

Вышла дивная из баньки –
Ворожит.
Замерла при лунном блеске:
Ворожит.

Лунно, тихо, нелюдимо...
Тишина.
Лунный блеск. Седая осень.
Тишина.

На дворе тепло и тихо... (с.83) В одном из вариантов называется «Воскресный день» и содержит еще 3 строфы (в таком виде отнесено автором к книге «Земной уют»):

Под гармонь любовь и пенье,
Хрипы, стоны, водка, раж.
Потому что воскресенье –
Потому и полон пляж.

Будет дождь – вот это плохо
Ибо много городских.
И придется им заохать
Так как дождь намочит их.

Ну, а мы? – Дождя нам надо,
Чтобы ожил огород,
Чтобы ожила рассада,
Чтобы ожил прочий плод.

Книга вторая «Великие будни» (сс.93–170). Стихи, следующие после стихотворения «Жена» (с.158), добавлены составителем.

Ядовитая колбаса (Парень рыжий и косой...) (с.168).
Есть вариант с третьей строфой:

В колбасе таился яд...
Кто же в этом виноват –
Государство, или кто?
Рассудили, что никто.

Книга третья «Лики жизни» (сс.171–208). Стихи, следующие после стихотворения «Встреча с Холиным» (с.205), добавлены составителем.

Жалко смотрит старушка... (с.178). Приводим 2 варианта (оба – сонеты, но с разной ритмикой):

Нищая старушка

Убогая давно и жалкая старушка
Взирает жалобно, бредя по мостовой.
А где-то далеко в деревне есть избушка,
Где родилась она, была где молодой.

Ах, шаль была на ней с красивою каймой.
Ухаживал за ней тогда злодей Петрушка.
Но это все ушло и скрылось полумглой...
Теперь в руке ее скорюченная клюшка.

Бредет она с сумой, печальна и больна,
Стоит на паперти убогая она
И жалобно глядит, стара и одинока.

Родные умерли, она же все живет.
И мучит нищета, убогой жизни гнет,
И смерти ждет она, как милости у Бога.

Старушка

Убогая и хилая старушка.
Бредет она по грязной мостовой.
А где-то там в деревне есть избушка,
Где родилась, где была молодой.

Теперь в руке скорюченная клюшка,
Но пахнет шаль с красивою каймой.
Ухаживал за ней злодей Петрушка...
Ах, все ушло и скрылось в тьме немой!

Бредет она печально-одинок
Иль у церковного стоит порога
С печалью темной скорбного лица.

То умерло... она ж живет покуда,
Слоняется весь день с сумой средь люда,
Живет и ждет земных дорог конца.

Вот тут она сидела... (с.181). Более пространный вариант:

Романс

Он сделал злое дело
И сделав убежал.
Он в снег забросил белый
Зазубренный кинжал.

Скитался по пустынным
Проулкам и дворам.
Следил за тенью длинной,
Глядел в прорезы рам.

Вдруг он дошел до дома...
Его ли это дом?

Да, да, здесь всё знакомо.
Вот двор. Как он знаком!

Вошел в квартиру. Холод.
Мрак. Серая стена.
Графин лежит расколот
У тусклого окна.

Вот тут она сидела
И куталась в платок...
Он сделал злое дело.
Ах, как он был жесток!

И долго он томился
В своей худой норе.
Но вот засеребрился
Край неба на заре.

И утро было странно.
Мороз на дверь осел.
К нему стучались рано:
Вошли. А он висел.

Грусть девушки (Эх, ненастная погода...) (с.196). Другой вариант
[ср. *Старая дева (Погода нехорошая...)* (с.333)]:

Погода нехорошая
И грязь все продолжается.
А я очень хорошая
От скуки должна маяться.

И грустно мне, и пасмурно
И ах, как мне томительно!
Мне горестно, мне пасмурно,
И как-то отвратительно.

Люблю я лето жаркое,
Чтоб солнышко проглянуло.
И вся я тоже жаркая –
Я к милому бы прынула.

Бежала бы по лугу я,
По свежему, зеленому –
К нему бы прибежала я,
К нему, в меня влюбленному.

6 июня, 17 августа, 31 октября 1952

Оголенность (Оголённость жизни вещей...) (с.201). Очевидно, соотносится с пейзажным циклом картин того же названия (сс.613, 623, 626).

Книга четвертая «Лирика» (сс.209–252). Стихи, следующие после стихотворения «Мы во власти окаянства...» (с.242), добавлены составителем.

Крылами серафима... (с.216). Напрашивается вариант 3-й строки: «А тем – идущим мимо», но пока в оригиналах не обнаружен...

Только чуть задремлю... (с.228).

Арсений Альвинг (1885–1942) – поэт, друг Е.Л. См. о нем на с.619.

Книга «Кружева» (сс.253–278). Замечательный пример использования Е.Кропивницким конкретистской поэтики, развитой его учениками Холиным и Сапгиром, а также Вс. Некрасовым. [Мы отобрали 73 из 113 стихотворений.] Приводим предисловие автора, датированное 8 января 1970:

В эту книжку, написанную в течение четырех лет, вошли 113 стихотворений.

Тут нет никакой выдумки, никакой игры в поэзию.

Высокопарности здесь тоже нет. Нет тут и шарадности стиля, а также крикливости и заумности.

Я старался находить нужные слова, чтобы выразить свои ощущения, восприятия и переживания.

Почти каждое стихотворение длительно отделялось и перерабатывалось – иногда по 10 раз.

Книга «Земной уют» (сс.279–426) объединяет крупные стихотворения, которые можно было бы обозначить как баллады или стансы. Стихи, следующие после стихотворения «Тело и душа» (с.416), добавлены составителем.

Секстина (с.306) в одном из вариантов имеют эпиграф из П.А. Вяземского: На свете – в этом зданьи шатком – /Жить смирно – значит жить умно.

Персональная выставка (с.357). Скорее всего, в 1952 г. у Рабина не было персональных выставок, да и Сапгиру [это написание установилось в начале 60-х] еще было далеко до триумфаторства. Так что это, очевидно, мягкая ирония в адрес учеников. В 10 строке речь идет, видимо, о *Брониславе Львовне Гершойг*, руководившей изостудией в г.Долгопрудный.

Этапы жизни (с.362) – в одной из рукописных авторских книг перед последней строфой ремарка в квадратных скобках: [диалог стукачей], а справа от слова «личность» также в квадратных скобках приписано: [стукач].

Враги (с.398) в одном из вариантов имеют подзаголовок «Ход жизни».

Классификация убийства (с.412). Ср. несколько более раннее стихотворение «Газэлла»:

День сегодня начал я с убийства:
Я убил клопа. Убил – убийство!

Кошку бросили вчера в колодец
Мальчики. – Жестокое убийство!

В пьяном виде муж лупил жену –
И убил ее. – Опять убийство...

А война! а казни государства! –
Вот разгул кровавого убийства!

Сколько бьёт народ свиней, коров,
Кур. Их трупы ест потом... Убийство!

Ах, убийство всюду и везде:
Мир в крови! Окрест царит убийство!

29 сентября 1962

Тело и душа (с.416). Автором эпиграфа в оригинале ошибочно назван Генрих Гейне. На самом деле это из Шиллера в пер. Лермонтова. Эта ошибка воспроизведена в *Антологии у Голубой лагуны*. Т.1 (Ньютонвилл, Мэсс. 1980) и *Строфах века* (М., 1995).

Книга «Сонеты» (сс.427-456) составлена из нескольких авторских подборок с исключением тех сонетов, которые вошли в другие книги.

Самосуд (На площади толпы большое тело...) (с.431).
Другое название «Звериное лицо».

В нашем разделе «**Стихи разных лет**» (сс.457–510) – стихотворения 1943–1969 гг., не классифицированные автором, а также избранные стихи 1970-х.
БЕЛЫЕ СТИХИ (1973; сс.482–487) публикуются полностью;
циклы МЯСО (сс.488–489) и БЕЛЫЕ СТИХИ (1977; сс.501–505) – выборочно.

На этюдах (с.469). Петровичев (Кузьмичев) Петр Иванович (1874–1947) – известный художник.

Все заборы, заборы... (с.471). Более ранний вариант:

Опять за окошком горланят.
Ну что ж: все равно пропадать.
Болезни да хвори изранят,
Чтоб Господу душу отдать.

А здесь всё заборы, заборы
Шоссе да дома, да дома...
А смерть словно ходит дозором.
Ни слова! – от века нема.

Ну что ж – и до вас доберется
А там и до нас заодно...
На улице кто-то дерется...
Душе ж ничего не видно.

15 мая 1952

Милый друг, о, ангел неземной... (с.472). Есть также вариант с заголовком «Любовная лексика» и эпиграфом из Эртеля: «Лексика любви всегда банальна».

Аборт (с.476). В другой тетради датировано 1970 г. (возможно, правильная дата – 1969) и содержит еще одну, третью строфу:

Что ты говоришь – свинья? –
Да, едят, бывают случаи...
Как это «не я, не я»? –
Видно ты свиньи не лучше.

Жуткая тишина (с.479). О.А. Потапова скончалась 9 мая 1971 г.

И Анненский и Пастернак... (с.504). Интересно, что в том же 1977 г. Е.Л. написал сборничек короткой прозы, в котором каждый текст соответствует одному из стихотворений этого цикла. Вот пример:

Поэты

И Иннокентий Анненский, и Борис Пастернак писали смутно и сумбурно. Несмотря на это в их поэзии есть что-то поэтичное и приятное.

Поэты эти не для нас – мы их не в силах осилить, но именно их непонятность создала для них много поклонников, которыми их непонятность трактовалась, как вполне для них ясное и понятное.

Горе в том, что талантливостью стихов Иннокентия Анненского и Бориса Пастернака воспользовалась сила бездарностей, которая стала кривляться и гримасничать, как обезьяны.

Черный шар (с.506) Ср. стихотворение 1950 г.:

Гигантский шар

Летим в пространство на земле,
Как сукиновы дети.
Гигантский шар летит во тьме
Кромешной в бездны эти.

Летит гигантский шар давно,
Миллиард тысячелетий.
Окрест него темно, черно,
Лишь солнце жжет и светит.

Куда летим? Зачем летим? –
Не ведаем, не знаем...
Летим и всё. Пусть не хотим,
А всё летим... Но чаем,

Что долетит шар наконец
К какому-то пределу –
И будет все-таки конец
Тому, что так летело.

И уничтожится, как прах,
Неведомая греза:
Вся эта жизнь, весь этот страх,
Всей нашей плоти слезы.

«Ранние стихи» (сс.511–524).

Отдельные стихотворения из циклов СУМЕРКИ ДНЕЙ
и НЕУГАСИМАЯ ЛАМПАДА; цикл ДЕРЕВНЯ – полностью (есть,
правда, вариант цикла с добавленным стихотворением 1934 г.).

Триолет (Мне будни серые страшны...) (с.512) в книге
«ЛИРИКА /Стихи /1943–1974» датирован 4 июля 1964 (дата
переработки?).

Печально улыбнуться... (с.512) отсутствует в списках и в
просмотренных нами тетрадях и сборниках. Печатается по книге:
Евгений Кропивницкий. *Печально улыбнуться..*

Цикл НЕУГАСИМАЯ ЛАМПАДА посвящен О.А. Потаповой.

Проза

Автобиография [2] (с.528) печатается по книге: Наталья
Шмелькова. *Во чреве мачехи, или Жизнь – диктатура красного*
(СПб.: Лимбус Пресс, 1999. С.183, 185).

К своим стихам (с.532). Печатается по книге: Евгений Кропивницкий. *Печально улыбнуться...* (Париж: Третья волна, 1977. С.7–8).

Краткое практическое руководство как научиться рисунку и живописи талантливому ученику (с.540).
«Шестая колонна», № 1 (1998). С.22.

Кладбищенский эпизод (с.564). В одной из подборок внизу приписано: «Рассказ из жизни художника Бори Свешникова».

100 советов самому себе (с.600) – на самом деле их 99, пропущен (в известных нам копиях) № 69.

О Е.Л. Кропивницком

Лев Кропивницкий. *10 московских художников* (с.611).
Из книги «Другое искусство». Т.1. (М., 1991. С.28–32).

Лев Кропивницкий. *Истоки* (с.615). Печатается по книге:
Евгений Кропивницкий. *Земной уют* (М., 1989. С.32–С.3 обл.)

Валентина Кропивницкая. *Из воспоминаний* (с.617).
По рукописи, предоставленной автором.

Генрих Сапгир. *Учитель* (с.625). «Шестая колонна», № 1 (1998).
С.21. [Текст был полностью опубликован в некоторое время существовавшей сетевой версии журнала; в бумажной версии отсутствовал конец.]
В конце цитата из стихотворения *Холодеет на дворе...* (с.183).

Стихотворение Генриха Сапгира (с.627) по книге «Другое искусство». Т.1. (М., 1991. С.267–268).

Из дневника Игоря Холина (с.629). Рукопись предоставлена
Ариной Холиной.
Однажды я попытался сказать ему об этом – ср. То, чему учил я вас... (с.259).

Стихотворение Всеволода Некрасова (с.632) взято из его книги
«Лианозово» (М., 1998. С.23).

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги

1. Евгений Кропивницкий. Печально улыбнуться... – Париж: Третья волна, 1977. – 48 с., 2 л. илл. Сост. А. Глезер, М. Муравник. 29 стихотворений и 6 вещей прозы.
2. Евгений Кропивницкий. Земной уют. Избранные стихи. – М.: Прометей, 1989. – 32 с. Сост. Г. Сапгир (обозначен как редактор). 61 стихотворение.

Периодика

3. «Третья волна», № 2 (март 1977), с.32–33.
4. «Третья волна», № 11 (1981), с.25–28.
5. «Левиафан», № 2, апрель 1979, с.12–13. 13 стихотворений.
6. «Северная почта», № 3, 1979. (Самиздатский журнал поэзии, выходивший в Ленинграде).
7. «Стрелец», № 10 (1984), с.20.
8. «Огонек», № 47, 1989, с.16. 3 стихотворения.
9. «Огонек», № 25, 1990, 1 с. ил. 3 стихотворения.
10. «Человек и природа», № 1, 1991, с.94–95. 4 стихотворения.
11. «Новое литературное обозрение», № 5 (1993). В составе тематического блока, посвященного Лианозовской группе:
Ю. Орлицкий. «Для выражения чувства...»: Стихи
Е.Л. Кропивницкого. С.186–195 [То же: «Стрелец», № 1 (81), 1998, с.123–134].
Воспоминания о Филарете Чернове. С.224–235.
Стихи [22]. С.247–251.
12. «Вестник новой литературы», № 5 (1993). С.171–184. Предисл. и публ. В. Кулакова. 32 стихотворения.
13. «Соло», № 10 (1993), с.89–93. 10 стихотворений в составе блока «Лианозово».
14. «Юность», № 4, 1994, с.50–51. 13 стихотворений. Предисл. Г. Гецевича.
15. «Цирк “Олимп”», № 10 (5'1996), с.8. Предисл. Г. Сапгира. 11 стихотворений.
16. «Стрелец», № 1 (81), 1998 (целиком посвящен лианозовской группе). Стихи [38]. С.6–21.
17. «Новая газета», № 7, 1998, с.16. 1 стихотворение на полосе, посвященной выставке в ГТГ (см. № 30).

18. «Шестая колонна», № 1 (1998):

Г. Сапгир. Учитель. С.21.

Краткое практическое руководство как научиться рисунку и живописи талантливому ученику. С.22.

Стихотворения [14]. С.23–27. Публ. Д. Давыдова.

Альманахи, антологии

19. Между летом и зимой. – М., 1976. Альманах стихотворений для детей. <Сост. Вс. Некрасов>. С.29–31.

20. Аполлонъ–77. – Париж, 1977. Сост. К.К. Кузьминский и М. Шемякин. С.69.

21. Антология новейшей русской поэзии «у Голубой лагуны» в 5 т. /К.К. Кузьминский и Г.Л. Ковалев. Т.1. – Ньютонвилл, Мэсс., 1980. С.267–280. Включает некролог Н. Бокова («Русская мысль», 8 февр. 1979) и заметку Э.Лимонова из «Нового русского слова» от 16 марта 1975. 9 стихотворений.

22. Мансарда. Альманах. /Сост. Л. Кропивницкий. – М., 1992. С.102–115. 11 стихотворений.

23. Lianosowo. Gedichte und Bilder aus Moskau. – S-Press, 1992. – Hrsg. von G. Hirt und S. Wonders.

С.27–51: 12 стихотворений с параллельным немецким переводом.

На кассете 14 стихотворений (других) в авторском исполнении.

24. Русская поэтическая миниатюра. Антология. /Сост.

В.В. Кудрявцев. – Рудня, 1994, с.128. 1 стихотворение.

25. Строфы века. Антология русской поэзии. /Сост. Е.А. Евтушенко. – Минск–М.: Полифакт, 1995. С.241–243. 9 стихотворений.

26. Самиздат века. /Сост. поэтического раздела Г.В. Сапгир. – Минск–М.: Полифакт, 1997. С.405–408. 20 стихотворений.

27. Жужукины дети, или Притча о недостойном соседе. Антология короткого рассказа. /Сост. А. Кудрявицкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. С.258–259. 2 текста.

28. Поэзия второй половины XX века /Сост. И.А. Ахметьев, М.Я. Шейнкер. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2002. С.486–491. 14 стихотворений.

Исследования, мемуары, сборники

29. «Другое искусство». – М.: «Московская коллекция», «Интербук»; 1991:

Т.1. С.28–32 – текст Л.Е. Кропивницкого. С.259–266 – Вс. Некрасов. Лианозовская чернуха. С.267 – стихотворение Е. Л.

Т.2. С.113–114 – творческая биография художника.

30. Лианозовская группа: Истоки и судьбы. – М., 1998. Сборник материалов и каталог к выставке в Третьяковской галерее. Стихи. С.135–137.

31. Владислав Кулаков. Лианозово // «Вопросы литературы», № 3, 1991. Также в его книге: Поэзия как факт: Статьи о стихах. – М.: Новое литературное обозрение, 1999.

32. Наталья Шмелькова. Во чреве мачехи, или Жизнь – диктатура красного. – СПб.: Лимбус Пресс, 1999. С.163–196. [Ранее в урезанном виде в ж. «Литературное обозрение», № 5/6, 1994].

В составе мемуара опубликованы некоторые стихи, письма, заметка об Альвинге и автобиография 1977 г.

33. Вольфганг Казак. Лексикон русской литературы XX века. – М.: РИК «Культура», 1996. С.208–209.

Там сообщается, в частности, что «в них [стихотворениях] выражается положительное отношение автора к страданию и смерти».

34. Л.В. Зубова. Современная русская поэзия в контексте истории языка. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. С.352–353.

35. Эдуард Лимонов. Книга мертвых. – СПб. Лимбус Пресс, 2001. С.80–94.

Всего до сих пор было опубликовано около 200 стихотворений, из которых примерно 20 не вошли в нашу книгу; в некоторых публикациях есть ошибки, в некоторых помещены другие варианты.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Фото на фронтиспise относится к концу 30-х - началу 40-х годов. Оригинал вклеен в рукописную книгу Е. Л., предоставленную Е.М. Кропивницкой. Эта книга изготовлена в середине 1950-х годов, переплет обтянут ситцевой тканью, рисунок которой воспроизведен на обложке нашей книги.

Фотографии и работы Е.Л. и Л.Е. Кропивницких в иллюстративном блоке предоставлены Г.Д. и Н.Л. Кропивницкими, за исключением фото на с.П, предоставленного В.Е. Кропивницкой, и репродукций на сс.Х–ХІ.

Содержание

Предисловие (Ю.Б. Орлицкий)

5

Книга первая
КУСТЫ – И ЭТО

17

Писать с натуры...

18

НАЧАЛО ВЕСНЫ

Еще земля бела...

19

Хоть весна скупа, и снег...

20

Был мороз свиреп и крут...

21

Ветер дует, дует, дует...

21

НА ДАЧЕ

За террасой в полумраке...

22

Было серо. Небо плакало...

22

Нега зелени. Вода...

23

Над водою спят кувшинки...

23

Загрустил на даче Соловьев...

24

НА ЮГЕ

Помню моря сини, дали...

25

Жемчужно море. Пароход...

25

Ива старая мхом проросла...

26

Старый порт. В цвету земля...

26

МАРТ

Март. Синева дорог...

27

Кошачий месяц. Синий-синий...

27

В ЛЕСУ

Милый пень, ты сух и чист...

28

Рубку леса производят...

28

АПРЕЛЬ

Небесных просторов...

29

Будяки в канавах милы...

29

На поле ржет кобыла...

30

Под жаром солнца ветер стих...

30

Природа вешняя ясна...

30

ЦВЕТЫ

Ландыши свежи...

31

Цветик (Милый цветик, ты увял...)

31

ХОЛОДНАЯ ВЕСНА

Хоть весна – ветра задули...

32

Все дует ветер, дует ветер...

33

ДЕТСТВО

На палке пугало торчит...

34

Во сне желанья живы...

34

На штанах заплатка...

35

Глядеть в зеленую бутылку...

35

Первый снег и бел и нежен...

36

В МАЕ

В зеленой чаще – чаще...

37

У окна отрадно...

37

КАРТИНКИ

Песня дикаря (Еду, еду по пути...)

38

Времена года (Жарко. Парит.

Тишина...)

39

Прогулка (От росы трава помята...)

39

К лубочной картинке

(И ушел он одинокий...)

40

КУРЫ

Петушки поют всё лето...

41

Крыла – поэма цвета...

41

ЗНОЙ	Грабли, вилы и лопата...
Зной. Заснула в зное зелень...	52
42	Дым. Не задымятся...
Ни капли с неба не упало...	52
42	Спит старик после работы...
Спали: кровля, избушечка...	53
43	Смотрит старая старушка...
ГАЛКИ	53
В огороде палка...	Цветы, окошечко...
44	54
На козе сидели галки...	Над церковкою синели...
44	54
ЗАЙЦЫ	ЗИМА
Белеет белый зайчик...	Уже декабрь, а снега нет...
45	55
Ты стоишь один сарайчик...	Опять снежок посыпал...
45	55
ЦВЕТНАЯ ОСЕНЬ	Селезень красивый...
Рябинка алеется...	56
46	На елях отблеск снежный...
Осеннее панно (Красен клен. Желты березки...)	56
46	МОРОЗ
ЖИВОЕ	Искажены гримасой лица...
Козлы (Блеют белые козлы...)	57
47	Какой мороз! Смерть! Только ляг...
Рождение щенка (Без страданья и без звука...)	57
47	ЛАЗУРЬ
Вода, вода, водица...	В невероятной сини...
47	58
КОМАРЫ	Дни февраля морозно-сини...
Только вечер – комары...	58
48	ПОЭТЫ
Горела высь лазурью бледной...	Ода (Ода Пушкину. Поэт...)
48	59
ДОЖДЬ	Мил мне Игорь Северянин...
Расквакались лягушки...	59
49	СТРАСТЬ
Дервни и проселки...	Полдень (За рекой цветна поляна...)
49	60
ОСЕНЬ	МОЛОДОСТЬ
Мне очень нравится, когда...	Опять на огороде...
50	61
Цветики увяли...	Лес. Кукушки. Я и ты...
50	62
ДЕРЕВЕНСКАЯ СТАРИНА	ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СТИХИ
Была деревня за лесом...	Я юноша в фуражке...
51	63
	Острога моих напевов...
	63

ОЖЕРЕЛЬЕ

64

Песчаный берег бел...

64

Дороги кривы...

64

Из лесов прилез ведмедь...

65

Болотин ржа...

65

Ведун (Приходил туда, где камень...)

66

Спит загородка...

67

Плакала да выла...

67

Ты не жди меня сегодня...

68

Калики (Идут бредут убогие калики...)

68

Странник (Серо, сиро, дико...)

69

Звонкие кузнечики...

70

Ты весна моя, весна...

70

Над равнинами синели...

71

От росы намок платок...

71

Осенняя ночь

(Ночь. Боярская усадьба...)

72

Лешаки на пнях уселись ...

72

Ночной грабеж

(– Караул! – (Но темень, жуть...)

73

Я один ушел в пустыню...

73

Весенняя ночь (Ночь раскрыла
звездный полог...)

74

Замигали, засияли ...

75

Разбойник (Деревянная дощечка...)

75

Дура (На дворе у бака дура...)

76

Юродствующий

(За оградой пахло мятой...)

76

Пятый раз ко мне приходишь...

77

Я ждал ее весь день, весь день...

77

Сонет (Полузакрытых светлых глаз
мерцанье...)

78

Гроза

(Громовой раскат и ливень. Вот...)

79

Белая зимка пушиста...

79

Лесная дремь

(Зелень ивы, плеск волны...)

80

Апрель (Зябликов легкие трели...)

81

Майский холод

(За окошком ветер свищет...)

81

Грозы (Ежедневная гроза...)

82

Женщина с коровой

(Вот и женщина с коровой...)

82

На дворе тепло и тихо...

83

Утро (Дол сереет, лог синее...)

83

В пруду (Расширила жабры и стала...)

84

Деревь (В стольном граде дерева...)

84

Квартина

(Я знал ее, я с нею был когда-то...)

85

Зима и весна

(Небосклон зимою хмур...)

86

Зеленеет Божий мир...

87

Вечер розовый...

87

Небосвод свинцово-сив...

88

Поднимающая пыль на метр...

88

Апрельский денек
(Пруд еще не таял...)
89
Пряники
(Сколько в пряники положено...)
90
Марина (Море билось в берега...)
90
Вот и август смотрит мило...
91
Газэлла (Расцветают кустики...)
92

Книга вторая ВЕЛИКИЕ БУДНИ

93

Я поэт окраины...
94
Окраина (Небо точками наметив...)
95
Рая (Рая, Рая, Рая, Рая...)
96
Красивая девушка
(Подстрижена и завита...)
96
Каждый вечер беспрерывно...
97
Лушат семячки девицы...
97
Оконце, полотенце...
98
Из-за угла
(Ночь. Снежно. Мост и тишина...)
98
Свежеет ветер над снегами...
99
У зеленой водокачки...
99
Фабричная труба...
100
Старость (Штукатурка облупилась...)
100
За стеной кого-то били...
101
Была в трамвае давка...
101
У сломанного мотоцикла...
101
Кривится чья-то рожа...
102
Надо бриться аккуратно...
102
Приготовил график – график...
102
Вот пристань. И ходко...
103
Плывет качаясь лодка...
103
Старый лодочник у лодок...
104
С другом в околке...
104

Горлопанят где-то. Где-то...	Любовь плотника
105	(Специалистом я недаром...)
Вошь сера и заползает...	118
105	Маляр (Маховая кисть и вёдра...)
Бей, мурломка, мух!..	118
106	Реклама (Стена крупнейшего дома...)
Вспомнил о Ларисе...	119
106	Жилище
Полночь. Шумно. Тротуар...	(В небольшом полутемном жилище...)
107	119
Осенняя скука	Виртуоз на счетах он. И...
(День осенний, свет унылый...)	119
107	Сумасшествие (Крикнул «кукареку»...)
За столом компания...	120
108	Бил жену он смертным боем...
По витринам – из картона...	120
108	У него глаза такие...
Мечь (Смята белая перина...)	121
109	Люди, замыкайте норы...
Светлей луны у нас фонарь...	121
109	Убегал. Хлестали ветки...
Ходят стражи часовые...	122
110	На реке бельё я мою...
Бандит (Убили в проходном дворе...)	122
110	Мельник
В цирковом училище...	(Мужик не стар – лет сорока...)
111	123
Нам было весело на лодке...	Снег и сумерки в бору...
111	124
Серебро течет от месяца...	Разве нет приятелей...
112	124
Паук (Паутину тонкую...)	Во время голода
112	(Раз жила одна воровка...)
Гибель мух (Я избегаю влагу...)	125
113	Подвела часы и брови...
Март (Месяц синий...)	125
113	Старичок (Тараканов поморил...)
Не глядеть бы на него бы...	126
114	Пенсионер (Осень хмура, лист опал...)
Я люблю свою гитару...	126
114	Старичок я хилый...
Осенний снег (Каплют капли, каплют	127
капли с крыш...)	Вот жизни пепелище...
115	127
Из гостей (Две луны или четыре?...)	Городской мотив
116	(По рельсам катится вагон...)
Песня пьяницы (Тру-ля-ля, тру-ля-ля...)	128
117	Драка нищих (Где убогие жилища...)
	128

Надоело просыпаться...	Предметы потребления
129	(Всё нужно всем, всё нужно всем...)
Мастерская	140
(Пила, пили, пили, пили...)	Бутылки
129	(Сколько сделано бутылок на земле...)
У заставы, у забора...	141
130	Ее бесстыдством упоен...
Был он юный и влюбленный...	142
130	Изящная головка...
Я гуляющая девица...	142
131	Холодно, холодно...
У забора проститутка...	143
131	Черти (В коридоре черти. Злые...)
В лунном полуме лучистом...	143
132	Мурло (За окнами белым бело...)
Грусть девушки	144
(Завелась у милого привычка...)	Лихо (Поздно ночью тихо-тихо...)
132	144
Все бренно, все неечно...	Сон (Человек на койке спит...)
133	145
Его поймали и лупили...	Полустертая эпитафия
133	(Здесь похоронен... (временно...)
Надпись на заборе	145
(Не лейте, черти полосатые...)	Отравившийся
134	(Отравился на днях мухомором...)
Объявление на столбе	146
(Продается /Белая коза...)	Приезд стервы
134	(Приехавши, старая стерва...)
Артель (Кладем, таскаем кирпичи...)	146
135	Живые и мертвые
Он соскучился по водке...	(Все это только для живых...)
135	147
Хромые (Мы хромые с костылями...)	Хворь (Гриппы и ангины...)
136	148
Голодуха (Помираю с голодухи...)	Самообман (Мы тревожимся, орем...)
136	148
Баста! Больше на свиданье...	Раки (В одном из трех барakov...)
137	149
Я достала ордер и талоны...	Рыбий яд (С аппетитом рыбу ели...)
137	149
Человек хитер...	Черти и пьяница
138	(Горький пьяница качался...)
Под гитару поют...	150
138	Случай с пьяницей
Фабрика (Вот фабрика. На ней...)	(Получилось очень глупо...)
139	150
Сон калики (Где бурьян и повилика...)	События (В деревне вчера хоронили...)
140	151
	Парни (Бесшабашно праздные...)
	151

Старость (Я сегодня видел старость...)	Яд в колодец кинули...
152	163
Осень (Вот и осень...)	Принес сосед груши...
152	164
В вагоне (В вагоне солдаты...)	Незабудки на болоте...
153	164
Прачка Марья (Сколько я белья перестирала...)	В 20 лет свинью прирезал...
153	164
Экая проруха...	На миру убить – разбой...
154	165
Чертова кукла (Ах, какая странная...)	Он женился на ней...
154	165
Берлоги (По берлогам, по норам...)	Не повезло (Говорила мне она...)
155	165
Превратности судьбы (Я был яйцом когда-то...)	Муженёк (У меня есть муженек...)
156	166
На бумажной веревке повесился...	Эпитафия (Я военный человек...)
156	166
Женщины (Не касайся маво тела...)	Долго хромал он, качался...
157	167
Поиски мужа (Много юношей развязных...)	На смерть Лошакова (Какой-то помер Лошаков...)
157	167
Соседи (Я ему отдавалась бесплатно...)	Ядовитая колбаса (Парень рыжий и косой...)
158	168
Жена (Все мы девушки такие...)	Подселенец (Соседи горлопаны...)
158	168
Женщины и мужчины (Зря мужчины разумеют...)	Обыватели (Обыватель Иванов...)
159	169
Неопытность (Ах, я нежная такая...)	Недотрога (Я целомудренна зело...)
159	169
Машка (Горячая у Машки кровь...)	Венец творенья (Так вот венец творенья – вот!..)
160	170
Заведующий (На складе я работаю...)	Спор (Трупоедов трупы ел...)
160	170
Удача (Я надьсь надела мини...)	
161	
Печальная участь (Мужчины научили...)	
161	
Муж пьяница (Пил мой муж напропалую...)	
162	
Пили пиво у киоска...	
162	
В сумасшедшем доме...	
163	

**Книга третья
ЛИКИ ЖИЗНИ**

171

Что-то я зачах...

172

Я зябну снова...

172

Облысел я очень рано...

172

Орел (Орел в огромной клетке...)

173

Змея (Змея и серый кролик...)

173

Он писал стихи такие...

174

Вещи прячутся. Бывает...

174

Балаган (Надев колпак дурацкий...)

175

Не люблю я крика...

175

Посижу на лавочке...

176

На краю карниза...

177

Черный ворон на помойке...

177

Жалко смотрит старушка...

178

Мечта алкоголика

(Отдавшись огненной отраве...)

178

Мы живем, как на вокзале...

179

Медвежья колыбельная

(Хорошо в берлоге спать...)

179

Автопортрет (Стих и краток и прост...)

180

Смерть говорит (Еще не наорались?..)

181

Вот тут она сидела...

181

Песня голоштанников (Озябли руки...)

182

Нарывает ухо!..

182

Жизнь глядит подслеповато...

183

Холодеет на дворе...

183

Папиросы «Волна», папиросы
«Волна»...

184

Мне дар поэзии дарован...

184

Дожди до черта надоели...

185

Покойник (Спокойно руки сложены...)

186

Недоносок (Мертворожденное дитя...)

186

Выпивку забуду...

187

Дал зарок – потеха это...

187

Рыбьих тел громада...

188

Тварь (Жила на свете тварь...)

188

Мороженое

(Был он в женщину влюблён...)

189

Темы (Темы жизнь дает сугубые...)

189

Свиданье (Вот серебрится луна...)

190

В метель (Заверюха дует в ухо...)

191

Сила жизни

(Бродила рыжая собака...)

192

Скрипач (Я в крематории играл...)

193

За столько-то дней до кончины...

194

Как странно, что этот покойник...

194

Радикулит

(Как раздавленный червяк...)

195

Грусть девушки

(Эх, ненастная погода...)

196

Смерть пьяницы

(Назююкался изрядно...)

197

Гибель птички
(Ты погибла птичка, птичка...)
198
Роковое (Хоть кто-то лихое таит...)
198
Убийства
(Всех, кто нам мешает жить...)
199
Наваждение (Экое мученье...)
199
Женщина в больнице
(Дома хуже чем в больнице...)
200
В квартире (Я целовал ей рот...)
200
Колбаса (Голова болит от таянья...)
201
Оголенность
(Оголённость жизни сущей...)
201
Сука (Приходили женихи вначале...)
202
Мухи жужжат...
202
Подвалы
(Вот подвалы – темень темная...)
203
Я ючусь в подвале...
203
Жуткое (Жутко! – Вывихи домов...)
204
Встреча с Холиным
(Вот и ландыши. Дыши...)
205
Лимонов (Лимонов, Лимонов...)
205
Белая горячка
(Он допился до белой горячки...)
206
Барахло (Так много всякой всячины...)
206
Мыло (Она подарила мне мыло...)
207
Белая ворона
(Вы забыли то свиданье...)
207
Встреча (Она вчера приехала...)
208

Книга четвертая ЛИРИКА

209

Никому не завидую...
210
Надоело чай пить...
210
На дворе война и стужа ...
211
Иду я в суতোлке мира...
211
Я был весел: хмельное вино...
212
День сегодня весь дома я...
212
За стальной оградой сада...
213
Человек с пилой. Играет...
213
У киоска сер асфальт...
214
Там светы звездной жути...
214
Я не прочен, как не прочен...
215
Крылами серафима...
216
Как мы материальны...
216
Я любовь ценил превыше...
217
Дверь закрыта. Ночь настала...
218
Прячьтесь в теплые берлоги...
219
Свет фонаря во тьме блестел...
219
Вот и прошла моя любовь...
220
Все живут – зачем не знают...
220
В мирских делах я мало значу...
221
Я под старость стал светлее...
221
Жизнь не понятна ни кому...
222
Людей унылы лица...
223

Опять я выпил водки...	Я целовал ее. Я гладил...
223	235
Может быть я странен...	Дни скорби, Господи, близки...
224	235
Всё пройдет, и радость и печаль...	Мы охватить не можем всё...
224	236
Нет молчанья - гулы всюду...	Полемизировать не стану...
225	236
Жестокость	Голова моя немеет...
(На земле жестокость была...)	236
226	Мапа нет. Он помогает...
Дни идут, проходит время...	237
226	Мне ваша строгость не нужна...
Ночь осенняя упала...	237
227	Притаилась каракатица...
Тихо-тихо. Спят соседи...	237
227	Нет, мне ее не полюбить...
Только чуть задремлю...	238
228	Уж мне не до любви теперь...
Пугает нас прах сей убогий...	238
229	Приехал толстый гражданин...
Мир уныл и тревожен...	238
229	Что философствовать, к чему?..
Анютины глазки	239
(Анютины глазки в стакане...)	Искусство для искусства...
230	239
Снова ночь встречаю я...	Отвлечемся от напастей...
230	239
Земля сплошной погост...	Тепло и нежно ее тело...
231	240
Дух мой волен без предела...	Я знаю: вы не для меня...
231	240
Плоть дряхлеет и томится...	Грань безумья
232	(Бывают порой происшествия...)
Нет письма – одна газета...	241
232	Никому не доверяйся...
Скрыться в нору бы глухую...	241
232	Мы во власти окаянства...
Какие гулы за окном...	242
233	Смерть гражданина
Живые мертвых уволакивают...	(Дьявол душу растерзал...)
233	242
Все мы ходим по канату...	Что за девушка? Она...
234	243
У вас угрюмая душа...	Не светает долго...
234	243
Мяучат кошки по дворам...	Добрая девушка
234	(У вас есть живот и есть груди...)
Бодритесь зря. Бодриться глупо...	243
235	

Шум в ушах весьма докучен...
244
 Нам бы водки хлестануть...
244
 Смертный час (У каждого свой
смертный час уж есть...)
245
 Вот мне 80 лет...
246
 Приходил художник Замираев...
247
 Земная плоть
(Пьем мы водку, девок любим...)
247
 Неизбежная гибель
(Болезни и недуги...)
248
 Осенний радикулит
(Снова муки в сентябре...)
248
 Вместо идеальности...
249
 Я лавировал всячески с вами...
249
 Чудо есть – я это знаю...
250
 Грипп (Расчищал к сараю ход...)
250
 Больница
(Не клади меня в больницу...)
251
 Живая материя болеет...
252

КРУЖЕВА

253

СТИХИ 1963 ГОДА

В пору ту /Мы ведали беду...
254

С парнями ходила...
254

Те, кто мне не симпатичен...
254

СТИХИ 1964 ГОДА

Все хвалят вас...
255

Его стихи – шарада...
255

Если хочет оно жить...
255

Нынче с утра...
256

На пляже...
256

На утренней рани...
256

Осень. Ветер завывает...
257

Осенняя погода...
257

Сева, /Ева, /Холин...
257

Ах, любить мне вас нельзя...
258

Сны-кошмары...
258

Суеверье...
258

Строил крематорий...
259

Что ж, пробуйте свои силы...
259

То, чему учил я вас...
259

Зданий новых кубы...
260

Звериным голосом пела фокстрот...
260

Электричества нету...
260

Я связан с бытом...
261

Я вас превратил в богородицу...
261

Совет поэтам (Длинные стихи...)
261

СТИХИ 1965 ГОДА

А я-то думал...
262
Бед много таится...
262
Вся жизнь во мне...
262
Всё промелькнет...
263
Все, что от сердца...
263
Высокопарные стишки...
263
Возрожденье в стихах футуризма...
264
Вы обманули нас...
264
Уж такой мой дом...
264
Девушка с лицом суровым...
265
Дама слушала стихи мои...
265
Ему – ее тело, ее душа...
265
Как трудно жить!..
266
Когда беда строит гримасу...
266
Люди есть – живут с азартом...
266
Любовь – мученье...
267
Любовь прошла...
267
Мне казалось видеть ее – счастье...
267
Много дней...
268
Не надо бояться докуки...
268
Не томиться бы...
268
Ничего не домогайся...
269
Он попал в тюрьму...
269
Он ратовал...
269
Она превратилась...
270

О вас не думаю боле...

270
Просто иди...
270
Ее муж сказал...
271
Сочинять стихи вам лень...
271
Стихи свои она читала...
271
Стихи мои сугубы...
272
Суздаль. Водка. И она...
272
Много было боли...
272
Тот поэтический язык...
273
Уйти в затвор...
273
Утро. Лето...
273
Хи-хи, хи-хи, хи-хи!..
274
Монолог Евы Уманской
(Настоящий мужчина...)
274
Ту, что я так боготворил...
275
Женщины не любят...
275
Ждал. Не дождался...
275
Зима пришла...
276
Я был у ее двери...
276

СТИХИ 1966 ГОДА
Бессонница у нас...
277
Боли в теле...
277
От сердцебиения...
277
Сколько всего было!..
278
Я в эти годы...
278
Надо нам...
278

ЗЕМНОЙ УЮТ

279

- Отдых оборванцев
(Там где мусорно и грязно...)
280
- У бака (У мусорного бака...)
281
- Безрукий (Я живу в своей коморке...)
282
- Старушонка
(Старушонка убога...)
283
- Гармонист
(Голод, холод – ной не ной!..)
284
- Начальник
(Наш начальник слабоумен...)
285
- Ночь (Боимся мы ночи...)
286
- Деревенская гулянка
(Встали ночи диким гиком...)
287
- В слободке (У заборов четко слажен...)
288
- Возвращение солдата
(Ты ли мне не говорила...)
290
- Житейская проза
(Уныло каркают грачи...)
291
- Беда (Вот живешь, живешь –
не знаешь...)
292
- Страшное
(Сталь мостов пружинит хлестко...)
293
- Свора (За ней бежала свора...)
294
- Лихо (С головой жирафы...)
295
- Новый бог (Отломивши оба рога...)
296
- Девушка (Ах, краса моя созрела...)
297
- Забава сатаны
(Ненавижу насекомых...)
298
- Голубая ночь
(Ледяная пустынная ночь...)
301
- Горбуны
(Между прочих ходят горбуны...)
302
- Весна (О, вешней ночи нега...)
303
- Младенчество
(Без кокетства, без затей...)
305
- Секстина
(Молчи, чтоб не нажить беды...)
306
- Грипп (За окном седая слякоть...)
308
- Арестанты (По дороге в осужденье...)
310
- Санитарка
(Занялся мой муж мышами...)
311
- Хирург (Резали бледное тело...)
312
- Чьей породы?
1 (Люди, сколько вы прожили...)
313
- 2 (Гамадрил свиреп и рьян...)
314
- Алкоголик (От душевной ли боли...)
315
- Поллитровка (Пальто мое изношено...)
316
- Селедка (Засолили жирную селедку...)
317
- Земная плоть (Как ты не крепка...)
318
- Дура на качелях
(На качелях качается дура...)
319
- Продавщица воды
(Не застенчива я стала...)
320
- Заключенный
(Ты мои любила волосы...)
321
- Бесовская колыбельная
(Спите, дьяволы и черти...)
322
- Избиение мух
(Размахался сердясь гражданин...)
323
- Сектантская (Зацвела наемни липа...)
324

Осень бедняцкая (Как тяжка нам бедным осень...)	Богомольные старушки (Бредут старушки...)
326	348
Могилы (Ты, душа, так рада-рада...)	Белые платочки (Супротив иконы...)
328	349
Временным (В куреньи сердцу много зла...)	Нищий профессионал (И черный хлеб мне впрок пойдет...)
329	350
Лиловая змея (Оголили парк скоты...)	Людмила 1 (Ах, Людмила, Людмила, Людмила...)
330	351
Старый поэт (Вот поэт - он стар уж и недужен...)	2 (Ах, Людмила, Людмила, Людмила...)
331	352
Ночь (Ночь безлунна, ночь темна...)	Кабак (А вот кабак...)
332	353
Старая дева (Погода нехорошая...)	Разгульная (Иэх, как выпью я ерша...)
333	354
Самоубийца (Не дождался смерти...)	Паучиха (Мы недавно жили мирно...)
334	356
Землечерпалка (На шоссе землечерпалка...)	Персональная выставка (Какая важная персона...)
335	357
Рок (От смерти не спастись никак...)	Бабье лето (Дерева светлеют и желтеют...)
336	358
Пьянство из-за любви (Ах, он пьян опять как стелька...)	Раздумье старика (Вот я жил, а ныне доживаю...)
338	359
Строительство (Людьми так много наворочено...)	Новый год (Вот и январь, опять январь...)
340	360
Молодой девушке (Гляжу на вас с прискорбным я смущеньем...)	Этапы жизни (Раскрывшиеся почки...)
341	362
Дом (Дом. Он серого цвета...)	Вечная баллада (Был молод он...)
342	364
Муха (Не промахнулась: в комнату влетела...)	Больные (Стонут, кашляют больные...)
343	366
Зарезанный (В ней не было яростной гневности...)	Дежурный (За окном все гул докучный...)
344	368
Шлагбаум (Шлагбаум не закрыла... зевнула...)	Ожидающие (Ждут все смерти. В ожиданьи...)
345	369
Бедняки (Голодуем, терпим муку...)	Трезвенник (Как я бросил водку пить...)
346	370
Высотный дом (Он живет в высотном доме...)	Оптимист и пессимист (С оглушительным «ура»...)
347	372
	Праздник (Лошадиный слышен топ...)
	373

Средство от туберкулеза (Лают псы и заливаются...)	Парфильевна (Знают все Парфильевну...)
374	400
Каждому (Будет день – тебя не будет...)	Ребенок (Вот и кончилась любовь...)
376	402
Серебряные птицы (Я вижу из своей светлицы...)	Осенью за поллитровкой (Эх ты, осень! Снятся сны...)
378	404
Полная неизвестность (Все не может кончиться...)	Ужас (Изнасиловали трое...)
379	405
Нищий (Осень вяла и уныла...)	Именины (Приглашен на именины...)
380	406
Укусы (Насекомые и звери...)	Рассказ нищенки (Проживает на квартире...)
381	408
Жуть (Ах, свирепые есть люди!..)	Девочка (Как тебя мне жалко...)
382	410
Кошки (Дни любви сладки...)	Черт (Это на руку – не верят...)
383	411
Деревенские сплетницы (Две сплетницы у тына...)	Классификация убийства (Классифицируем убийства...)
384	412
Петухи (Я на фабрике с утра...)	Рыбак (Груб рыбак – он смотрит дико...)
385	413
Жизнь кипит (Прутся, лезут в автобусы...)	Убийца (Я учился в университете...)
386	414
Дошлий народ (Сколько дошлого народа...)	Старшина (Есть ли Бог? – мне неизвестно...)
387	415
Рукопись человека, посетившего ад (Как Данте, посетил он ад...)	Тело и душа (Известно: тело. А душа?..)
388	416
Ведьма (Ведьмой сделаться не трудно...)	Раздумье (Жизнь как бред – да – это ясно...)
390	418
Женщина (Я свободная девица...)	Любители жить (Все миряне любят жить...)
391	420
Тритатушка (Я как кошка с кавалером...)	Половая любовь (Любовь половая...)
392	421
Земной уют (Граждане, располагайтесь...)	Осень (Лето, видимо, устало...)
394	422
Человек (Он к земле привязан очень...)	Покойник (Покойника приятно видеть...)
396	423
Враги (Как он ниц и как он наг...)	Смерть поэта (Я плакал пьяными слезами...)
398	425

СОНЕТЫ

427

Труба

(Два человека небольшого роста...)

428

Нищие

(Прошкандыбала старая старуха...)

429

Восставшие (С глухих окраин, от
темных смрадных свалок...)

430

Самосуд

(На площади толпы большое тело...)

431

Соседка (Нам встреча
предназначена судьбой...)

432

Старый двор

(Двор. Нор не счастье.

Кривится высь...)

433

ЗЛАЯ ЖИЗНЬ

Венок сонетов

434

Припоминаю осень...

442

Нравоучительный сонет

(Ты не куришь – всем известно...)

443

В старой провинции

(Злющий лай лихих собак...)

444

Убийство любовницы

(Я ее во время оно полюбил...)

445

Сонет (Лето кончилось. Зима...)

446

Покой (Ах как я хочу покоя...)

447

Часы (Минутка за минуткой...)

448

Старость

(Плоть хиреет с каждым годом...)

449

Заглядывал в окошки...

450

В изо-студии

(Вот следы былой культуры...)

451

Зимища (Всё зима, зима, зимища...)

452

Сонет-триолет

(Что поэзия нам – забава...)

453

Решительная девица

(Вот и март – кошачий месяц...)

454

Старка

(Я хоть молод – пью я «старку»...)

455

Будь готов к великому страданию...

456

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

457

Из прошлого (Рыба вкусная тарань...)

458

Ночь (Кривилась витрина...)

461

Хулителю (Веселая обитель...)

462

К людям

(Люди, вот мои стихотворенья...)

463

Живущим

(Ты зачат был во тьме, случайно...)

464

Лазерный цветок

(Блаженства райского глоток...)

465

Золотое руно (Изнурил себя

паскудным табаком...)

466

Серенада

(Вот мой плащ и вот гитара...)

467

Зимка (Всё бело и светло...)

468

Ненасъе (Ветер взвыл – и воет, воет...)

468

На этюдах (Природа – чудо-юдо...)

469

Лето (Зелень ивы, плеск волны...)

469

Огурцы (Поспевают огурцы...)

470

Всё заборы, заборы...

471

В вине немало жути...

471

Критика (В поэзии уместна ложь...)

472

Милый друг, о ангел неземной...

472

Лимон (Благородный плод лимон...)

473

Пасха (Пруд растаял, снегу масса...)

473

Радуга (Малиновый, красный,
оранжевый, желтый...)

474

Автоматы

(Еще поллитра, хрипы, «маты»...)

475

Голос смерти (Смертные созданы...)

476

Аборт (Ах, ты сделала аборт?..)

476

О стихах (Объяснять стихи не надо...)

477

Лекарственные стихи

(Папа Верин, анальгин...)

477

Белая церковь

(Злое начало. Зло. Замкнут круг...)

478

Вы нас поработить хотели...

478

Жуткая тишина

(Пойдешь туда, сюда ли глянешь...)

479

Комната (Ее нет. Всё так, как было...)

479

Выл осенний ветер...

480

Смертные

(Каждый смертный /Убивает...)

481

Все любят наслаждения...

481

БЕЛЫЕ СТИХИ (1973)

За окнами сирень...

482

Я голодал 17 лет...

482

Боли в теле надоели...

483

Не вторгайся никуда...

483

Знаю: ты отменно ражий...

484

Ты наглец – первый сорт...

484

Вот весна глядит в окошко...

485

Все мы бренны и сугубы...

485

Я спросил у пса: Что знаешь?..

486

Я гляжу на лилею...

486

Он сугубый фанатик...

487

Вот майские стихи мои...

487

МЯСО	Будь осторожен – не касайся...
Мы из мяса, мы мясные...	499
488	Пропажа Бальмонта
Человечье мясо бренно...	(Пропаля Бальмонт – любимый мой поэт...)
488	500
Материализм всех учит...	Девушка в брюках
488	(Ты мне в глаза глядела...)
Друзья, лечите мясо...	500
489	
	БЕЛЫЕ СТИХИ (1977)
По радио стихи читали...	Я люблю писать хореем...
489	501
Кара	Кекс противный, кекс невкусный...
(Любовь плотская грех сугубый...)	501
490	Будни жизни надоели...
Окно (Сидела у открытого окна...)	502
491	Жизнь я зорко наблюдаю...
Дьяволица	502
(Ночь из недр земных глядится...)	С детства я любил искусства...
491	503
Все кончено навеки между нами...	Героизм в искусствах жалок...
492	503
Любовь все дни была со мной...	Да певец я нищеты...
492	504
Опять зазеленела ель...	И Анненский и Пастернак...
493	504
Твое тело плотью пахло...	Нам бы каяться в грехах...
493	505
Земля живет. Микробы и бациллы...	Про любовь писать умели...
494	505
Дохла земля лиходейством...	
494	Черный шар
Я за всех отмолился, о Боже!..	(Где вы, жившие когда-то...)
495	506
Ночь. На плитку я поставил...	Под окном корова долго мочится...
495	508
Всё мы знаем, всё мы ведаем...	Умирать никто не хочет...
496	508
Я старался уклониться...	Жизнь прошла. Все прошло
496	невозвратно...
Две девушки (Рая и Ада...)	509
497	Болело сердце и болит...
Много извела лиха я...	509
497	Люди сильных, грозных любят...
Нищета и убогость...	510
498	
Надо всех бояться...	
498	
Какие тяжкие дома...	
499	

РАННИЕ СТИХИ

511

Триолет (Мне будни серые страшны...)

512

Печально улыбнуться...

512

Похоронили с барабаном...

513

Никто ничего не знает...

513

СУМЕРКИ ДНЕЙ

Пусть шумна улица московская...

514

Я парикмахер: стригу и брею...

515

НЕУГАСИМАЯ ЛАМПАДА

На горах

(В мире горьком и жестоком...)

516

У храма

(Подвязав лапотки шли дорогами...)

517

Горными тропами

(Горный лес да тропиночки малые...)

518

Уродцы (Окрест осенние болотца...)

519

ДЕРЕВНЯ

В избе (Гулко поет да стелется...)

520

Смерть Авдотьи

(Перед Святой, как нарошно...)

521

С фронта (Марья была так рада...)

522

Весна (Рыжий горластый петух...)

523

Вокруг деревни (Объезжало деревню
двенадцать баб...)

524

ПРОЗА

525

Автобиография

526

Автобиография [2]

528

Что я думаю о стихах

530

К своим стихам

532

Об искусстве

533

Краткое практическое руководство
как научиться рисунку и живописи
талантливому ученику

540

Искусство художника

542

Старое и новое искусство

544

О картинах

546

Два течения

547

Краткое руководство

как надо смотреть живопись, рисунок
и скульптуру

548

О своей живописи и рисунке

550

Новое искусство

551

Хилый старичок

552

Гибель Блохиной

553

Два варианта

554

Доброе и злое

555

Васька Жеребцов

556

Вещи

558

Рубашка

559

Вещи [2]	560
Еще о вещах	562
Мои вещи	563
Кладбищенский эпизод	564
Орфей	565
Новая биография Баха	567
Вежливый милиционер	569
Переход	570
Что самое страшное	571
Сказочка	572
Соблазны	573
Чувства плоти	574
Неудачный звонок	576
Как я сделался делопроизводителем	578
Бабка-кошатница	579
Воспоминания о Филарете Чернове	580
100 советов самому себе	600
О любви	607
О разном	610

О Е.Л. КРОПИВНИЦКОМ **611**

Лев Кропивницкий	612
Валентина Кропивницкая	617
Генрих Сапгир	625
Игорь Холин	629
Всеволод Некрасов	632

Комментарий

633

Библиография	648
--------------	-----

К иллюстрациям	650
----------------	-----

Содержание

651

Предисловие Ю.Б. Орлицкого
Составление и комментарий И.А. Ахметьева
Подготовка текста: И.А. Ахметьев и В.И. Орлов
Корректор Г.Г. Лукомников
Дизайнер Е.А. Корнеев
Верстка: Е.А. Пряхина
Рисунок ткани на обложке: Т.А. Ожередова
Печать: Типография №2
Тираж 1000 экз.

